

ТЕМА НОМЕРА:
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

«Референдум стал важной вехой в истории нашей страны, показал сплоченность и готовность нации к реальным переменам. Высокая явка стала свидетельством зрелости и ответственности нашего общества. Благодарю всех, кто пришел на избирательный участок и поддержал начатые в стране преобразования...»

Изменения в Основной закон – это не конечная стадия, а только начало наших реформ. Мы продолжим всестороннюю модернизацию страны. На базе обновленной Конституции мы сформируем более эффективную модель функционирования всех институтов власти, укрепим механизмы сдержек и противовесов между ними. Последовательные политические преобразования будут способствовать развитию национальной экономики, укреплению национального предпринимательства. Теперь нам предстоит сформировать прозрачные и справедливые правила игры в экономике, провести реформу законодательства. Важно искоренить все искусственные монополии, поставить надежный заслон коррупции...

Будет продолжена системная работа по полной модернизации и дебиюкратизации государственного аппарата. Мы должны построить передовое государство, отвечающее ожиданиям и запросам всего общества. Эффективность системы управления будет определяться достигнутыми результатами. Приоритетом работы государственного аппарата должно стать тесное взаимодействие с бизнесом, общественными организациями и гражданами. Это позволит принимать решения в интересах страны и повысить качество услуг, предоставляемых населению. Деятельность государственных служащих должна стать максимально открытой и действительно подотчетной гражданам. Государственная служба – это особая ответственность перед своим народом, а не место для личного обогащения.

Конституционная реформа открывает возможности для модернизации всей правовой сферы. Парламенту и Правительству на основе принятых в Конституцию поправок предстоит внести соответствующие изменения в законодательство. В Казахстане необходимо с учетом мирового опыта разработать реформы, направленные на построение эффективных правовой и судебной систем. Мы видим растущий спрос со стороны общества и бизнеса на защиту своих прав и законных интересов. Казахстану необходима правовая система, обеспечивающая максимальную защиту прав и интересов граждан и предпринимателей. В законодательстве не должно быть норм, препятствующих стабильному развитию страны. Все сомнительные и не отвечающие современным требованиям нормы должны быть отменены.

Нам необходимо пересмотреть законодательство, которое способствовало концентрации экономических ресурсов страны в руках узкой группы лиц и предоставило им излишние преференции. В соответствии с моим Указом создана Межведомственная комиссия по возврату незаконно выведенных из страны финансовых средств, а также возврату в государственную собственность незаконно приватизированных активов. Мы продолжим наш курс на комплексное усиление системы защиты прав и свобод человека.

В рамках правовой реформы будет воссоздан Конституционный суд. Необходимо внедрить механизм оперативного реагирования на его постановления, чтобы граждане ощутили пользу от деятельности данного очень важного института. В Новом, Справедливом Казахстане не должно быть места полицейскому произволу, некомпетентным прокурорам и предвзятым судьям. Общество ждет от правоохранительной и судебной систем реальных изменений. Конкретные решения по этим и другим вопросам развития страны я представлю в своем выступлении на открытии очередной сессии Парламента в сентябре текущего года.

Наша основная задача – укрепление нашей священной Независимости, единства страны и общественного согласия. Реформы проводятся не ради лозунгов и красивых слов, а для того, чтобы построить Новый, Справедливый Казахстан».

Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева к народу Казахстана [6 июня 2022 г.] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-k-narodu-kazahstana-6525> (29.06.2022).

**ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ
ПРАВО и ГОСУДАРСТВО
LAW and STATE**
№ 2 (95), 2022

ТЕМА НОМЕРА:
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. Сарсембаев М.А. (төраға) – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Нұр-Сұлтан қ.);
2. Әбдіров Н.М. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Орталық Сайлау комиссиясының Төрағасы (Нұр-Сұлтан қ.);
3. Әбдірайым Б.Ж. – з.ғ.д., профессор, «Астана Медицина Университеті» АҚ Директорлар Кеңесінің төрағасы, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Нұр-Сұлтан қ.);
4. Авакьян С.А. – з.ғ.д., профессор, М.В. Ломоносов ат. ММУ конституциялық және муниципалдық құқық кафедрасының меңгерушісі (Мәскеу қ., РФ);
5. Асанов Ж.Қ. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының Төрағасы (Нұр-Сұлтан қ.);
6. Ахпанов А.Н. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры (Нұр-Сұлтан қ.);
7. Бекназаров Б.А. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Парламенті Сенаты төрағасының экс-орынбасары (Нұр-Сұлтан қ.);
8. Белых В.С. – з.ғ.д., Еуразиялық салыстырмалы және халықаралық кәсіпкерлік құқық ғылыми-зерттеу орталығының директоры, В.Ф. Аюков атындағы Орал мемлекеттік заң университеті кәсіпкерлік құқық кафедрасының меңгерушісі (Екатеринбург қ., РФ);
9. Борчашвили И.Ш. – з.ғ.д., профессор, «Заманауи құқық институты» ЖШС жетекшісі (Нұр-Сұлтан қ.);
10. Даулубаев А.К. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің мүшесі, Қазақстан Республикасының экс-Бас прокуроры (Нұр-Сұлтан қ.);
11. Девуленов М.М. – PhD, «Нархоз Университеті» КАҚ Президенті, Басқарма төрағасы (Алматы қ.);
12. Дулатбеков Н.О. – з.ғ.д., профессор, Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университетінің ректоры, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Қарағанды қ.);
13. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
14. Козловски, Артур – доктор абил, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
15. Малько А.В. – з.ғ.д., профессор, Ресей Ғылым Академиясы Мемлекет және құқық институты Саратов филиалының директоры (Саратов қ., РФ);
16. Мелквек, Бьярн – з.ғ.д., құқық профессоры (teipuge), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
17. Мороз С.П. – з.ғ.д., профессор, Каспий Университеті «Әділет» Жоғары құқық мектебінің деканы (Алматы қ.);
18. Понкин И.В. – з.ғ.д., Ресей Федерациясы Президенті жанындағы Ресей халық шаруашылығы және мемлекеттік қызмет академиясы, мемлекеттік және муниципалдық басқару кафедрасының профессоры (Мәскеу қ., РФ);
19. Рогов И.И. – з.ғ.д., профессор, Нұрсұлтан Назарбаев Қорының Атқарушы директорының орынбасары, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-төрағасы (Нұр-Сұлтан қ.);
20. Россинская Е.Р. – з.ғ.д., профессор, Сот сараптамалары институтының директоры және О.Е. Қутафин ат. Мәскеу мемлекеттік заң университеті сот сараптамалары кафедрасының меңгерушісі (Мәскеу қ., РФ);
21. Саидов А.Х. – з.ғ.д., профессор, Өзбекстан Республикасы Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталықтың директоры, Өзбекстан Олий Мажлисі Заң шығару палатасының (Парламентінің) Демократиялық институттар, мемлекеттік емес ұйымдар және азаматтардың өзін-өзі басқару органдары комитетінің төрағасы, Өзбекстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының академигі (Ташкент қ., Өзбекстан);
22. Стоилов Я.Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Әулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
23. Тоғжанов Е.Л. – саясат.ғ.д., з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Премьер-Министрінің орынбасары (Нұр-Сұлтан қ.);
24. Шакиров А.О. – з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Парламенті Сенаты Төрағасының орынбасары (Нұр-Сұлтан қ.);
25. Шаптала Н.К. – з.ғ.д., Украина Ұлттық ішкі істер академиясы конституциялық құқық кафедрасының профессоры, Украина Жоғары білім академиясының академигі, Украина Конституциялық Сотының экс-төрағасы (Киев қ., Украина).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Ударцев С.Ф. (бас редактор) – з.ғ.д., профессор, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің Құқықтық саясат, конституциялық заңнама және мемлекеттік басқару мәселелері жөніндегі ғылыми-зерттеу жобаларының жетекшісі (Нұр-Сұлтан қ.);
2. Абдрасулова Г.Э. – з.ғ.к., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Жеке құқық департаментінің teaching professor (Нұр-Сұлтан қ.);
3. Аубакирова И.У. – з.ғ.д., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Жария құқық департаментінің assistant professor (Нұр-Сұлтан қ.);
4. Бектибаева О.С. – PhD, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Құқық жоғары мектебінің директоры (деканы) (Нұр-Сұлтан қ.);
5. Биебаева А.В. – з.ғ.к., доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Нұр-Сұлтан қ.);
6. Бусурманов Ж.Д. – з.ғ.д., Каспий Университетінің профессоры (Алматы қ.);
7. Возняк О.А. – з.ғ.к., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Қылмыстық сот төрелігі департаментінің teaching professor (Нұр-Сұлтан қ.);
8. Джекеебаев Ч.У. – з.ғ.к., Жеке сот орындаушыларының республикалық палатасы жанындағы Оқу орталығы директорының орынбасары (Нұр-Сұлтан қ.);
9. Естеміров М.А. – PhD, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Жеке құқық департаментінің teaching professor (Нұр-Сұлтан қ.);
10. Ешниязов Н.С. – PhD, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Халықаралық құқық департаментінің assistant professor (Нұр-Сұлтан қ.);
11. Жұмағұлов М.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесінің мүшесі (Нұр-Сұлтан қ.);
12. Жүсіпов А.Д. – з.ғ.д., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің Жария құқық департаментінің teaching professor (Нұр-Сұлтан қ.);
13. Идрышева С.К. – з.ғ.д., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Нұр-Сұлтан қ.);
14. Калишева Ж.Г. – з.ғ.к., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Салық Зиманов атындағы Құқықтық және экономикалық зерттеулер академиясының заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюросының басшысы (Нұр-Сұлтан қ.);
15. Қаудыров Т.Е. – з.ғ.д., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің Жеке құқық департаментінің teaching professor (Нұр-Сұлтан қ.);
16. Ким К.В. – з.ғ.к., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Нұр-Сұлтан қ.);
17. Қоғамов М.Ш. – з.ғ.д., профессор, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Нұр-Сұлтан қ.);
18. Лозова Я.В. – PhD, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Халықаралық құқық департаментінің Teaching Professor, Құқық жоғары мектебінің директорының (деканының) ғылыми, жоғары оқу орнының кейінгі білім және даму жөніндегі орынбасары;
19. Малиновский В.А. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің мүшесі (Нұр-Сұлтан қ.);
20. Нарикбаев Т.М. – М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университетінің Басқарма Төрағасы (Нұр-Сұлтан қ.);
21. Ногайбай З.М. – құқық докторы, «KAZENERGY» қауымдастығының атқарушы директоры (Нұр-Сұлтан қ.);
22. Нұрмағамбетов А.М. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті заң факультетінің азаматтық, еңбек және экологиялық құқық кафедрасының меңгерушісі (Нұр-Сұлтан қ.);
23. Нұртаев Р.Т. – з.ғ.д., М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Нұр-Сұлтан қ.);
24. Пөн С.Г. – з.ғ.к., Провост – Салық Зиманов атындағы Құқықтық және экономикалық зерттеулер академиясының директоры (Нұр-Сұлтан қ.);
25. Подопригора Р.А. – з.ғ.д., Каспий Университетінің профессоры (Алматы қ.);
26. Саялин С.В. – құқық докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Алматы қ.);
27. Сейтенов Қ.Қ. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Нұр-Сұлтан қ.);
28. Темірбеков Ж.Р. – PhD, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Жария құқық департаментінің teaching professor (Нұр-Сұлтан қ.);
29. Тлепина Ш.В. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Нұр-Сұлтан қ.);
30. Турецкий Н.Н. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Парламенті Сенаты Аппаратының Конституциялық заңнама, сот жүіесі және құқық қорғау органдары комитетімен Өзара іс-қимыл бөлімінің меңгерушісі (Нұр-Сұлтан қ.);
31. Хасенов М.Х. – PhD, М.С. Нарикбаев ат. КАЗГПУ Университеті Жеке құқық департаментінің assistant professor (Нұр-Сұлтан қ.);
32. Шапақ Ұ.Ш. – з.ғ.д., Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің мүшесі (Нұр-Сұлтан қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Сарсембаев М.А. (председатель) — д.ю.н., профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан);
2. Абдилов Н.М. — д.ю.н., профессор, Председатель Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
3. Абдраимов Б.Ж. — д.ю.н., профессор, Председатель Совета директоров АО «Медицинский Университет Астана», член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
4. Авакян С.А. — д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ);
5. Асанов Ж.К. — к.ю.н., Председатель Верховного Суда Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
6. Ахпанов А.Н. — д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан);
7. Бекназаров Б.А. — к.ю.н., экс-заместитель Председателя Сената Парламента Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
8. Бельх В.С. — д.ю.н., директор Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права, зав. кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, РФ);
9. Борщавили И.Ш. — д.ю.н., профессор, руководитель ТОО «Институт современного права» (г. Нур-Султан);
10. Даулбаев А.К. — к.ю.н., член Конституционного совета РК, экс-Генеральный прокурор Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
11. Дауленов М.М. — PhD, Президент, Председатель правления НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
12. Дулатбеков Н.О. — д.ю.н., профессор, Ректор Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Караганда);
13. Зиемблицкий, Бартош — PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
14. Козловски, Артур — доктор хабиле, профессор, Вроцлавский университет (г. Вроцлав, Польша);
15. Малько А.В. — д.ю.н., профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской Академии Наук (г. Саратов, РФ);
16. Мелкевик, Бьярн — д.ю.н., профессор (tenure) права, профессор Университета Лавала (г. Квебек, Канада);
17. Мороз С.П. — д.ю.н., профессор, декан Высшей школы права «Фдлет» Каспийского университета (г. Алматы);
18. Понкин И.В. — д.ю.н., профессор кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва, РФ);
19. Рогов И.И. — д.ю.н., профессор, заместитель Исполнительного директора Фонда Нурсултана Назарбаева, экс-Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
20. Россинская Е.Р. — д.ю.н., профессор, директор Института судебных экспертиз и заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
21. Саидов А.Х. — д.ю.н., профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, председатель Комитета по демократическим институтам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан Законодательной палаты Олий Мажлиса (Парламента) Узбекистана, академик Национальной Академии Наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан);
22. Стоилов Я.Б. — судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Кирилла Охридского (г. София, Болгария);
23. Тужжанов Е.Л. — д.полит.н., к.ю.н., заместитель Премьер-Министра Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
24. Шакиров А.О. — к.ю.н., заместитель Председателя Сената Парламента Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
25. Шаттала Н.К. — д.ю.н., профессор кафедры конституционного права Национальной академии внутренних дел Украины, академик Академии высшего образования Украины, экс-Председатель Конституционного Суда Украины (г. Киев, Украина).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Ударцев С.Ф. (главный редактор) — д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
2. Абдрашулова Э.Э. — к.ю.н., teaching professor Департамента частного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
3. Аубакирова И.У. — д.ю.н., assistant professor Департамента публичного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
4. Бектибаева О.С. — PhD, директор (декан) Высшей школы права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
5. Биебаева А.А. — к.ю.н., директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (г. Нур-Султан);
6. Бусурманов Ж.Д. — д.ю.н., профессор Каспийского Университета (г. Алматы);
7. Возняк О.А. — к.ю.н., teaching professor Департамента уголовного правосудия Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
8. Джекебаев Ч.У. — к.ю.н., заместитель директора Учебного центра при Республиканской палате частных судебных исполнителей (г. Нур-Султан);
9. Естемиров М.А. — PhD, teaching professor Департамента частного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
10. Еширязов Н.С. — PhD, assistant professor Департамента международного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
11. Жумагулов М.И. — д.ю.н., профессор, член Высшего Судебного Совета РК (г. Нур-Султан);
12. Жусупов А.Д. — д.ю.н., teaching professor Департамента публичного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
13. Идыршова С.К. — д.ю.н., Professor Emeritus Департамента частного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
14. Калишова Ж.Г. — к.ю.н., Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Академии правовых и экономических исследований имени Салыка Зиманова Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
15. Каудыров Т.Е. — д.ю.н., teaching professor Департамента частного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
16. Ким К.В. — к.ю.н., Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
17. Когомов М.Ч. — д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
18. Лозовая О.В. — PhD, teaching professor Департамента международного права, заместитель директора (декана) по науке, послевузовскому обучению и развитию Высшей школы права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
19. Малиновский В.А. — д.ю.н., профессор, член Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
20. Нарикбаев Т.М. — Председатель Правления Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
21. Ногайбай З.М. — доктор права, исполнительный директор Ассоциации «KAZENERGY» (г. Нур-Султан);
22. Нурмагамбетов А.М. — д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского, трудового и экологического права юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан);
23. Нуртаев Р.Т. — д.ю.н., Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
24. Пен С.Г. — к.ю.н., Провост — Директор Академии правовых и экономических исследований имени Салыка Зиманова Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
25. Подопригора Р.А. — д.ю.н., профессор Каспийского Университета (г. Алматы);
26. Саляпин С.В. — доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП Университет КИМЭП (г. Алматы);
27. Сейтенов К.Ж. — д.ю.н., профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
28. Темирбеков Ж.Р. — PhD, teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
29. Тлепина Ш.В. — д.ю.н., профессор, зав. кафедрой международного права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан);
30. Турецкий Н.Н. — д.ю.н., зав. Отделом по взаимодействию с Комитетом по конституционному законодательству, судебной системе и правоохранительным органам Аппарата Сената Парламента Республики Казахстан (г. Нур-Султан);
31. Хасенов М.Х. — PhD, assistant professor Департамента частного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан);
32. Шапак У.Ш. — д.ю.н., профессор, член Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Нур-Султан).

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Sarsembayev M.A. (chairman) – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan);
2. Abdirov M.N. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
3. Abdaimov B.Zh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Board of Directors of Astana Medical University, Member of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
4. Avakyan S.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law at Lomonosov Moscow State University (Moscow, the Russian Federation);
5. Asanov Zh.K. – Candidate of Legal Sciences, Chairman of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
6. Akhpanov A.N. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminal Law disciplines at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan);
7. Beknazarov B.A. – Candidate of Legal Sciences, former Vice-Chairman of the Senate of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
8. Belykh V.S. – Doctor of Juridical Science, Head of the Eurasian research center for comparative and international commercial law, Head of the Department of Commercial Law at V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg, the Russian Federation);
9. Borchashvili I. Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Institute for Contemporary Law LLP (Nur-Sultan);
10. Daubayeva A.K. – Candidate of Legal Sciences, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, former Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
11. Daulenov M.M. – Ph.D., President, Chairman of the Board of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
12. Dulatbekov N.O. – Doctor of Juridical Science, Professor, Rector of Academician E.A. Buketov Karaganda University, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Karaganda);
13. Ziembliski, Bartosz – Ph.D., Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
14. Kozłowski, Artur – Dr. Hab., Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
15. Malko A.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Saratov, the Russian Federation);
16. Melkevik, Bjørne – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec, Canada);
17. Moroz S.P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the "Adilet" Higher School of Law at Caspian University (Almaty);
18. Ponkin I.V. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, the Russian Federation);
19. Rogov I.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Deputy Executive Director of the Nursultan Nazarbayev Foundation, former Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
20. Rossinskaya Ye.R. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the Institute of Judicial Expertise, Head of the Forensic Expertise Department at Kutafin Moscow State Law University (Moscow, the Russian Federation);
21. Saidov A.Kh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
22. Stoilov, Yanaki – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
23. Tugzhanov A.L. – Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Vice-Prime Minister of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
24. Shakirov A.O. – Candidate of Legal Sciences, Vice-Chairman of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
25. Shaptala N.K. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Constitutional Law of the National Academy of Internal Affairs of Ukraine, Academic of the Academy for Higher Education of Ukraine, former Chairman of the Constitutional Court of Ukraine (Kiev, Ukraine).

EDITORIAL BOARD:

1. Udartsev S.F. (Chief Editor) – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects on the issues of legal politics, constitutional legislation and public administration of M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
2. Abdrasulova G.E. – Candidate of Legal Sciences, Teaching Professor of the Department of Private Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
3. Aubakirova I.U. – Doctor of Juridical Science, Assistant Professor of the Department of Public Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
4. Bektiybayeva O.S. – Ph.D., Head (Dean) of KAZGUU Law School of M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
5. Biyebayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
6. Busurmanov Zh.D. – Doctor of Juridical Science, Professor of Caspian University (Nur-Sultan);
7. Voznyak O.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching Professor of the Department of Criminal Justice at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
8. Dzhekebayev Ch.U. – Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of Educational center under the Republican Chamber of Private Bailiffs (Nur-Sultan);
9. Yestemirov M.A. – Ph.D., Teaching Professor of the Department of Private Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
10. Yeshniyazov N.S. – Ph.D., Assistant Professor of the Department of International Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
11. Zhumagulov M.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, member of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
12. Zhusupov A.D. – Doctor of Juridical Science, Teaching Professor of the Department of Public Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
13. Idrisheva S.K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
14. Kalisheva Zh.G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau of the S. Zimanov Academy of Legal and Economic Studies at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
15. Kaudyrov T.E. – Doctor of Juridical Science, Teaching Professor of the Department of Private Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
16. Kim K.V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
17. Kogamov M.Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
18. Lozovaya O.V. – Ph.D., Deputy Head (Dean) for research, postgraduate studies and development of KAZGUU Law School at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
19. Malinovsky V.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
20. Narikbayev T.M. – Chairman of the Board of M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
21. Nogaibai Z.M. – Dr.iur., Executive Director of the KAZENERGY Association (Nur-Sultan);
22. Nurmagambetov A.M. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of Civil, Labour and Environmental Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan);
23. Nurtayev R.T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
24. Pen S.G. – Candidate of Legal Sciences, Provost (Rector) – Head of the S. Zimanov Academy of Legal and Economic Studies of M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
25. Podoprigora R.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of Caspian University (Almaty);
26. Sayapin S.V. – Dr.iur., Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty);
27. Seitenov K.K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
28. Temirbekov Zh.R. – Ph.D., Teaching Professor of the Department of Public Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
29. Tlepina Sh.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan);
30. Turetsky N.N. – Doctor of Juridical Science, Head of the Department for Interaction with the Committee on Constitutional Legislation, Judicial System and Law Enforcement Bodies of the Senate Office of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan);
31. Khassenov M.Kh. – Ph.D., Assistant Professor of the Department of Private Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan);
32. Shapak U.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan). (Nur-Sultan).

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Дидикин А.Б. (Нұр-Сұлтан) Моральные принципы и правовое поведение: анализ лингвистической концепции Ричарда Хэара 6

ПЕРЕВОДЫ РАБОТ ВЫДАЮЩИХСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Ричард Хэар (Великобритания) Язык морали. Глава 1. Повелительное наклонение. Часть 4. Решения на основе принципа (перевод с английского – *А.Б. Дидикин*) 17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Саяпин С.В. (Алматы) Международное право в Центральной Азии: теория и практика 31

ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Викторова Э.Ю. (Москва, РФ) История развития теорий толкования норм права в США в XIX-XX вв. 55

Ingelkofer S. (Birmingham, Great Britain) Protection of Biodiversity in the Agricultural Act of the Federal Republic of Germany 73

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Темірбеков Ж.Р. (Нұр-Сұлтан) Құқық пен жасанды интеллект арақатынасы: кейбір зерттеулер 83

Abylaiuly A. (Nur-Sultan) Book review: The Shanghai Cooperation Organization. Exploration of new horizons / ed. by Marochkin S., Bezborodov Yu. London: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 p. 100

МАЗМҰНЫ 108

CONTENTS 108

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 109

МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РИЧАРДА ХЭРА¹

А.Б. ДИДИКИН,
д.ф.н., к.ю.н., доцент,
профессор Высшей школы
права Университета КАЗГЮУ
имени М.С. Нарикбаева
(г. Нур-Султан, Казахстан),
член Аристотелевского
общества (Великобритания),
член Канадской философской
ассоциации,
e-mail: a_didikin@kazguu.kz

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена недостаточной изученностью проблематики аналитической метаэтики в современной юриспруденции и философии права. Метаэтика на протяжении XX столетия является важной основой переосмысления классических методов познания правовых явлений, в особенности лингвистических конструкций юридического языка. Рассматриваемая в статье лингвистическая концепция Ричарда Хэра, всемирно известного ученого, Председателя и многолетнего участника Аристотелевского общества в Великобритании, позволяет новаторски проанализировать структуру нормативных высказываний в языке морали и языке права. *Предмет исследования* заключается в анализе способов отображения моральных принципов и моральных предписаний в языке права. *Цель работы* состоит в теоретическом рассмотрении характера юридически значимого поведения с точки зрения его морально-этических оснований. *Новизна темы* обусловлена отсутствием в учебной и научной литературе исследований о специфике проявления прескриптивных конструкций языка морали в области права и регулирования правового поведения, а также глубинного анализа конструкций юридического языка в его взаимоотношении с языком этики.

В качестве *методов исследования* применялись как философские подходы, основанные на принципах и идеях аналитической философии (методы лингвистического анализа языковых конструкций), так и общенаучные методы познания (анализ и синтез, абстрагирование и идеализация, индуктивное обобщение), специальные юридические методы (формально-юридический метод толкования нормативных предписаний).

Основные выводы статьи заключаются в раскрытии ключевых аргументов концепции нормативных предписаний языка морали, сформулированной британским мыслителем Р. Хэром. Обосновано, что по аналогии с правовыми высказываниями в языке морали также содержатся нормативные моральные предписания, которые имеют императивный характер, а значит определяют сущность и последствия совершаемых действий субъектом. Такое разделение императивов в языке не по-

© А.Б. Дидикин, 2022

¹Статья подготовлена в рамках реализации фундаментального научного проекта «Readability of Law» в Высшей школе права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева.

звояет оценивать их с позиции истинности или ложности, так как они мотивируют и регулируют поведение субъекта, а не просто описывают его с точки зрения соответствия фактам. Другим значимым выводом из концепции Р. Хэара является возможность оценки правомерности и этической оправданности поступка с позиции принципа универсализуемости, позволяющего вписать совершенное действие в контекст ситуации и внешних условий поведения субъекта. В отличие от категорического императива И. Канта данный принцип эмпирически подтверждает соответствие или несоответствие правового поведения лица нормативно установленным моральным и правовым предписаниям, имеющим специфическую грамматическую форму в языке.

Автором статьи представлен перевод части 4 «Решения на основе принципа» главы 1 «Повелительное наклонение» книги Ричарда Хэара «Язык морали», наиболее репрезентативно иллюстрирующей идейную позицию и взгляды всемирно известного ученого.

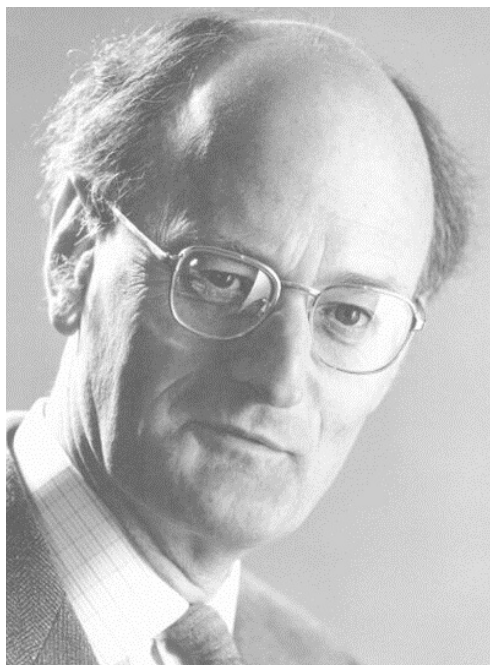
Ключевые слова: язык морали; язык права; прескриптивные языковые конструкции; оценочные суждения; моральные предписания; моральные принципы; правовое поведение; Р. Хэар.

«Лучше иметь некоторые принципы, даже если они иногда приводят к решениям, о которых мы сожалеем, чем быть морально брошенными на произвол судьбы».
R.M. Hare "Language of Morals"
(Oxford, 1952)

Введение

Научное наследие британского мыслителя Ричарда Хэара в современных условиях оказывает большое влияние на развитие теоретической этики и философии права. Считается, что именно с его именем метаэтика как неотъемлемая часть аналитической философии (и этики как области философского знания) получила целый набор новых методов исследования морально-этических императивов с точки зрения их отражения в различных типах языковых дискурсов, в том числе в языке права. Универсальность моральных предписаний и принципов, с одной стороны, никогда не вызвала принципиальных сомнений, но в то же время их изменчивость на протяжении истории общества и трансформации социальных институтов давала почву для сомнений как раз в характере такой универсальности.

На протяжении долгих столетий в теоретической этике вырабатывались подходы к рассмотрению сферы взаимодействия моральных и правовых регуляторов поведения в зависимости от реализуемых целей (в частности, модели утилитаризма, ретрибутивизма, кантовской этики морального долга и др.), но именно в концепции Р. Хэара предпринимается попытка проанализировать этические предписания сквозь призму лингвистических конструкций и их влияния на осуществление морально значимых и правомерных действий. Такой новаторский подход стал заметным продолжением развития лингвистической философии в британской традиции, с ее характерным вниманием к тонкостям стилистики нормативных высказываний, логической корректности аргументации авторов, детальным изучением примеров, иллюстрирующих аргументы и выводы конкретного автора. Поэтому наследие Р. Хэара остается востребованным до сих пор, вплоть до необходимости глубокой реконструкции его аргументов, изложенных не только в его книгах, но и отдель-

РИЧАРД МЕРВИН ХЭАР

ных статьях, часто получавших широкий отклик после ежегодных заседаний Аристотелевского общества.

Между тем труды Р. Хэара до настоящего времени остаются малоизвестными в постсоветской юриспруденции, несмотря на большое количество публикаций в зарубежных журналах и его частом упоминании в энциклопедиях (в том числе в Стэнфордской энциклопедии). Значение его идей оценивается таким образом, что он успешно применил методологические разработки и принципы лингвистической философии к анализу моральных суждений и языка морали в целом, сформулировав ряд интересных философских аргументов и идей, получивших в дальнейшем широкий отклик в научной литературе. Хэара неслучайно относят к числу сторонников аналитической этики (метаэтики), поскольку в его трудах получили фундаментальное воплощение и творческую критику идеи и аргументы трактата *Principia Ethica* Дж. Мура.

Основные положения

Статья является вводной частью для публикации перевода фрагмента работы Р. Хэара «Язык морали».

В целом в научной литературе наблюдается меняющееся отношение к творчеству Р. Хэара. Советские ученые упоминали его труды в критических обзорах зарубежных («буржуазных») этических теорий,² а в постсоветский период аргументы Хэара относительно сущности нормативного языка морали стали предметом осмысления в контексте векторов развития моральной философии 60-70-х гг. XX в.³ В зарубежной литературе наиболее известным произведением Р. Хэара является его первая книга «Язык морали», изданная в издательстве Оксфордского университета в 1952 г. В журнале «Труды Аристотелевского общества» Хэар публиковался лишь дважды: в 1955 г. с изданием статьи «Универсализируемость», и в 1973 г. – с президентским докладом «Принципы». Оба текста являются тезисным изложением базовых положений ключевых научных трудов Хэара в области метаэтики.

²См.: Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. С. 128-133; Коновалова Л.В. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. М., 1975. С. 123-124.

³См.: Никоненко С.В. Моральная философия Р. Хэара // Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб., Наука, 2003. С. 457-461; Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. – С. 79-88; Прокофьев А.В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. № 11. – С. 47-56; Логинов Е.В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. – С. 65-80.

К числу таких ключевых положений следует отнести, прежде всего, его акцент на *логическом анализе языка морали*. По аналогии с известным тезисом «логика есть сущность философии» Бертрانا Рассела, основателя аналитической философии, Хэар полагал, что только путем прояснения значений этических терминов и понятий может быть реализован потенциал лингвистического анализа в области этики, позволяющий раскрыть нормативность этических правил и принципов. Сам по себе язык морали имеет *прескриптивный* характер, то есть содержит правила, наиболее полно выраженные в виде моральных императивов и моральных ценностей. Поэтому если нам необходимо оценить степень соблюдения моральных ценностей и принципов конкретным человеком, необходимо изучить его действия, так как «функция моральных принципов состоит в руководстве поведением».⁴ Язык морали выступает одной из разновидностей нормативного языка, содержащего предписание: «исследование императивов является лучшим введением в исследование этики».⁵

Для того, чтобы увидеть специфику выражения моральных императивов, их необходимо сравнить с другим типом языковой конструкции в языке – дескрипцией. Если дескрипции могут содержать описание состояния мышления этического субъекта, к которому применимы критерии истинности или ложности описания, то императивы содержат основания для этически значимого действия.⁶ А это значит, что к императивам (похожим на *команды* к действию) применим лишь критерий значимости для поведения субъекта, так как императив с точки зрения логического анализа выводим только из посылок, уже содержащих другой императив.⁷ С другой стороны, если моральное суждение – это утверждение о должном, то по своей сути такие суждения не могут быть суждениями о фактах, а лишь суждениями о действиях субъекта.

К статье прилагается первый перевод на русский язык одного из фрагментов работы Р. Хэара, имеющего значение не только для теории этики, но и для философии права.

Материалы и методы

В статье использованы труды выдающегося английского философа Ричарда Хэара, иная научная литература по проблемам этики. В статье использованы *методы исследования* как основанные на принципах и идеях аналитической философии (методы лингвистического анализа языковых конструкций), так и общенаучные методы познания (анализ и синтез, абстрагирование и идеализация, индуктивное обобщение), а также специальные юридические методы (формально-юридический метод толкования нормативных предписаний). Автором статьи переведен прилагаемый фрагмент работы Ричарда Хэара.

⁴Hare R. Language of Morals. Oxford, 1952. P. 1.

⁵Ibid. P. 2.

⁶Хэар употребляет термин «индикатив» для описания фактического положения дел, но в его противопоставлении с прескрипциями индикативы ближе всего по смыслу именно к дескриптивным суждениям (дескрипциям).

⁷Hare R. Language of Morals. P. 28.

Результаты исследования

В структуре прескриптивного языка Хэар выделяет *императивные и ценностно-оценочные суждения*, среди которых могут быть обнаружены как *сингулярные и универсальные императивы*, так и *моральные и не-моральные ценностные суждения*. Каждый тип суждения предусматривает некое *предписание совершить действие или воздержаться от него*. Хэар настойчиво подчеркивает отличие *дескрипций* (как описаний фактического состояния дел) от *императивов*, имеющих прескриптивный характер. Его аргументы основаны на том, что для регулирования поведения недостаточно ссылаться на самоочевидность моральных принципов или отдельных моральных ценностей. Ведь если даже внутреннее убеждение или совесть подсказывают конкретному человеку, какой морально оправданный поступок он должен совершить, у него могут быть сомнения с характеристикой своих действий в качестве исполнения морального долга: «ни одна моральная система, чьи принципы рассматривались бы как чисто фактуальные, не могла бы выполнять свои функции регулирования поведения». ⁸ Поэтому оценочный характер моральных предписаний становится побуждением к совершению морально оправданных действий, что проявляется нормативным содержанием языка морали.

В структуре языка морали Хэар уделяет внимание анализу базовых этических понятий – морального долга и добра: «это ценностные слова, главный инструмент предписания, которым наш язык влияет на нас». ⁹ С точки зрения лингвистического анализа языка морали Хэар продолжает традицию философствования, заложенную Дж. Э. Муром, но дополняет ее собственной аргументацией. Он полагает, что добро является общим свойством для многих и различных явлений и поступков. Понятие добра может быть универсализуемо применительно к способам поведения. Вещи могут быть «хороши» для достижения цели, но не обладать моральным смыслом (например, «хороший» пистолет может быть средством защиты для полицейского и средством совершения убийства для лица, совершившего преступление). Такое разграничение дает возможность Хэару выделить в понятии добра в неморальном контексте инструментальное значение, а в моральном контексте – внутреннее значение (добро как таковое, добро как этическая ценность).

В то же время, возвращаясь к критике дескриптивного подхода Хэар отмечает вторичность дескриптивного значения добра по отношению к оценочному. Если в разговоре с другим человеком использовать оценочное выражение «М – хороший автомобиль», его применение даст больше, нежели описание конкретных качеств или признаков автомобиля. ¹⁰ Причина сочетания дескриптивного и оценочного в понятии «добра» состоит в формулировке прескрипции (предписания, рекомендации) для выбора действий. Таким образом, в понимании языка морали Хэар провозглашает позицию *этического нон-когнитивизма*, когда моральные суждения имеют некоторое фактическое содержание в форме эмпирических фактов, но по своей сути содержат нормативные предписания.

В лингвистической концепции Р. Хэара содержатся и ряд важных аргументов в ответ на дискуссии, характерные для современной этики и философии права.

⁸Hare R. Language of Morals. P. 44.

⁹Ibid. P. 79.

¹⁰Ibid. P. 112-113.

Так, например, в своих трудах он активно полемизирует с принципом обобщения, сформулированным М. Сингером, который применяется при оценке степени универсальности применения моральных принципов к конкретным действиям и поведению субъектов.

Принцип обобщения заключается в следующем: *то, что правильно (или неправильно) для одного человека, должно быть правильным (или неправильным) для любого другого человека в схожих обстоятельствах*. Для теоретической этики долгое время данный принцип обобщения казался очевидным, а в терминологии известного британского философа Г. Сиджвика именуется принципом беспристрастности и справедливости: «если поведение, которое является правильным (или неправильным) для меня, не является правильным (или неправильным) для кого-то другого, то это должно быть обусловлено каким-то различием между этими двумя случаями, кроме того факта, что я и он – разные люди». ¹¹ Между тем для такого утверждения существует ряд возражений. Дело в том, что в абстрактном смысле сходство обстоятельств и сходство субъектов можно предположить гипотетически. Но что это означает на самом деле? Как мы можем утверждать в каждом конкретном случае, являются ли природа, положение или люди схожими или нет? И наоборот – при каких условиях нельзя сказать, что два человека похожи? Всегда можно найти какие-то сходства, а если это так, то получается, что этот принцип настолько неопределённый, что бесполезен в практическом смысле. Не поможет делу и утверждение, что «схожие люди в схожих обстоятельствах» – это те люди, «чьи характеры и положение не отличаются в некоторых важных аспектах». ¹² В каких отношениях они важны? Как можно определить в каждом конкретном случае, какие различия важны, а какие нет?

М. Сингер полагал, что указанные выше возражения основаны на путанице с терминами и непонимании сущности принципа обобщения. Возражения против принципа обобщения предполагают, что он претендует или должен содержать в себе критерии для «схожих людей в схожих обстоятельствах», в то время как он не должен содержать таких критериев. Упоминание термина «схожий» в изложении этого принципа не делает его неопределённым или неприменимым. Выражение «схожие лица в схожих обстоятельствах» должно толковаться как находящиеся в конкретном месте лица, но контекст истолкования при этом может быть разным, как различаются и внешне похожие действия, совершаемые разными людьми.

Принцип обобщения следует понимать в том смысле, что то, что правильно для одного человека, должно быть правильным для каждого *релевантно* похожего человека в *релевантно* похожих обстоятельствах. А сама релевантность будет определяться контекстом, в котором совершается поступок и осуществляется его оценка. В качестве примера можно привести аргументацию, которую предлагал Г. Сиджвик, упоминая условия, при которых ложь может быть этически оправдана: «Утилитарист считает, что на общих основаниях правильно ответить ложью на вопрос о том, как он проголосовал на политических выборах, где голосование проводится тайно». ¹³ Его доводы, вероятно, будут заключаться в том, что утилитаристский запрет лжи основывается на (1) вреде, наносимом введением в заблужде-

¹¹Цит. по: Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. P. 362.

¹²Ibid. P. 362-363.

¹³Ibid. P. 363-365.

ние конкретных людей, и (2) тенденции ложных заявлений уменьшать взаимное доверие, которое люди должны иметь к утверждениям друг друга; и что в этом исключительном случае (1) целесообразно, чтобы спрашивающий был введен в заблуждение: а (2) в той мере, в какой ложь имеет тенденцию порождать общее недоверие ко всем утверждениям о том, как человек голосовал, она только способствует достижению цели, ради которой голосование было сделано тайным. Очевидно, что если эти причины справедливы для любого человека, то они справедливы для всех людей.

М. Сингер отмечает в данном случае, что конкретные причины не очень важны в данном контексте, как и не важна ссылка на утилитаризм. Важно заявление Г. Сиджвика о том, что если эти причины действительны для любого человека, то они действительны для всех людей. Принцип справедливости означает, что действие, если оно правильно для любого человека, должно быть правильным на общих основаниях, а значит, и для некоторого класса людей. Важность этих двух утверждений заключается в том, что они дают ключ к правильному толкованию слова «схожий» в данном принципе. Критерии для «всех схожих случаев» содержатся в «общих основаниях» или причинах, на основании которых действие является или считается правильным или неправильным. Эти основания определяют, кто является схожим, а кто нет в определенном контексте. Все те, к кому применимы причины, похожи друг на друга, и соответствующим образом отличаются от тех, к кому причины неприменимы. Применение принципа обобщения *предполагает, а не определяет само по себе*, что последствия того, что каждый будет действовать определенным образом, будут нежелательными. Достаточно показать, что аргумент обобщения является обоснованным.

Р. Хэр в своей концепции двигается более глубоко и обоснованно в части формулировки *принципа универсализуемости* моральных предписаний, чтобы избежать противоречий применения принципа обобщения. Он подчеркивает, что и принципы имеют прескриптивное содержание.¹⁴ Однако универсальность моральных принципов не означает отсутствия изменчивости их содержания. Наполнение конкретного морального принципа может меняться, и такой моральный принцип, будучи универсальным, не всегда остается общим.¹⁵ Так, например, моральный принцип «не говори неправду» может содержать исключения в отдельных случаях (например, в случае разговора с неизлечимо больным человеком, либо в случае допроса во вражеском лагере во время военных действий). Кроме того, ложное высказывание может выступать способом развлечь, повеселить окружающих людей. Поэтому Хэр подчеркивает важность моральных принципов как основания для выбора действий и совершения морально оправданных поступков.¹⁶ Следование моральному принципу также позволяет предвосхищать последствия совершенного поступка, тем самым соблюдение морального принципа дает нам знание о будущем.

¹⁴См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. P. 1-2.

¹⁵Так, в отношении принципа универсализуемости О.Г. Дробницкий утверждал, что «нравственная оценка или предписание, даже в том случае, если непосредственно она относится к единичному действию какого-то индивида, может быть обобщена таким образом, что будет правомерной в отношении всего класса подобных действий, кем бы они не совершались» (Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 133).

¹⁶Hare R. Language of Morals. P. 53-54.

Обсуждение

В вопросе о соотношении универсальности и общности моральных принципов произошла дискуссия между Р. Хэаром и М. Сингером. Суть дискуссии выражена Хэаром в нескольких аргументах по мере изложения президентского доклада «Принципы». Он стремится прояснить различия в употреблении терминов «обобщение» и «общее», «универсальное» и «универсализуемое». С точки зрения лингвистического анализа «общее» противоположно «единичному» (конкретному), а универсальные суждения не могут содержать единичные термины. Именно поэтому в аргументах Хэара против Сингера звучит уточнение, что универсальность не может измеряться уровнями, в то время как обобщение как раз измеримо степенью обобщения.¹⁷ Ведь если вернуться к выделению особых логических свойств моральных высказываний и прескриптивному характеру языка морали, то универсальность моральных принципов понимается Хэаром именно в таком контексте, который не уловил Сингер.

Хэар пытается провести соотношение между моральными принципами и практическими принципами с точки зрения обучения вождению автомобиля и обучения моральным императивам. В обоих случаях изучение сущности принципов должно быть глубоким, доведенным до автоматизма. Принципы усваиваются и на уровне овладения языком, и на практике, и предполагают достижение общей цели (хорошее вождение и морально оправданное поведение). В основе выбора любых морально значимых действий (и правомерных в том числе) лежат моральные принципы, связанные с ценностями: «давать ценностное высказывание означает делать выбор принципов».¹⁸ Моральная оправданность поступка лица рассматривается сквозь призму универсального закона или модели поведения других субъектов.

При этом универсализуемость моральных принципов нельзя смешивать с общезначимостью или общепринятым характером содержания морального принципа, поскольку общезначимость может быть ограничена рамками отдельного общества и, соответственно, отвергаться в другом обществе.¹⁹ Универсализуемость подчеркивает общечеловеческий характер морального принципа и в силу этого может рассматриваться как недостаточно определенное понятие. В данном случае можно обнаружить и проявление категорического императива, и универсальное согласие любых субъектов с данным принципом, и совокупность правил, получивших статус принципа как основания для совершения действий широким кругом лиц. Тем самым такой признак морального принципа как универсализуемость способствует превращению личного морального выбора во всеобщий закон поведения других людей: «решая, какие моральные принципы принять, мы выбираем, что именно можно требовать универсально от каждого, кто находится в схожей ситуации».²⁰ Кроме того, при использовании принципа универсализуемости могут применяться лишь логические постоянные и логические операторы без учета каких-либо личных предпочтений. Тем самым критерий и процедура универсализуемости применяются в отношении прескриптивных высказываний как замена критерию истинности для дескриптивных высказываний.

¹⁷См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 2.

¹⁸Hare R. Language of Morals. P. 70.

¹⁹ См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 4.

²⁰Hare R. Freedom and Reason. 1967. P. 49.

Моральное суждение, как отмечает Хэар, позволяющее судить о действиях, которые необходимо совершить, относится к случаям определенного типа, с одной стороны, и формулирует предписание без учета индивидуальных особенностей поведения.²¹ Поэтому обоснование морального суждения в качестве универсального морального принципа становится средством этической оценки конкретных проявлений человеческого поведения и их последствий.

Заключение

Таким образом, в научном наследии Р. Хэара и его концепции лингвистического анализа морально-этических императивов содержится большой потенциал развития и аргументы, полезные для изучения признаков правомерного (а значит морально оправданного) поведения субъектов правовых отношений. В юриспруденции аргументы метаэтики тесно сближаются с аргументацией аналитической философии права, которая развивалась параллельно идейным взглядам Р. Хэара во второй половине XX века.

Далее представлен перевод части 4 «Решения на основе принципа» главы 1 «Повелительное наклонение» книги Ричарда Хэара «Язык морали», наиболее репрезентативно иллюстрирующей идейную позицию и взгляды всемирно известного ученого.²²

А.Б. Дидикин, ф.ғ.д., з.ғ.к., доцент, М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университеті Құқық жоғары мектебінің профессоры (Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан), Аристотель қоғамының мүшесі (Ұлыбритания), Канада философия қауымдастығының мүшесі: Моральдық принциптер мен құқықтық жүріс-тұрыс: Ричард Хэардың лингвистикалық тұжырымдамасын талдау.

Бұл мақала тақырыбының өзектілігі қазіргі заңтану мен құқық философиясында аналитикалық метаэтика проблемасының жеткіліксіз зерттелуіне байланысты. XX ғасырдағы метаэтика құқықтық құбылыстарды, әсіресе заңдық тілдің лингвистикалық құрылымдарын танудың классикалық әдістерін қайта қарастырудың маңызды негізі болды. Мақалада қаралып отырған әлемге әйгілі ғалым, Ұлыбританиядағы Аристотель қоғамының төрағасы және көпжылдық қатысушысы Ричард Хэардың лингвистикалық тұжырымдамасы мораль тілі мен құқық тіліндегі нормативтік мәлімдемелердің құрылымын жаңаша талдауға мүмкіндік береді. *Зерттеу пәні* құқық тілінде моральдық принциптер мен моральдық ережелерді көрсету тәсілдерін талдаудан тұрады. *Жұмыстың мақсаты* – маңызды заңды мінез-құлықтың сипатын оның моральдық-этикалық негіздері тұрғысынан теориялық қарастыру.

Тақырыптың жаңалығы оқу және ғылыми әдебиеттерде құқық пен құқықтық жүріс-тұрысты реттеу саласында мораль тілінің прескрептивті құрылымдары көрінуі ерекшеліктері туралы зерттеулердің, сондай-ақ заңдық тілдің этика тілімен қарым-қатынасындағы құрылымын терең талдаудың жоқтығымен байланысты болып отыр. *Зерттеу әдістері* ретінде аналитикалық философияның принциптері мен идеяларына негізделген философиялық тәсілдер (тілдік құрылымдарды лингвистикалық талдау әдістері), сонымен қатар, танымның жалпы ғылыми әдістері (талдау және синтез, абстракция және идеализация, индуктивті жалпылау), арнайы құқықтық әдістер (нормативтік талаптарды түсіндірудің ресми-құқықтық әдісі) қолданылды.

²¹См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 8.

²²Перевод выполнен по работе Р.М. Хэара: Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. P. 56-78 (Part 1. The Imperative Mood. 1.4. Decisions of Principle).

Мақаланың негізгі тұжырымдары британдық ойшыл Р. Хэар қалыптастырған мораль тілінің нормативтік ережелері тұжырымдамасының негізгі аргументтерін ашудан тұрады. Мораль тілінде де құқықтық мәлімдемелер секілді императивті сипатқа ие нормативтік моральдық ережелер бар, яғни субъект жасаған әрекеттердің мәні мен салдарын айқындайды. Тілдегі императивтердің мұндай бөлінуі оларды шындық немесе жалғандығы тұрғысынан бағалауға мүмкіндік бермейді, өйткені олар субъектінің жүріс-тұрысын фактілерге сәйкестік тұрғысынан сипаттап қана қоймайды, оларды ынталандырады және реттейді. Р. Хэар тұжырымдамасынан жасалған тағы бір маңызды қорытынды – бұл әрекеттің құқыққа сәйкестігі мен этикалық негізділігін әмбебаптылық принципі тұрғысынан бағалау мүмкіндігі, ол принцип мінсіз әрекетті жағдайдың мән-мәтіні мен субъект жүріс-тұрысының сыртқы жағдайларына сәйкес келтіруге мүмкіндік береді. И. Канттың категориялық императивінен айырмашылығы, бұл принцип адамның құқықтық жүріс-тұрысының белгілі бір ерекше грамматикалық формасы бар, нормативтік белгіленген моральдық және құқықтық ережелерге сәйкестігін немесе сәйкес еместігін эмпирикалық түрде растайды.

Мақала авторы әлемге әйгілі ғалым Ричард Хэардың «Мораль тілі» кітабындағы оның идеялық ұстанымы мен көзқарастарын анығырақ көрсететін 1-тарауы «Бұйрық райдың» «Принципке негізделген шешімдер» атты 4-бөлімін аударып ұсынып отыр.

Тірек сөздер: мораль тілі, құқық тілі, прескриптивті тілдік құрылымдар, бағалау пікірлері, моральдық ережелер, моральдық принциптер, құқықтық жүріс-тұрыс, Р. Хэар.

A.B. Didikin, Doctor of Philosophy, PhD in Law, Associate Professor, Higher School of Law, M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan, Kazakhstan), member of Aristotelian Society (United Kingdom), member of Canadian Philosophical Association: Moral Principles and Legal Behavior: An Analysis of Richard Hare's Linguistic Conception.

The *relevance of the topic* of this paper is due to the insufficient study of the problems of analytical meta-ethics in modern jurisprudence and philosophy of law. Meta-ethics during the XX century is an important basis for rethinking the classical methods of cognition of legal phenomena, especially linguistic constructions of the legal language. The linguistic conception considered in the article by Richard Hare, a world-famous scientist, Chairman and long-term participant of the Aristotelian Society in the UK, allows us to innovatively analyze the structure of normative statements in the language of morality and the language of law.

The *subject of the study* is the analysis of ways to display moral principles and moral prescriptions in the language of law. The *purpose of the work* is to theoretically consider the nature of legally significant behavior from the point of view of its moral and ethical grounds. The *novelty of the topic* is due to the lack of research in the educational and scientific literature on the specifics of the manifestation of prescriptive constructions of the language of morality in the field of law and regulation of legal behavior, as well as in-depth analysis of the constructions of the legal language in its relationship with the language of ethics.

Both philosophical approaches based on the principles and ideas of analytical philosophy (methods of linguistic analysis of language constructions) and general scientific methods of cognition (analysis and synthesis, abstraction and idealization, inductive generalization), special legal methods (formal legal method of interpretation of normative prescriptions) were used as *research methods*.

The *main conclusions* of the paper are to reveal the key arguments of the concept of normative prescriptions of the language of morality formulated by the British thinker R. Hare. It is proved that, by analogy with legal statements, the language of morality also contains normative moral prescriptions, which are imperative in nature, and therefore determine the essence and consequences of the actions performed by the subject. This separation of imperatives in language does not allow us to evaluate them from the position of truth or falsity, since they motivate and regulate the behavior of the subject, and not just describe it from the point of view of conformity with facts. Another significant conclusion from R. Hare's conception is the possibility of assessing the legality and ethical justification of an act from the standpoint of the principle of universalizability, which allows to fit the committed action into the context of the situation and external conditions of the subject's behavior. In contrast to the Kant's categorical imperative this principle empirically confirms the conformity or inconsistency of a person's legal behavior with the normatively established moral and legal prescriptions that have a specific grammatical form in the language.

The author of the paper presents a translation of part 4 "Decisions of the Principle" of chapter 1 "Imperative Mood" of Richard Hare's book "The Language of Morals", which most representatively illustrates the ideological position and views of the world-famous scientist.

Keywords: the language of morality; the language of law; prescriptive language constructions; value judgments; moral prescriptions; moral principles; legal behavior; R. Hare.

Список литературы:

1. Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. – 386 с.
2. Коновалова Л.В. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. М.: Мысль, 1975. – 165 с.
3. Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003. – 769 с.
4. Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. – С. 79-88.
5. Прокофьев А.В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. № 11. – С. 47-56.
6. Логинов Е.В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. – С. 65-80.
7. Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. – 202 p.
8. Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. – P. 1-18.
9. Hare R. M. Freedom and Reason. Oxford: Clarendon Press, 1963. – 228 p.
10. Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. – P. 361-375.

References (transliterated):

1. Drobniyskiy O.G. Ponyatie morali. Istoriko-kriticheskiy ocherk [The concept of morality. Historical and critical essay]. Moscow: Nauka, 1974. – 386 p.
2. Konovalova L.V. Moral i poznanie. Kritika gnoseologicheskikh osnov sovremennoy burzhuznoy etiki [Morality and cognition. Criticism of the epistemological foundations of modern bourgeois ethics]. Moscow: Mysl, 1975. – 165 p.
3. Nikonenko S.V. Angliyskaya filosofiya XX stoletiya [English philosophy of the XX century]. St. Petersburg: Nauka, 2003. – 769 p.

4. Apresyan R.G. Fenomen universalnosti v etike: formi konceptualizacii [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization] // Questions of philosophy. 2016. No. 8. – P. 79-88.

5. Prokofiev A.V. Universalnost kak svoistvo moralnikh yavleniy [Universality as a property of moral phenomena] // Questions of philosophy. 2018. No. 11. – P. 47-56.

6. Loginov E.V. Analiz diskussiy o principe universalizuemosti v moralnoy filosofii 1970-1980kh [Analysis of the discussion on the principle of universalizability in moral philosophy of the 1970s-1980s] // Philosophical Sciences. 2018. No. 10. – P. 65-80.

7. Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. – 202 p.

8. Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. – P. 1–18.

9. Hare R. M. Freedom and Reason, Oxford: Clarendon Press, 1963. – 228 p.

10. Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. – P. 361-375.

Для цитирования и библиографии: Дидикин А.Б. Моральные принципы и правовое поведение: анализ лингвистической концепции Ричарда Хэара // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 6-17. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_6

DOI 10.51634/2307-5201_2022_2_17

УДК 340.12

ГРНТИ 10.07.27

РИЧАРД ХЭАР ЯЗЫК МОРАЛИ

Глава 1. Повелительное наклонение Часть 4. Решения на основе принципа

4.1.

Есть два фактора, которые могут быть вовлечены в принятие любого решения что-то сделать. Из них первое, во всяком случае теоретически, может отсутствовать, второе – всегда в какой-то степени присутствует. Они соответствуют основным и второстепенным посылкам аристотелевского практического силлогизма. Главная посылка – это принцип поведения; второстепенная посылка – это более или менее полное утверждение о том, что мы на самом деле должны были бы делать, если бы мы воплотили ту или иную из доступных нам альтернатив. Таким образом, если я решаю не говорить что-то, потому что это ложь, я действую по принципу «Никогда (или никогда при определенных условиях) не говори того, что ложно», и я должен знать что то, о чем я думаю стоит ли говорить, ложно.

Давайте сначала рассмотрим второстепенную посылку, поскольку она представляет меньше трудностей. Мы явно не можем решить, что делать, если не знаем хотя бы что-то о том, что нам следовало бы делать, если бы мы сделали то или иное. Например, предположим, что я являюсь работодателем и задаюсь вопросом, стоит ли увольнять клерка, который обычно появляется в офисе после часа, в который он обещал появиться. Если я уволю его, я лишу его семью денег, на которые они жи-

© Р. Хэар, 2022

© А.Б. Дидикин, перевод на английский язык, 2022

вут, возможно, создам моей фирме репутацию, которая заставит клерков избегать ее, когда будут доступны другие рабочие места, и так далее; если я оставлю его, я заставлю других клерков выполнять работу, которую в противном случае выполнял бы этот клерк; и дела в офисе не будут решаться так быстро, как если бы все клерки были пунктуальны. Это были бы те соображения, которые я должен был бы принять во внимание при принятии своего решения. Они будут влиять на общую ситуацию альтернативных действий, увольнять его или не увольнять. Именно вследствие влияния определяет, что я должен делать; я решаю между двумя наборами последствий. Весь смысл решения в том, что оно привносит разницу в то, что происходит; и эта разница заключается в разнице между последствиями принятия решения в одну сторону и последствиями принятия решения в другую.

Иногда кажется, что исследователи в области этики подразумевают, что в определенных случаях аморально рассматривать последствия того или иного поступка. Говорят, что мы должны выполнять свой долг, каковы бы ни были последствия этого. Поскольку я использую слово «последствия», это не может быть сохранено. Я не претендую на «выгоду» (в плохом смысле) в противовес «долгу». Даже выполнение нашего долга – в той мере, в какой это что-то *делает*, – приводит к определенным изменениям в общей ситуации. Совершенно верно, что из изменений, которые можно внести в общую ситуацию, большинство людей согласятся с тем, что мы должны считать определенные виды изменений более актуальными, чем другие (чем то, что является целью моральных принципов, чтобы сказать нам). Я не думаю, что непосредственность или отдаленность последствий имеет какое-либо значение, хотя их определенность или неопределенность значение имеет. Причина, по которой считается аморальным не устранить несправедливость, последствия которой приведут к максимальному удовольствию, заключается не в том, что при таком выборе учитываются последствия, когда их не должно было быть; дело в том, что некоторым последствиям, а именно максимизации удовольствия, придается значение, которого они не должны иметь, ввиду предшествующего требования тех других последствий, которые заключались бы в исправлении несправедливости.

По причинам, которые станут очевидными, когда мы рассмотрим логику оценочных слов, наиболее важно в словесном изложении аргумента о том, что делать, не допускать оценочных слов во второстепенной посылке. Излагая факты по делу, мы должны быть настолько фактологическими, насколько это возможно. Те, кто разбирается в логике этих слов, и следовательно предупрежден о ее ловушках, могут в интересах краткости пренебречь этой предосторожностью; но для неопытных гораздо лучше сохранить выражения ценности там, где они должны быть, в основной посылке. Это предотвратит непреднамеренное допущение неоднозначного среднего термина, как в примере в конце п.3.3. Я не имею в виду, что при обсуждении фактов дела мы не должны допускать никаких слов, которые могли бы иметь оценочное значение; поскольку это было бы почти невозможно, учитывая то, как оценочное значение проникает в наш язык. Я только имею в виду, что мы должны быть уверены, что, поскольку мы используем слова в второстепенной посылке, существуют определенные тесты (сами по себе не включающие оценку) для установления его истинности или ложности. В последнем абзаце я использовал слово «удовольствие» в таком смысле, хотя оно не всегда так используется.

4.2.

Связь между этими двумя предпосылками, возможно, можно прояснить, рассмотрев искусственный пример. Давайте предположим, что человек обладает особым видом ясновидения, так что он может знать все о последствиях всех альтернативных действий, открытых для него. Но давайте предположим, что он до сих пор не сформировал для себя или не был обучен никаким принципам поведения. Выбирая между альтернативными вариантами действий, такой человек будет полностью и точно знать, что он решает. Мы должны спросить, в какой степени, если таковая имеется, такой человек был бы затруднен в принятии решения из-за отсутствия каких-либо сформированных принципов. Казалось бы, несомненно, что он мог выбирать между двумя путями; было бы даже странно называть такой выбор обязательно произвольным или необоснованным; ибо если человек точно знает до мельчайших деталей, что он делает и что он мог бы сделать в противном случае, его выбор не является произвольным в том смысле, в каком выбор был бы произвольным, если бы он был сделан путем подбрасывания монеты без какого-либо учета последствий. Но предположим, что мы спросим такого человека: «Почему вы выбрали этот набор последствий, а не тот? Какой из многих эффектов побудил вас принять такое решение?» Его ответ на этот вопрос может быть двоякого рода. Он может сказать: «Я не могу привести никаких причин; мне просто захотелось так поступить; в другой раз, столкнувшись с тем же выбором, я мог бы решить иначе». С другой стороны, он мог бы сказать: «Именно это и это заставило меня принять решение; я намеренно избегал таких-то и таких-то последствий и стремился к тому-то и тому-то». Если бы он дал первый из этих двух ответов, мы могли бы в определенном смысле этого слова назвать его решение произвольным (хотя даже в этом случае у него была *какая-то* причина для своего выбора, а именно то, что он так чувствовал); но если бы он дал второй, мы не должны называть его выбор произвольным.

Давайте посмотрим, что связано с этим вторым типом ответа. Хотя мы предположили, что у человека нет сформированных принципов, он показывает, если он дает второй ответ, что он начал формировать принципы для себя; ибо выбирать последствия, *потому что* они такие-то и такие-то, значит начинать действовать по принципу, что такие-то и такие-то последствия должны быть выбраны. В этом примере мы видим, что для того, чтобы действовать по принципу, в некотором смысле не обязательно уже иметь принцип, прежде чем действовать; возможно, решение действовать определенным образом из-за чего-то, связанного с последствиями таких действий, *состоит в том*, чтобы подписаться под принципом действия, хотя необязательно принимать его в каком-либо постоянном смысле.

Обычным людям не так повезло, как человеку в нашем искусственном примере. Они начинают, действительно, вообще без каких-либо знаний о будущем; и когда они приобретают знания, то они не такого интуитивного рода. Тот вид знания, которым мы обладаем о будущем – если только мы не ясновидящие, – основан на принципах предсказания, которым нас учат или которые мы формируем для себя. Принципы предсказания – это один из видов принципа действия, ибо предсказывать – значит действовать определенным образом. Таким образом, хотя логически ничто не мешает кому-то поступать совершенно без принципов и делать все свои выборы произвольным образом, как показано в первом типе ответа, на самом деле этого никогда не происходит. Более того, наши знания о будущем фрагментарны и единственно вероятны; и поэтому во многих случаях принципы, которым нас учат или которые мы формируем для себя, говорят не «Выбирайте такое последствие,

а не то», а «Вы не знаете наверняка, какими будут последствия; но сделайте это, а не то, и последствия, скорее всего, будут такими, какие вы бы выбрали, если бы знали их». В этой связи важно помнить, что «вероятный» (likely) и «возможный» (probable) являются оценочными словами; во многих контекстах «Вероятно (или возможно), что Р» соответственно перерабатывается в «Есть *веские* основания (или доказательства) для того, чтобы считать, что Р».

4.3.

До сих пор мы можем выделить две причины, почему у нас есть принципы. Первая причина применима к любому человеку, даже к человеку с полным пониманием будущего, который решает выбрать что-то, потому что это имеет определенный характер. Вторая причина применима к нам, потому что на самом деле мы не обладаем полным знанием будущего, и потому что такое знание, которым мы обладаем, включает принципы. К этим причинам теперь необходимо добавить третью. Без принципов большинство видов обучения невозможно, поскольку то, чему учат, в большинстве случаев является принципом. В частности, когда мы учимся что-то делать, то, чему мы учимся, всегда является принципом. Даже узнать или выучить какой-либо факт (например, названия пяти рек Пенджаба) – значит научиться отвечать на вопрос; это значит усвоить принцип «Когда тебя спрашивают: «Каковы названия пяти рек Пенджаба?», отвечай: «Джелум, Ченаб и т.д.»». «Под этим я, конечно, не подразумеваю, что научиться что-либо делать – значит научиться заучивать наизусть какое-то универсальное императивное предложение. Это вовлекло бы нас в порочный регресс; ибо обучение чтению – это своего рода обучение, и у него должны быть свои принципы; но в этом случае мы должны научиться декламировать принципы чтения. Суть скорее в том, что научиться делать что-либо – это никогда не значит научиться совершать отдельные действия; это всегда значит научиться совершать действия определенного рода в определенной ситуации; и это значит научиться принципу. Таким образом, обучаясь вождению, я учусь не переключать передачу сейчас, а переключать передачу, когда двигатель издает определенный шум. Если бы это было не так, обучение было бы вообще бесполезным; ибо если бы все, что мог сделать инструктор, это сказать нам переключить передачу *сейчас*, ему пришлось бы сидеть рядом с нами всю оставшуюся жизнь, чтобы каждый раз указывать нам, когда переключать передачу.

Таким образом, без принципов мы не могли бы ничему научиться у старших. Это означало бы, что каждое поколение должно было бы начинать с нуля и обучаться самостоятельно. Но даже если бы каждое поколение было способно обучать себя, оно не смогло бы этого сделать без принципов; ибо самообучение, как и всякое другое обучение, является обучением принципам. Это можно увидеть, обратившись к нашему искусственному примеру. Давайте предположим, что наш ясновидящий делал все свои выборы по какому-то принципу, но всегда забывал, как только он делал выбор, каким был принцип. Соответственно, каждый раз, когда он принимал решение, ему приходилось бы анализировать все последствия альтернативных действий. Это заняло бы так много времени, что у него не было бы свободного времени для принятия многих решений в течение своей жизни. Он проводил бы все свое время, решая такие вопросы, как, например, делать шаг правой или левой ногой, и никогда бы не достиг того, что мы должны были бы назвать более важными решениями. Но если бы он мог вспомнить принципы, по которым он действовал, он был бы в гораздо лучшем положении; он мог бы *научиться* дей-

ствовать в определенных обстоятельствах; он мог бы научиться быстро выделять соответствующие аспекты ситуации, включая последствия различных возможных действий, и поэтому выбирать быстро, а во многих случаях привычно. Таким образом, его силы на обдуманное решение будут освобождены для более важных решений. Когда столяр-краснодеревщик научится делать ласточкин хвост, не задумываясь об этом, у него будет время подумать о таких вещах, как пропорции и эстетический вид готового изделия. И то же самое происходит с нашим поведением в моральной сфере; когда выполнение меньших обязанностей вошло в привычку, у нас появляется время подумать о большем.

На практике существует ограничение на количество того, чему может научить кого-то кто-то другой. Помимо этого необходимо самообучение. Предел устанавливается разнообразием условий, с которыми можно столкнуться при выполнении всего, чему учат; и это разнообразие в некоторых случаях больше, чем в других. Сержант может научить новобранца почти всему, что нужно знать о закреплении штыков на параде, потому что один случай закрепления штыков на параде очень похож на другой; но инструктор по вождению не может сделать большего, чем начать обучать своего ученика искусству вождения, потому что условия, с которыми приходится сталкиваться при вождении, очень разнообразны. В большинстве случаев обучение не может состоять в том, чтобы заставить ученика безупречно выполнять фиксированное упражнение. Одна из вещей, которая должна быть включена в любые, кроме самых элементарных, виды обучения, – это возможность для учащегося самостоятельно принимать решения и при этом изучать и даже изменять в соответствии с конкретными типами случаев принципы, которым обучают. Принципы, которым нас учат изначально, носят предварительный характер (очень похожий на принцип «Никогда не говори то, что ложно», который я обсуждал в предыдущей главе). Наше обучение после начальных этапов состоит в том, чтобы принять эти принципы и сделать их менее условными; мы делаем это, постоянно используя их в наших собственных решениях, а иногда делая исключения из них; некоторые исключения сделаны потому, что наш инструктор указывает нам, что некоторые случаи являются примерами классов исключений из принципа; и некоторые из исключений мы решаем сами. Это представляет не больше трудностей, чем у нашего ясновидящего при выборе между двумя наборами последствий. Если мы узнаем из эксперимента, что следование определенному принципу будет иметь определенные последствия, в то время как изменение его определенным образом будет иметь определенные другие последствия, мы принимаем ту форму принципа, которая приводит к последствиям, которые мы выбираем.

Мы можем проиллюстрировать этот процесс изменения принципов на уже использованном примере обучения вождению. Мне говорят, например, всегда съезжать на обочину, когда я останавливаю машину; но позже мне говорят, что это не относится к тому, когда я останавливаюсь перед поворотом на боковую дорогу к обочине, потому что тогда я должен остановиться примерно на середине дороги, пока у меня не появится возможность повернуть. Еще позже я узнаю, что при этом маневре вообще нет необходимости останавливаться, если это неконтролируемый перекресток, и я вижу, что нет движения, которое я должен перекрыть поворотом. Когда я схватил на лету все эти изменения в правиле и аналогичные изменения во всех других правилах и привычно применяю их как измененные, тогда меня называют хорошим водителем, потому что моя машина всегда находится в нужном ме-

сте на дороге, движется с нужной скоростью и так далее. Хороший водитель – это помимо всего прочего тот, чьи действия настолько точно подчиняются принципам, которые вошли у него в привычку, что ему обычно не нужно просто думать, что делать. Однако дорожные условия чрезвычайно разнообразны, и поэтому неразумно позволять всему вождению становиться делом привычки. Никто никогда не может быть уверен в том, что его принципы вождения совершенны – на самом деле, можно быть совершенно уверенным, что это не так; и поэтому хороший водитель не только хорошо водит машину по привычке, но и постоянно следит за своими привычками вождения, чтобы понять, нельзя ли их улучшить; он никогда не прекращает учиться.

Вряд ли стоит указывать на то, что принципы вождения, как и другие принципы, обычно прививаются не путем их словесного повторения, а примером, демонстрацией и другими практическими средствами. Мы учимся водить не по правилам, а потому, что нам показывают, как выполнять определенные части вождения; правила обычно являются лишь объяснением или мнемоникой того, что нам показывают. После этого мы пытаемся сами выполнять определенные маневры, и нас критикуют за неудачи, хвалят, когда мы выполняем их хорошо, и так постепенно осваиваем различные принципы хорошего вождения. Хотя наше обучение далеко не является чисто словесным, тем не менее то, чему нас учат, – это принципы. Сам по себе факт о том, что выведение конкретных действий (или команд для их выполнения) из принципов обычно выполняется невербально, не означает, что это нелогичный процесс, так же как и сам вывод:

Часы только что пробили семь раз

Часы бьют семь раз только в семь часов

Это сразу после семи часов,

Представлено нелогично, потому что это никогда не выражается явным образом словами.

Водители часто точно знают, что делать в определенной ситуации, не имея возможности выразить словами принцип, по которому они действуют. Это очень распространенное положение дел со всевозможными принципами. Охотники точно знают, где ставить свои ловушки, но часто не могут объяснить, почему они поставили ловушку в определенном месте. Мы все знаем, как использовать слова, чтобы передать наш смысл; но если логик требует от нас точного определения слова, которое мы использовали, или точных правил его использования, то мы часто теряемся. Это не означает, что установка ловушек, использование слов или вождение автомобилей не происходит в соответствии с принципами. Можно знать как, не имея возможности сказать как – хотя, если навыку нужно обучаться, легче, если мы *можем* сказать как.

Мы не должны думать, что, если мы можем выбирать между одним курсом и другим без дальнейших размышлений (нам кажется очевидным, что мы должны делать), то это обязательно подразумевает, что у нас есть какая-то таинственная интуитивная способность, которая говорит нам, что делать. Водитель не знает, когда переключать передачу интуитивно; он знает это, потому что он научился, а не забыл; то, что он знает, – это принцип, хотя он не может сформулировать принцип словами. То же самое относится и к моральным решениям, которые иногда называют «интуитивными». У нас есть моральная «интуиция», потому что мы научились вести себя, и у нас разные «интуиции» в зависимости от того, как мы научились себя вести.

Было бы ошибкой сказать, что все, что нужно было сделать с человеком, чтобы сделать из него хорошего водителя, – это рассказать ему или иным образом

привить ему множество общих принципов. Это означало бы исключить фактор принятия решения. Очень скоро после того, как он начнет учиться, он столкнется с ситуациями, для решения которых временные принципы, которым он до сих пор учился, потребуют модификации; и тогда ему придется решить, что делать. Он очень скоро обнаружит, какие решения были правильными, а какие неправильными, отчасти потому, что его инструктор говорит ему, а отчасти потому, что увидев последствия решений, он решает в будущем не вызывать таких последствий. Мы ни в коем случае не должны совершать ошибку, полагая, что решения и принципы занимают две отдельные сферы и ни в коем случае не пересекаются. Все решения, за исключением тех, если таковые имеются, которые являются полностью произвольными, в какой-то степени являются принципиальными решениями. Мы всегда создаем прецеденты для самих себя. Это не тот случай, когда принцип сводит все к определенной точке и принимает решение, касающееся всего, что находится ниже этой точки. Скорее решения и принципы взаимодействуют во всей области. Предположим, что у нас есть принцип действовать определенным образом в определенных обстоятельствах. Предположим тогда, что мы оказываемся в обстоятельствах, которые подпадают под действие принципа, но которые имеют некоторые другие особенности, не встречавшиеся ранее, которые заставляют нас спросить: «Действительно ли принцип предназначен для охвата подобных случаев или он не полностью определен – есть ли здесь случай, относящийся к классу, который следует рассматривать как исключительный?» Наш ответ на этот вопрос будет решением, но решением на основе принципа, как показывает использование оценочного слова «должен». Если мы решим, что это должно быть исключением, мы тем самым изменим принцип, установив исключение из него.

Предположим, например, что при обучении вождению меня учили всегда подавать сигнал, прежде чем я замедлюсь или остановлюсь, но еще не научили, что делать при экстренной остановке; если ребенок прыгает перед моей машиной, я не сигналю, а держу обе руки на руле; и после этого я принимаю первый принцип с этим исключением, что в экстренных случаях лучше управлять, чем сигналить. Я даже под влиянием момента принял принципиальное решение. Чтобы понять, что происходит в подобных случаях, нужно многое понять о вынесении оценочных суждений.

4.4.

Я не хочу показаться слишком настойчивым в своем сравнении между принципами вождения и принципами поведения в отношении того, как они усваиваются. Необходимо также иметь в виду некоторые различия. Во-первых, выражение «хороший водитель» само по себе неоднозначно, поскольку не сразу ясно, какой стандарт применяется. Это может быть просто эталон мастерства; мы могли бы назвать человека хорошим водителем, если бы он мог делать со своей машиной именно то, что хотел; мы могли бы сказать: «Хотя он очень хороший водитель, он крайне невнимателен к другим участникам дорожного движения». С другой стороны, мы иногда ожидаем, что хороший водитель также должен обладать моральными качествами; согласно этому критерию, мы не называем человека хорошим водителем, если он водит умело, но без малейшего внимания к удобству или безопасности других людей. Грань между этими двумя стандартами хорошего вождения нелегко провести на практике. Существует также третий стандарт, согласно которому водитель считается хорошим, если он соответствует принятым принципам хорошего вождения, изложенным, например, в *Кодексе дорожного*

движения. Поскольку *Кодекс дорожного движения* составлен с определенной целью, этот стандарт в значительной степени совпадает со вторым.

Во-вторых, есть два способа взглянуть на обучение вождению:

(1) Мы устанавливаем в начале определенные цели, например, предотвращение столкновений, и обучение состоит в обучении тому, какие методы способствуют достижению этих целей. Согласно такому взгляду на них, принципы хорошего вождения являются гипотетическими императивами.

(2) Сначала мы учим простым эмпирическим правилам, и ученик только постепенно приходит к пониманию того, каковы цели, на которые направлено обучение.

Не следует думать, что либо (1), либо (2) само по себе дает полный отчет о нашей процедуре. Какой метод мы используем, в значительной степени зависит от зрелости и интеллекта ученика. Обучая простых солдат вождению, мы могли бы больше склоняться ко второму методу; если бы мне пришлось учить моего двухлетнего сына водить машину, мне пришлось бы применить те же методы, которые я сейчас применяю для обучения его воздерживаться от вмешательства в управление, когда я сам за рулем. С другой стороны, с высокоинтеллектуальным учеником мы можем принять метод, в котором больше (1), чем (2).

Однако не следует думать, что метод (2) никогда полностью не имеет места даже в случае самых рациональных учащихся. Возможно, что желательность избежать столкновений сразу же понятна и принята даже сравнительно глупыми учениками; но есть гораздо больше целей, чем эта, к которой должен стремиться хороший водитель. Он должен избегать причинения многих видов предотвратимых неудобств как себе, так и другим; он должен научиться не делать вещей, которые приводят к повреждению его транспортного средства, и так далее. Бесплезно устанавливать в начале общую цель, «предотвращение предотвратимых неудобств»; ибо «неудобство» – это ценное слово, и до тех пор, пока у него не будет опыта вождения, ученик не будет знать, какие ситуации следует считать предотвратимыми неудобствами. Общая цель или принцип бессмысленны до тех пор, пока с помощью наших подробных инструкций мы не придадим им содержание. Поэтому всегда необходимо начинать в какой-то степени с того, чтобы научить нашего ученика, что делать, и предоставить ему позже выяснить *почему*. Поэтому мы можем сказать, что, хотя моральные принципы, которым нас обычно учат, когда мы еще незрелы, преподаются в основном методом (2), а принципы вождения преимущественно методом (1), в этом отношении нет абсолютного разделения между двумя видами принципов. То, что я только что сказал о первом изучении того, что нужно делать, и о первоначальной пустоте общей цели, заимствовано у Аристотеля. Единственное фундаментальное различие между принципами вождения и принципами поведения состоит в том, что последние, по выражению Аристотеля, являются «архитектоникой» первых; ибо цели хорошего вождения (безопасность, избежание неудобств для других, сохранение имущества и т.д.) в конечном счете оправдываются обращением к моральным соображениям, если требуется обоснование.

Однако было бы глупо говорить, что существует только один способ овладеть навыком или любым другим сводом принципов или обосновать конкретное решение, принятое на практике. Есть много способов, и я постарался сделать вышеприведенный обзор достаточно общим, чтобы охватить их все. Авторы, пишущие о морали, иногда говорят, что мы должны оправдывать поступок, ссылаясь на его

последствия, и что мы говорим, какие последствия следует искать, а каких избегать, ссылаясь на какой-то принцип. Такая теория принадлежит утилитаристам, которые предлагают нам взглянуть на последствия и изучить их в свете принципа полезности, чтобы увидеть, какие последствия максимизируют удовольствие. Иногда, с другой стороны, говорят (как г-н Тулмин), что действие оправдывается непосредственно ссылкой на принципы, которые оно соблюдает, а эти принципы, в свою очередь, ссылаются на последствия их постоянного соблюдения. Иногда говорят, что мы должны соблюдать принципы и игнорировать последствия – хотя по причинам, указанным выше, «последствия» не могут здесь подразумеваться в том смысле, в котором я его использовал. Что не так с этими теориями, так это не то, что они говорят, а их предположение, что они говорят нам единственный способ обосновать действия или решить, какие действия следует предпринять. Мы действительно обосновываем и принимаем решения о действиях всеми этими способами; например иногда, если нас спрашивают, почему мы сделали А, мы говорим: «Потому что это был случай, подпадающий под принцип Р», и если нас в свою очередь просят обосновать Р, мы в свою очередь рассматриваем последствия его соблюдения и несоблюдения. Но иногда, когда нам задают один и тот же вопрос: «Почему вы сделали А?», мы говорим: «Потому что, если бы я этого не сделал, произошло бы Е», и если бы нас спросили, что было не так в Е, то мы апеллируем к какому-то принципу.

Истина заключается в том, что если нас просят как можно полнее обосновать любое решение, то мы должны учитывать и последствия – наполнять решение содержанием – и принципы, и последствия в целом соблюдения этих принципов и так далее, пока мы не удовлетворим нашего исследователя. Таким образом, полное обоснование решения будет состоять из полного описания его последствий вместе с полным описанием принципов, которые соблюдались в рамках принятия решения, и последствий соблюдения этих принципов – ибо, конечно, именно последствия (в чем на самом деле состоит их соблюдение) также придают содержание принципам. Таким образом, если на нас давят, чтобы мы полностью обосновали решение, мы должны дать полное описание образа жизни, частью которого оно является. Это полное описание на практике невозможно дать; ближайшие попытки – это те, которые даны великими религиями, особенно те, которые могут указывать на исторических личностей, которые на практике вели такой образ жизни. Предположим, однако, что мы можем его дать. Если спрашивающий все еще продолжает спрашивать: «Но почему я должен так жить?», то ему больше нечего ответить, потому что мы уже гипотетически сказали все, что можно было бы включить в этот дальнейший ответ. Мы можем только попросить его принять собственное решение о том, как ему следует жить, ибо в конце концов все зависит от такого принципиального решения. Он должен решить, принять этот образ жизни или нет; если он примет его, тогда мы сможем продолжить оправдывать решения, основанные на нем; если он не примет его, то пусть примет какой-нибудь другой и попытается жить по нему. Тонкость находится в последнем предложении. Описывать такие окончательные решения как произвольные, потому что гипотетически все, что могло быть использовано для их обоснования, уже было включено в решение, было бы все равно, что сказать, что полное описание Вселенной было совершенно необоснованным, потому что в подтверждение этого нельзя было бы привести никаких дополнительных фактов. Это не то, как мы используем слова «произвольный» и «необоснованный». Отнюдь не будучи произвольным, такое ре-

шение было бы наиболее обоснованным из решений, поскольку оно основывалось бы на рассмотрении всего, на чем оно могло бы быть основано.

Можно заметить, как, говоря о принципиальных решениях, я неизбежно начал говорить на языке ценностей. Таким образом, мы решаем, что принцип следует изменить или что лучше управлять, чем сигнализировать. Это иллюстрирует очень тесную связь того, что я говорил в первой части этой книги, с проблемами второй части; ибо вынести ценностное суждение – значит принять принципиальное решение. Спросить, должен ли я делать А в этих обстоятельствах, – это (заимствуя кантовский язык с небольшой, хотя и важной модификацией) спросить, хочу ли я, чтобы выполнение А в таких обстоятельствах стало универсальным законом. Это может показаться далеким от Канта профессору Стивенсону; но тот же вопрос можно сформулировать другими словами, спросив: «Какую позицию я должен занять и рекомендовать в отношении действий в таких обстоятельствах?»; ибо «позиция», если это что-то значит, означает принцип действия. К сожалению, Стивенсон, в отличие от Канта, уделяет очень мало места рассмотрению этого вопроса от первого лица; если бы он уделил ему должное внимание и избежал опасностей слова «убедительный», он мог бы достичь позиции, мало чем отличающейся от позиции Канта.

4.5.

Как указывает Кант в важном отрывке об автономии воли, на который я ссылался ранее, мы должны принимать свои собственные принципиальные решения. Другие люди не смогут сделать их за нас, если мы сначала не решим последовать их совету или подчиниться их приказам. Здесь есть интересная аналогия с позицией ученого, который также вынужден полагаться на свои собственные наблюдения. Можно было бы сказать, что здесь есть разница между решениями и наблюдениями, в ущерб первому, в том что наблюдение, однажды сделанное, является общественной собственностью, тогда как решения должны приниматься самим агентом в каждом случае. Но эта разница только кажущаяся. Ученый не стал бы ученым, если бы не убедил себя в том, что наблюдения других ученых в целом надежны. Он сделал это, проведя некоторые собственные наблюдения. Когда мы изучали элементарную химию в школе, у нас было несколько теоретических занятий и несколько практических. В теоретические периоды мы изучали книги; в практические периоды мы проводили эксперименты, и если нам везло, обнаруживали, что результаты совпадали с тем, что говорилось в книгах. Это показало нам, что то, что говорилось в книгах, не было полной чепухой; так что даже если из-за игнорируемых нами тревожных факторов наши эксперименты оказались неправильными, мы были склонны доверять книгам и признавать, что совершили ошибку. Мы утвердились в этом предположении тем фактом, что часто позже обнаруживали, в чем заключалась ошибка. Если бы наши наблюдения, как бы тщательно мы их ни проводили, всегда расходились с учебниками, у нас не было бы соблазна сделать науку нашей профессией. Таким образом, уверенность ученого в наблюдениях других людей в конечном счете основана, среди прочего, на его собственных наблюдениях и его собственных суждениях о том, что является надежным. В конце концов ему приходится полагаться на самого себя.

Случай с моральным агентом не отличается от других. Когда в наши первые дни нам дают элементарные нравственные наставления, есть некоторые вещи, которые нам говорят, и некоторые вещи, которые мы делаем. Если бы, когда мы поступали так, как нам было сказано, общие последствия наших действий, когда они

происходили, всегда были такими, какие мы бы не выбрали, если бы знали, тогда нам следовало бы обратиться за лучшим советом или, если бы нам помешали это сделать, либо выработать собственное спасение, либо стать морально ущербными. Если нам в целом дают то, что мы впоследствии считаем хорошим советом, мы в целом решаем следовать советам и принимать принципы тех, кто давал нам этот хороший совет в прошлом. Это то, что происходит с любым хорошо воспитанным ребенком. Точно так же как ученый не пытается переписать все, что есть в учебниках, а принимает это как должное и придерживается своих собственных конкретных исследований, так и этот счастливый ребенок будет полностью перенимать принципы своих старших и время от времени приспособлять их в деталях своими собственными решениями, в соответствии со своими собственными обстоятельствами. Именно так в хорошо организованном обществе мораль остается стабильной и в то же время приспособляется к меняющимся обстоятельствам.

4.6.

Однако есть много способов, которыми это счастливое положение дел может ухудшиться. Давайте рассмотрим процесс, который, по-видимому, довольно часто происходит в истории; он произошел в Греции в пятом и четвертом веках и произошел в наше время. Предположим, что люди определенного поколения – я назову его первым поколением – имеют очень устоявшиеся принципы, унаследованные от своих отцов. Предположим, что они настолько укоренились, что стали второй натурой, так что, вообще говоря, люди действуют по принципам, не задумываясь, и их способность принимать обдуманные принципиальные решения атрофируется. Они всегда действуют по правилам и никому не причиняют вреда, потому что состояние мира в их время остается во многом таким же, как и то, для которого были продуманы принципы. Но их сыновья, второе поколение, по мере взросления обнаруживают, что условия изменились (например, в результате затяжной войны или промышленной революции), и что принципы, на которых они воспитывались, больше не являются адекватными. Поскольку в их образовании большое внимание уделяется соблюдению принципов, и очень мало – принятию решений, на которых в конечном счете основаны эти принципы, их мораль не имеет корней и становится совершенно нестабильной. Книги «Весь долг человека» (*The Whole Duty of Man*) больше не пишутся и не читаются. Часто, когда они делают то, что говорится в таких книгах, впоследствии они находят причину сожалеть о своих решениях; и таких случаев слишком много, чтобы сохранялась какая-либо уверенность в старых принципах как в основе. Несомненно, среди этих старых принципов есть некоторые очень общие принципы, которые останутся приемлемыми, если человеческая природа и состояние мира не претерпят самых фундаментальных изменений; но второе поколение, воспитанное не для того, чтобы принимать принципиальные решения, а для того, чтобы делать то, что говорится в книге, большинство из них не смогут принимать те важные решения, которые определили бы, какие принципы сохранить, какие изменить, а от каких отказаться. Некоторые люди, хорошие дети второго поколения, будут настолько погружены в старые принципы, что просто будут следовать им во что бы то ни стало; и в целом им повезет больше, чем другим, потому что лучше иметь некоторые принципы, даже если они иногда приводят к решениям, о которых мы сожалеем, чем быть морально брошенными на произвол судьбы. Большая часть второго поколения, а еще больше, возможно, третьего, не будет знать, какого из принципов придерживаться, а какой отвергать; и поэтому

все больше и больше их будет жить изо дня в день – что неплохо, потому что это тренирует их способность принимать решения, но при этом находиться в таком неприятном и опасном состоянии. Некоторые из них, мятежники, будут кричать с крыш домов, что некоторые или все старые моральные принципы бесполезны; некоторые из этих мятежников будут отстаивать свои собственные новые принципы; другим нечего будет предложить. Хотя они усиливают путаницу, эти мятежники выполняют полезную функцию, заставляя людей выбирать между своими конкурирующими принципами; и если они не только отстаивают новые принципы, но и искренне пытаются жить по ним, то они проводят моральный эксперимент, который может иметь величайшую ценность для человека (в этом случае они войдут в историю как великие учителя морали), или с другой стороны может оказаться катастрофическим как для них, так и для их учеников.

Может потребоваться несколько поколений, чтобы эта болезнь проявила себя. Мораль вновь обретает свою силу, когда обычные люди заново учатся решать для себя, по каким принципам жить, и особенно по каким принципам учить своих детей. Поскольку мир хотя и подвержен огромным материальным изменениям, меняется очень медленно в вопросах, которые являются фундаментальными с моральной точки зрения, принципы, которые завоевывают признание массы людей, вряд ли будут сильно отличаться от тех, которым при этом доверяли их отцы. Моральные принципы Аристотеля больше напоминают принципы Эсхила, чем отличаются от них, и мы сами, возможно, вернемся к чему-то узнаваемому, похожему на мораль наших дедов. Но произойдут некоторые изменения; некоторые принципы, отстаиваемые мятежниками, будут приняты. Вот как развивается мораль – или регрессирует. Этот процесс, как мы увидим, отражается в очень тонких изменениях в употреблении оценочных слов; невозможность перевода каталога добродетелей Аристотеля на современный английский может служить примером, а исчезновение без следа слова «праведный» может служить еще одним примером.

4.7.

Вопрос «Как мне воспитывать своих детей?», который мы упоминали, – это та логика, которой с древних времен мало кто из философов уделял много внимания. Нравственное воспитание ребенка оказывает на него влияние, которое в значительной степени останется незатронутым всем, что произойдет с ним впоследствии. Если у него было стабильное воспитание, будь то на хороших принципах или на плохих, ему будет чрезвычайно трудно отказаться от этих принципов в дальнейшей жизни – трудно, но не невозможно. Они будут иметь для него силу объективного морального закона; и его поведение, по-видимому, даст много доказательств в поддержку интуитивистских этических теорий, при условии, что оно не будет сравниваться с поведением тех, кто так же твердо придерживается совершенно других принципов. Но тем не менее, если наше образование не было настолько тщательным, чтобы превратить нас в автоматы, мы можем усомниться или даже отвергнуть эти принципы; именно это отличает людей, чьи моральные системы меняются, от муравьев, чья «моральная система» не меняется. Поэтому, даже если для меня на вопрос «Что мне делать в такой-то ситуации?» почти всегда без двусмысленности отвечает нравственная интуиция, которую дало мне мое воспитание, я могу, если спрошу себя «Как мне воспитывать своих детей?», сделать паузу, прежде чем дать ответ. Именно здесь возникают самые фундаментальные моральные решения из всех; и именно здесь, если только философы-моралисты

обратят на них внимание, можно найти наиболее характерные употребления моральных слов. Должен ли я воспитывать своих детей точно так же, как меня воспитывали, чтобы у них были те же представления о морали, что и у меня? Или обстоятельства изменились так, что моральный облик отца не обеспечит детей подходящим установками? Возможно, я попытаюсь воспитать их так же, как их отец, и потерплю неудачу; возможно, их новое окружение будет слишком сильным для меня, и они откажутся от моих принципов. Или, возможно, я был настолько сбит с толку странным новым миром, что хотя я все еще действую в силу привычки по принципам, которые я усвоил, я просто не знаю, какие принципы прививать своим детям, если конечно кто-то в моем положении вообще может прививать какие-либо устоявшиеся принципы. По всем этим вопросам я должен принять решение; только самый закостенелый отец будет пытаться воспитывать своих детей, не задумываясь, именно так как воспитывался он сам; и даже он, как правило, потерпит катастрофическую неудачу.

Многие темные места этики становятся яснее, когда мы рассматриваем эту дилемму, в которой могут оказаться родители. Мы уже заметили, что хотя принципы в конечном счете должны основываться на принципиальных решениях, решениям как таковым нельзя научить; можно научить только принципам. Именно бессилие родителя принять за своего сына те многие принципиальные решения, которые сын примет в ходе своей будущей карьеры, придает моральному языку его характерную форму. Единственным инструментом, которым обладает родитель, является нравственное воспитание – обучение принципам на примере и наставлениях, подкрепленное наказанием и другими более современными психологическими методами. Должен ли он использовать эти средства и в какой степени? У некоторых поколений родителей не было сомнений в этом вопросе. Они использовали их в полной мере, и в результате их дети стали хорошими интуитивистами, способными держаться за рельсы, но плохо управляемыми на поворотах. В другое время родители – и кто их будет винить? – страдают от недостатка уверенности; они недостаточно уверены в том, что думают сами, чтобы быть готовыми привить своим детям стабильный образ жизни. Дети такого поколения, скорее всего, вырастут оппортунистами, способными принимать индивидуальные решения, но без устоявшегося свода принципов, который является самым бесценным наследием, которое любое поколение может оставить своим преемникам. Ибо, хотя принципы в конечном счете строятся на принципиальных решениях, строительство – это работа многих поколений, и человека, которому приходится начинать с самого начала, следует пожалеть; вряд ли он, если только он не гений, сможет прийти ко многим важным выводам, так же как обычный мальчик, оказавшийся на необитаемом острове или даже в лаборатории без всяких инструкций, вряд ли сделает какое-либо из крупных научных открытий.

Дилемма между этими двумя крайними направлениями в образовании явно ложна. Почему это ложное утверждение, очевидно, если мы вспомним, что было сказано ранее о динамической связи между решениями и принципами. Это очень похоже на обучение вождению. Было бы глупо, обучая кого-то вождению, пытаться привить ему такие твердые и всеобъемлющие принципы, чтобы ему никогда не пришлось принимать самостоятельное решение. Было бы столь же глупо впасть в другую крайность и предоставить ему самому находить свой собственный способ вождения. Что мы делаем, если мы разумны, так это даем ему прочную основу принципов, но в то же время широкие возможности для принятия решений, на которых

основаны эти принципы, и с помощью которых они модифицируются, улучшаются, адаптируются к изменившимся обстоятельствам или даже отбрасываются, если они становятся совершенно непригодными для новой среды. Преподавать только принципы, не давая возможности подчинить их собственным принципиальным решениям учащегося, все равно что преподавать науку исключительно по учебникам, не заходя в лабораторию. С другой стороны, бросить своего ребенка или ученика-водителя на его собственное самовыражение – это все равно, что поместить мальчика в лабораторию и сказать: «Продолжай». Мальчик может наслаждаться жизнью или покончить с собой, но вероятно не будет изучать много науки.

Слова морали, из которых мы можем взять в качестве примера слово «должен», отражают в своем логическом поведении эту двойственную природу морального наставления – и это вполне возможно, поскольку именно в моральном наставлении они чаще всего используются. Предложения, в которых они появляются, обычно являются выражением принципиальных решений – и в нашем обсуждении предмета легко отделить решения от принципов. В этом источник противоречий между «объективистами», как иногда называют себя интуитивисты, и «субъективистами», как они часто называют своих оппонентов. В первом случае акцент делается на неизменных принципах, которые передаются отцом, во втором – на новых решениях, которые должен принимать сын. Объективист говорит: «Конечно, вы знаете, что вам следует делать; посмотрите, что говорит вам ваша совесть, и если вы сомневаетесь, руководствуйтесь совестью подавляющего большинства людей». Он может сказать это, потому что наша совесть является продуктом принципов, которые наше раннее обучение неизгладимо заложило в нас, и в одном обществе эти принципы не сильно отличаются от одного человека к другому. Субъективист, с другой стороны, говорит: «Но, конечно, когда дело доходит до сути – когда я прислушиваюсь к тому, что говорят другие люди, и придаю должное значение своим собственным интуициям, наследию моего воспитания – я в конце концов должен решить для себя, что я должен делать. Отрицать это – значит быть конвенционалистом; как общие моральные понятия, так и мои собственные интуиции являются наследием традиций, и помимо того факта, что в мире существует так много разных традиций, традиции не могут быть начаты без того, чтобы кто-то не сделал то, что я сейчас чувствую призванным сделать, решить. Если я откажусь принимать свои собственные решения, я просто копирую своих отцов, покажу себя меньшим человеком, чем они; ибо хотя они должны были инициировать, я буду просто принимать». Эта просьба субъективиста вполне оправдана. Это мольба подростка, который хочет быть взрослым. Чтобы стать морально взрослым, нужно примирить эти две явно конфликтующие позиции, научившись принимать принципиальные решения; это значит научиться использовать утверждения «должен», осознавая, что они могут быть проверены только путем ссылки на стандарт или набор принципов, которые мы приняли по собственному решению и сделали своими собственными. Это то, что наше нынешнее поколение так мучительно пытается сделать.

Для цитирования и библиографии: Хэар Р. Язык морали. Глава 1. Повелительное наклонение. Часть 4. Решения на основе принципа (перевод с английского – А.Б. Дидикин) // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 17-30. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_17

Материал поступил в редакцию 11.01.2022.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

С.В. САЯПИН,

доктор права,
ассоциированный профессор и
ассоциированный декан
Школы права Университета
КИМЭП
(г. Алматы, Казахстан),
email: s.sayapin@kimep.kz

С момента обретения независимости в 1991 году государства Центральной Азии приобретают все большее влияние в качестве региональных и международных игроков. Они вступили в Организацию Объединенных Наций и несколько региональных организаций, такие как Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Международное право играет важную роль в этих процессах государственного строительства и региональной интеграции, однако его признание в качестве инструмента политики и академической дисциплины не является последовательным. В частности, остается проблемой налаживание системных связей между практикой международного права и его академическими исследованиями. **Целью** статьи является обзорный анализ избранных доктрин и соответствующей отраслевой практики международного права в Центральной Азии. **Научная новизна** статьи заключается в формулировании рекомендаций по дальнейшей имплементации и применению международного права в регионе. **Краткие выводы:**

1) государствам Центральной Азии следует систематически проанализировать их соответствующие потребности и приоритеты в сфере имплементации международного права и утвердить программные документы, регулирующие его имплементацию, по крайней мере, в среднесрочной перспективе; 2) необходим регулярный экспертный диалог между сообществом ученых-международников и государствами Центральной Азии; 3) преподавание международного права следует связывать с актуальными проблемами в регионе; 4) центральноазиатские школы международного права следует постепенно интегрировать в международное научное сообщество.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС); международные организации; международное право; Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); Организация Объединенных Наций, Содружество Независимых Государств (СНГ); Центральная Азия; Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Введение

В советский период государства Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) были лишь номинально суверенными.¹ В 1991 году они стали полноправными членами международного сообщества государств и стали развивать собственные школы международного права.² За последние тридцать лет международное право сыграло важную роль в решении региональных политико-правовых проблем, таких как пограничные вопросы, региональная безопасность, торговля наркотиками, торговля людьми, споры по поводу водных ресурсов или международный терроризм. Международное право также имело фундаментальное значение для консолидации суверенитета новых независимых государств на фоне конкурирующих интересов Китая, России, США и Европейского Союза в регионе.³ Тем не менее, нормы и инструменты международного права и их значение для внутренних правовых порядков все еще в значительной степени неизвестны местному населению и даже некоторым профессионалам в области права и политикам.

На данном этапе принципиально важно укрепить связи между теорией и практикой международного права в Центральной Азии, а также повысить престиж международного права как части юридической профессии. Для этого международное публичное и частное право могли бы, например, стать обязательными предметами на квалификационных экзаменах для всех юридических профессий, а профессиональным юристам в государственном и частном секторах следует регулярно проходить повышение квалификации по международному праву. Крайне важно, чтобы центральноазиатские школы международного права преодолели академическую изоляцию, в которой они находятся сейчас, – в особенности, свою ограниченность русскоязычным пространством, – и вышли на международную академическую арену. Ведущие ассоциации международного права – такие как Американская, Европейская или Азиатская – извлекут пользу из опыта центральноазиатских ученых. С другой стороны, ученым из Центральной Азии будут интересны доктрины международного права за пределами русскоязычного пространства.

¹См. статью 3 Конституции СССР 1924 года, статью 15 Конституции СССР 1936 года, статью 76 Конституции СССР 1977 года.

²В Казахстане лучшими школами международного права являются Университет КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева, Университет КИМЭП, Казахский национальный университет (КазНУ) им. Аль-Фараби и Евразийский национальный университет (ЕНУ) им. Л.Н. Гумилева. В Кыргызстане – Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ), Американский университет в Центральной Азии (АУЦА), Кыргызский государственный юридический университет, Международный университет Алатао и Ошский государственный университет. В Таджикистане в сфере преподавания международного права лидируют Таджикский национальный университет и Российско-таджикский (Славянский) университет (РТСУ). В Туркменистане международное право преподается в Институте международных отношений Министерства иностранных дел. В Узбекистане юристов-международников для публичного и частного секторов обучают Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД), Ташкентский государственный юридический университет (ТГЮУ), Вестминстерский международный университет в Ташкенте (WIUT) и Каракалпакский государственный университет имени Бердаха.

³Sayapin S. State Report Overview // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. P. 169-170.

Основные положения

Как будет показано далее, взаимосвязь между теорией и практикой международного права в Центральной Азии требует укрепления. Хотя формально международное право является источником права во всех государствах региона, его регуляторный потенциал используется явно недостаточно. Центральная Азия обладает значительным интеллектуальным потенциалом в сфере международного права, но до сих пор этот потенциал не использовался систематически. Чтобы добиться конструктивных изменений, следует принять ряд организационных мер.

Материалы и методы

В статье анализируется современное состояние доктрины международного права в Центральной Азии, ее соотношение с практикой международного права государствами региона, а также предлагаются пути укрепления взаимосвязей между теорией и практикой. Исследование проведено на основе избранных научных работ по международному праву, опубликованных ведущими юристами-международниками из региона, соответствующих норм Конституций государств Центральной Азии и актов национального законодательства, а также материалов международных организаций.

Результаты исследования

1. Международное право и (международная) юридическая профессия в Центральной Азии

На первый взгляд, профессия юриста-международника имеет важное значение в регионе, поскольку формально международное право признано источником права во всех государствах Центральной Азии.⁴ Статья 4(1) Конституции Республики Казахстан гласит, что «международны[e] договорны[e] и ины[e] обязательств[a] Республики» являются частью действующего права в Республике Казахстан. Можно предположить, что «иные обязательства» включают, в частности, международное обычное право и право различных международных организаций, членом которых является Казахстан. Статья 4(3) далее гласит: «Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики». Статья 6(2) Закона Республики Казахстан «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года содержит практически аналогичную норму.

Помимо международных договоров, в статье 6(3) Конституции Кыргызской Республики упоминаются «общепризнанные принципы и нормы международного права». Предположительно, такие принципы и нормы включают, по крайней мере, принципы, изложенные в Декларации принципов международного права 1970 года, и общее международное право. Аналогичное положение содержится во втором абзаце статьи 9 Конституции Туркменистана. Напротив, третий абзац статьи 10 Конституции Республики Таджикистан отражает более позитивистский подход, поскольку он упоминает только «[м]еждународно-правовые акты, признанные Таджикиста-

⁴Ibidem. P. 170-171.

ном», но не другие источники международного права. Примечательно, что это же конституционное положение прямо предусматривает, что международные правовые акты имеют приоритет перед законами республики.

Наконец, Конституция Узбекистана содержит два отдельных положения относительно международного права. Во-первых, в преамбуле Конституции заявлен «приоритет общепризнанных норм международного права». Далее, статья 17 Конституции гласит: «Республика Узбекистан является полноправным субъектом международных отношений. Ее внешняя политика исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов и норм международного права [...] Республика может заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, исходя из высших интересов государства, народа, его благосостояния и безопасности». Поскольку статья 17 касается роли международного права во внешней политике, это, по всей видимости, предполагает, что Узбекистан подходит к международному праву с дуалистической точки зрения. Все государства Центральной Азии приняли законы о международных договорах,⁵ которые регулируют порядок их заключения, соблюдения и применения, имплементации, внесения поправок и изменений, недействительности, приостановления или прекращения их действия и т.д. с учетом Венской конвенции о праве международных договоров.

Однако на практике международное право ограничивается внешней политикой центральноазиатских государств и, похоже, не оказывает прямого системного воздействия на национальные правовые порядки. Например, Концепция правовой политики Казахстана на 2020 – 2030 годы затрагивает международное право только в кратком разделе, озаглавленном «Правовое обеспечение внешней политики и внешнеэкономической деятельности»,⁶ и даже там лишь ограниченное внимание уделяется «дальнейш[ей] интеграци[и] в мировую экономику посредством использования инструментов экономической дипломатии, продвижения и защиты государственных интересов в международных организациях, многосторонних экономических интеграционных объединениях». В Концепции не упоминается непосредственное применение международных договоров по смыслу статьи 6(2) Закона «О правовых актах». Также следует отметить, что ранее в ходе парламентских дебатов по проекту Концепции было заявлено, что возможно, «по примеру других соседних стран нам надо установить (возможно, что и в Конституции), *некоторые ограничения для применения норм международных соглашений*. Крупные проигрыши в зарубежных арбитражах подталкивают к таким неординарным решениям» (выделено мной – С. С.).⁷ Очевидно, если предложенные ограничения

⁵Казахстан принял закон о международных договорах 30 мая 2005 года, Кыргызстан – 24 апреля 2014 года, Таджикистан – 23 июля 2016 года (новая редакция), Туркменистан – 10 мая 2010 года и Узбекистан – 6 февраля 2019 года (новая редакция).

⁶Указ Президента Республики Казахстан № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» от 15 октября 2021 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39401807 (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

⁷Текст выступления относительно проекта Концепции правовой политики (КПП презентован Минюстом). URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/blog/934/news/details/23151> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

когда-нибудь будут введены, это станет началом отчуждения Казахстана от международного права с неблагоприятными последствиями как для экономики страны, так и для международной юридической профессии. Более того, учитывая влияние Казахстана в регионе, другие государства могут последовать его примеру.

С начала 1990-х годов центральноазиатские доктрины международного права развивались по двум основным направлениям.⁸ Как и многие ученые-международники в Российской Федерации, многие центральноазиатские юристы-международники старшего поколения владеют английским и другими иностранными языками лишь в ограниченном объеме и таким образом принадлежат к «отдельному эпистемологическому сообществу» русскоязычных ученых-международников, «связанных общим языком, историей и географическим пространством бывшего СССР».⁹ В свою очередь, второе и третье поколения центральноазиатских юристов-международников получили высшее образование уже в суверенных государствах Центральной Азии. Обычно уверенно владеющие иностранными языками, помимо своего родного и русского, молодые юристы-международники приобретают все больший научный авторитет как в Центральной Азии, так и в других странах. Некоторые из них занимают академические и административные должности в ведущих школах международного права в Центральной Азии (см. прим. 2), Южной Корее, Финляндии, Германии и Великобритании и других странах, а другие работают в международных межправительственных и неправительственных организациях, в консалтинге и частной юридической практике.

С учетом политических и академических приоритетов региона (см. Введение), центральноазиатские ученые вносят свой вклад в доктрину в различных областях международного права. Помимо нескольких учебников и учебных пособий по международному праву,¹⁰ авторы из Центральной Азии подготовили монографии, посвященные истории международного права,¹¹ международной правосубъектности и государственности,¹² правопреемству государств,¹³ региональной безопасности,¹⁴

⁸Sayapin S. State Report Overview // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. P. 171-172.

⁹Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 87.

¹⁰См.: Адилкариев Х.Т. *Международное право*. Ташкент, 2003; Айдарбаев С.Ж. *Международное публичное право*. Алматы: Жеті жарғы, 2019. – 229 с.; Ерджанов Т.К. *Международное публичное право*. Алматы, 2006; Лукашук И.И., Саидов А.Х. *Ҳозирги замон халқаро ҳуқуқи назарияси асослари [Основы теории современного международного права]*. Т.: Адолат, 2006. – 424 б.; Сарсембаев М.А., Сарсембаев К.М. *Международное право*. Алматы: Жеті Жарғы, 2009. – 408 с.

¹¹См.: Сарсембаев М. *Международное право в истории Казахстана и Средней Азии*. Астана: Фолиант, 2011. – 200 с.; Хакимов Р. *Международное право (Библиография 1895 – 2012 гг.)*. Ташкент: «Yangi asr avlod», 2013.

¹²См.: Мансуров У.А. *Международная правосубъектность Республики Таджикистан, Часть 1: Право на членство в международных организациях*. Душанбе: РТСУ, 2019. – 157 с.; Хакимов Р.Т. *Международная правосубъектность: вопросы теории и практики*. Ташкент, 2012.

¹³См.: Хакимов Р. *Проблемы правопреемства государств в международном праве*. Ташкент: Фан, 2008. – 240 с.

¹⁴См.: Рахмонов А.С., Кравченко О.В., Насков Д.С., Рахмонзода Д.А. *Правовые основы обеспечения национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму Российской Федерации*. Душанбе, 2018.

правам человека,¹⁵ международному гуманитарному праву¹⁶ и международному уголовному праву.¹⁷ Важные труды по региональной интеграции,¹⁸ международному экономическому праву,¹⁹ международному уголовному праву²⁰ и праву международной безопасности²¹ были опубликованы известными зарубежными издательствами международно-правовой литературы. В 2022 году издательство Eleven International Publishing начнет публиковать *Центральноазиатский ежегодник международного права и международных отношений* (*Central Asian Yearbook of International Law and International Relations*) на английском языке.

Тем не менее, эти новые академические успехи еще не носят систематического или всеобъемлющего характера. Прежде всего, неясно, продолжают ли центральноазиатские ученые, работающие за пределами Центральной Азии, субъективно ассоциировать себя с регионом или они уже считают себя иностранными учеными с центральноазиатскими корнями. В свою очередь, в Центральной Азии наука международного права страдает от ряда системных проблем. В настоящее время международно-правовая доктрина развивается в регионе за счет энтузиазма отдельных авторов и их академических амбиций, а не за счет спроса или поддержки со стороны государств, и не получает достаточного финансирования. Формально Ассоциации международного права существуют в Казахстане и Узбекистане, но отсутствуют в других странах Центральной Азии, и даже эти две ассоциации, похоже, не осуществляют регулярной деятельности. Лишь несколько ученых из Центральной Азии являются членами Азиатской, Европейской или Американской ассоциаций

¹⁵См.: Хакимов Р. Детство: проблемы и перспективы / Узбекская ассоциация международного права. Т.: Узбекистан, 2006. – 109 с.

¹⁶См.: Раджабов С.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики. Душанбе, 2006; Хакимов Р. Международное гуманитарное право. Ташкент, 2007. – 213 с.

¹⁷См.: Рахмонов А.С., Кравченко О.В., Насков Д.С., Рахмонзода Д.А., Холиков Е.А. Основы противодействия терроризму и экстремизму по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. – 280 с.; Сандибаев Н., Хакимов Р. Халқаро жиноят суди. Ташкент, 2013; Умарханова Д.Ш., Саяпин С.В. Международное уголовное право. Ташкент, 2021. – 210 с.

¹⁸См.: Kembayev Zh. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Heidelberg: Springer, 2009. – 217 pp.

¹⁹См.: Daulenov M. Przepływ osob, uslug, towarow i kapitalu w umowach miedzynarodowych Unii Europejskiej. Torun: Adam Marszalek, 2016. – 356 s.; Rasulov A., Haskell J. (eds.). International Economic Law: New Voices, New Perspectives. Series: European Yearbook of International Economic Law. Heidelberg: Springer, 2020. – 214 pp.; Saidov D. Conformity of Goods and Documents: The Vienna Sales Conventio. Oxford: Hart Publishing, 2015. – 318 pp.; Saidov D. The Law of Damages in International Sales: The CISG and other International Instruments. Oxford: Hart Publishing, 2008. – 294 pp.; Saidov D. The Law of Damages in International Sales: The CISG and other International Instruments. 2nd edition. Oxford: Hart Publishing, 2021. – 344 pp.; Shadikhodjaev Sh. Industrial Policy and the World Trade Organization: Between Legal Constraints and Flexibilities. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 347 pp.; Shadikhodjaev Sh. Retaliation in the WTO Dispute Settlement System. Kluwer Law International, 2009. – 312 pp.

²⁰См.: Atadjanov R. Humanness as a Protected Legal Interest of Crimes against Humanity: Conceptual and Normative Aspects. T. M. C. Asser Press / Springer, 2019. – 324 p.; Sayapin S.. The Crime of Aggression in International Criminal Law: Historical Development, Comparative Analysis and Present State. T. M. C. Asser Press, 2014. – 334 pp.

²¹См.: Sayapin S., Tsybulenko E. (eds.). The Use of Force against Ukraine and International Law: Jus Ad Bellum, Jus in Bello, Jus Post Bellum. T. M. C. Asser Press, 2018. – 454 pp.

международного права. Что особенно важно, практика международного права в значительной степени оторвана от научных исследований, и государствам следует более регулярно привлекать ученых-международников к практической деятельности. Министерства иностранных дел (отвечающие за имплементацию международного права) и министерства юстиции (отвечающие за регулирование юридической профессии) могли бы более тесно сотрудничать в этих целях. Как поясняется ниже, государства Центральной Азии уже проделали важную работу в различных отраслях международного права, но существующие пробелы можно заполнить более успешно с привлечением ученых.

2. Практика международного права в Центральной Азии

Государства Центральной Азии активно участвуют в различных международных форматах, включая универсальные и региональные организации, и предлагают важные международные инициативы. Ниже рассматриваются некоторые ключевые примеры практики государств Центральной Азии в отдельных тематических областях и выявляются проблемные моменты в имплементации международного права. Этот раздел служит основой для заключительных замечаний и рекомендаций.

2.1. Международные организации универсального характера

Государства Центральной Азии сотрудничают с универсальными международными организациями с первых лет своей независимости. В то время это было вопросом престижа и реализации обретенного государственного суверенитета, и последующее сотрудничество между универсальными международными организациями и их членами в Центральной Азии принесло важные результаты. Они были приняты в Организацию Объединенных Наций (ООН) 2 марта 1992 г. и являются членами специализированных учреждений ООН. В Узбекистане пять объектов внесены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, и не менее шести культурных традиций признаны нематериальным культурным наследием.²² Первые годы независимости Таджикистана были отмечены жестоким немеждународным вооруженным конфликтом,²³ и усилия ООН по миростроительству имели исключительно важное значение.²⁴ В 1995 году постоянный нейтралитет Туркменистана был признан Генеральной Ассамблеей ООН, а в 2007 году был создан Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии. В 2017 – 2018 годах Казахстан был непостоянным членом Совета Безопасности ООН и использовал эту возможность, среди прочего, для продвижения своей повестки дня по борьбе с ядерным оружием, усиления внимания международного сообщества к ситуации в области безопасности в Афганистане и вокруг него, а также для консолидации

²²Permanent Delegation of Uzbekistan to UNESCO. URL: <http://uzunesco.org/> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

²³Atadjanov R. Non-International Armed Conflict in Tajikistan // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. Pp. 207-208.

²⁴Министерство иностранных дел Республики Таджикистан, «Tajikistan – UN Cooperation». URL: <https://mfa.tj/en/main/view/195/tajikistan-and-united-nations-specialized-agencies-and-organizations> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

его роли в миротворческих операциях ООН.²⁵ Центр подготовки миротворцев при Министерстве обороны Республики Казахстан («КазЦент») в Алматы играет важную роль в достижении последней цели.

Практика государств Центральной Азии в качестве членов ООН может помочь контекстуализировать преподавание международного публичного права и повысить его значимость как инструмента политики, так и академической дисциплины. Такая практика актуальна для общих курсов по международному праву, а также для специальных курсов, посвященных международному миру и безопасности, международному гуманитарному праву, дипломатии и т.д. Следует приглашать экспертов системы ООН регулярно выступать с гостевыми лекциями на курсах международного права, поскольку их практические знания помогут развить теоретическую подготовку студентов, развить их языковые навыки и помочь хотя бы некоторым из студентов выбрать их карьерный путь. По крайней мере, в некоторых государствах Центральной Азии академические контакты с международными экспертами могут быть ограничены соображениями национальной безопасности, но рекомендуется пересмотреть такую политику и сделать регулярное общение между студентами и учеными, с одной стороны, и представителями ООН и ее специализированных учреждений, с другой стороны, возможным в целях обеспечения более качественного образования.

2.2. Региональные организации

После 1991 года были созданы несколько региональных организаций, в которых государства Центральной Азии играют ключевую роль. Содружество Независимых Государств (СНГ),²⁶ крупнейшая постсоветская региональная организация, было основано 8 декабря 1991 года Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР) и Украиной, в результате чего они совместно заявили, что СССР прекратил свое существование «как субъект международного права и геополитическая реальность» (ср. первый абзац преамбулы Соглашения о создании Содружества Независимых Государств). 21 декабря 1991 года руководители Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины подписали Протокол к этому Соглашению о создании СНГ. Устав СНГ был принят 22 января 1993 года.

15 мая 1992 года Армения, Казахстан, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан подписали Договор о коллективной безопасности.²⁷ В 1993 году к нему присоединились Азербайджан, Беларусь и Грузия. Договор вступил в силу 20 апреля 1994 года и действовал до 1999 года, когда Азербайджан, Грузия и Узбекистан прекратили свое участие, а другие государства-участники согласились

²⁵Sanchez W.A. «Analyzing Kazakhstan's First Tenure at the UN Security Council: As the first Central Asian state to sit on the UNSC, what did Kazakhstan achieve?» / URL: <https://thediplomat.com/2019/03/analyzing-kazakhstan-first-tenure-at-the-un-security-council/> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

²⁶Sayapin S. State Report Overview // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. Pp. 183-184.

²⁷Sayapin S. Collective Security Treaty Organisation (CSTO) // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. Pp. 184-185.

автоматически продлить срок действия договора на последующий пятилетний период. 14 мая 2002 г. договор был преобразован в межправительственную организацию, Устав которой был утвержден 7 октября 2002 г. и зарегистрирован в Секретариате ООН в 2003 г. В 2004 г. Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) получила статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. В настоящее время в ОДКБ входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан (Узбекистан возобновил свое членство в 2006 году и приостановил его в 2012 году).

15 июня 2001 г. Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан объявили о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).²⁸ Хартия ШОС была принята в июне 2002 года и вступила в силу 19 сентября 2003 года. По состоянию на 2021 год, в ШОС входят восемь государств – первоначальные члены, Индия и Пакистан (приняты в 2017 году), – и, следовательно, это крупнейшая в мире региональная межправительственная организация по территории и населению. Афганистан, Беларусь, Иран и Монголия имеют статус наблюдателей в ШОС, а Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка являются партнерами ШОС по диалогу. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС находится в Ташкенте (Узбекистан).

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – региональная экономическая организация с элементами наднациональной компетенции.²⁹ Договор о ЕАЭС вступил в силу 1 января 2015 года. В настоящее время в ЕАЭС входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. 11 декабря 2020 года Узбекистан и Куба получили статус наблюдателей при ЕАЭС.

В то же время количество и качество проблем, сохраняющихся в настоящее время в Центральной Азии, похоже, требуют еще более тесной региональной интеграции. В течение многих лет Узбекистан имел визовый режим с большинством своих центральноазиатских соседей, а визовая политика Туркменистана до сих пор очень строга, в том числе в отношении граждан центральноазиатских государств. В апреле 2021 года нерешенные пограничные вопросы привели к военному противостоянию между Кыргызстаном и Таджикистаном.³⁰ Нехватка воды – проблема, которая, не будучи решенной, может усугубить ситуацию в будущем.³¹ Катастрофа Аральского моря влияет на ситуацию в регионе на протяжении десятилетий (см. ниже 3.3). Эти и другие проблемы можно было бы решить более эффективно, если бы все государства Центральной Азии объединили усилия более согласованно. Еще в 2007 году Первый Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев предложил создать Центральноазиатский союз, но эта возможность интеграции пока упущена. В мае

²⁸Sayapin S. Shanghai Cooperation Organisation (SCO) // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Scifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. Pp. 188-189.

²⁹Daulenov M. Eurasian Economic Union (EEU) // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Scifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. Pp. 185-187.

³⁰«Конфликт на границе Таджикистана и Кыргызстана: Что важно знать» // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/konflikt-tadzhikistana-i-kyrgyzstana-voda-narkotiki-zemlja/a-57392981> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

³¹«Central Asian Heat Wave And Drought Creating Water Shortages, Crop Failures» // RFL / RL. URL: <https://www.rferl.org/a/central-asian-drought-water-shortages/31324012.html> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

2021 года перспективы центральноазиатской интеграции обсуждались на экспертном «круглом столе» в Алматы.³² Если этот интеграционный проект будет реализован, он внесет вклад в устойчивое развитие региона и благополучие всех государств и обществ Центральной Азии.³³ Возможно, принятие Декларации о союзнических отношениях между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан от 6 декабря 2021 года станет первым шагом в этом направлении.³⁴

Мой собственный опыт преподавания международного права в Центральной Азии позволяет сделать два полезных наблюдения. Во-первых, студенты с большей готовностью осознают актуальность международного права, если показать им его эффективность в качестве инструмента для решения проблем, существующих в их регионе. Во-вторых, обучение международному праву в смешанных группах, состоящих из студентов, изучающих международное право и международные отношения, особенно эффективно, поскольку студенты-юристы помогают международникам лучше понимать роль права во внутренней и внешней политике, а студенты, изучающие международные отношения, помогают юристам изучать нормы права в практических контекстах.

2.3. Международное экологическое право

Основная экологическая проблема Центральной Азии, имеющая воистину глобальное значение, – опустынивание Аральского моря.³⁵ Из-за хищнической ирригационной политики уровень Аральского моря снижался в 1960-х годах в среднем на 0.2 м в год, в 1970-х годах – на 0.6 м, а в 1980-х годах – на 0.85 метра. В 1987 году его уровень достиг 36.4 м, то есть на 16.6 м ниже среднего долгосрочного уровня до 1961 года. Коллапс экосистемы привел к разрушительным последствиям для окружающей среды, здоровья населения и экономики. В феврале 1992 года в Алматы было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников. В 1993 году был создан Международный фонд спасения Арала. С 1994 года три программы бассейна Аральского моря были реализованы при финансовой поддержке государств, ПРООН, Всемирного банка, USAID, Азиатского банка развития и других доноров. ЮНЕСКО также поддержала несколько научных проектов. В результате строительства Кокаральской дамбы в 2003 – 2005 годах соленость воды в Северном Аральском море снизилась, и были зарегистрированы положительные изменения микроклимата.³⁶ Поскольку состояние Южного Араль-

³²«Центральноазиатский Союз – быть или не быть?» // Sputnik. URL: <https://ru.sputnik.kz/politics/20190523/10232256/central-asia-soyuz.html> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

³³Starr S.F. «Is This Central Asia's ASEAN Moment? On November 29, Central Asia re-emerged as a world region». URL: <https://thediplomat.com/2019/12/is-this-central-asias-asean-moment/> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

³⁴Декларация о союзнических отношениях между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан. URL: https://uza.uz/ru/posts/deklaraciya-o-soyuznicheskix-otnosheniyax-mezhdu-respublikoy-uzbekistan-i-respublikoy-kazaxstan_326819 (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

³⁵Sayapin S. The Aral Sea // S. Lee, H.E. Lee, M.E. Haque, S. Sayapin, R.B. Ravindran, J. Scifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Brill, 2021. Pp. 198-199.

³⁶«The Aral Sea Crisis». URL: <http://www.columbia.edu/~tmt2120/environmental%20impacts.htm> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

ского моря продолжало ухудшаться, Международный фонд спасения Арала в 2018 году высказал предположение, что ухудшение окружающей среды Южного Аральского моря может быть замедлено за счет строительства искусственной дельты реки Сырдарья.³⁷

На данном этапе имеет смысл рассмотреть вопрос о заключении государствами региона Конвенции по Аральскому морю с возможностью присоединения других государств и международных организаций. С учетом научных данных Конвенция могла бы установить ограничения на использование рек Амударья и Сырдарья для орошения и других целей, регулировать сотрудничество в области здравоохранения, экономики и защиты окружающей среды, а также учредить международный механизм для экспертного мониторинга. Хотя это, очевидно, непростой проект, он может привести к ощутимым экономическим, экологическим и гуманитарным успехам в Центральной Азии и за ее пределами.

2.4. Международное право прав человека

Государства Центральной Азии являются участниками основных международных договоров по правам человека.³⁸ В 2008 году в Бишкеке (Кыргызстан) был создан Региональный Офис ООН по правам человека в Центральной Азии, деятельность которого охватывает все страны Центральной Азии.³⁹ Региональный Офис сотрудничает с «правительствами, межправительственными организациями, гражданским обществом, частным сектором, а также с соответствующими партнерами Организации Объединенных Наций в целях разработки и реализации стратегий, программ и мер по поощрению и защите всех прав человека. в странах Центральной Азии».⁴⁰ Он также «работает со странами региона над укреплением потенциала национальных правительств, национальных правозащитных институтов, неправительственных организаций и организаций гражданского общества для более строгого соблюдения стандартов в области прав человека и улучшения защиты от нарушений прав человека, в частности нарушений, связанных с пытками и правом на справедливое судебное разбирательство».⁴¹

В последние годы в некоторых государствах Центральной Азии открылись возможности для улучшения ситуации с правами человека. В частности, Казахстан и Узбекистан начали реформы своих правоохранительных систем. С учетом реформ в Узбекистане *The Economist* заявил в декабре 2019 года, что «ни одна другая страна не продвинулась так далеко» в 2019 году, и назвал Узбекистан «Страной года».⁴² Чтобы усилить эту тенденцию и улучшить качество защиты прав человека в регионе, прежде всего, необходимо укрепить

³⁷ Там же.

³⁸ URL: <https://www.ohchr.org/EN/Countries/EnacaRegion/Pages/EnacaRegionIndex.aspx> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

³⁹ URL: <https://www.ohchr.org/EN/Countries/EnacaRegion/Pages/CentralAsiaSummary.aspx> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² «Which nation improved the most in 2019?» // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/12/21/which-nation-improved-the-most-in-2019> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

независимость судебной власти.⁴³ В сотрудничестве с ООН следует организовать систему повышения квалификации по международному праву прав человека для судей и сотрудников правоохранительных органов на местном и центральном уровнях. Там, где это еще не сделано, следует создать конституционные суды и предоставить гражданам доступ к ним. Также был бы полезен регулярный диалог между государствами и неправительственными правозащитными организациями.

2.5. Международное гуманитарное право

Региональное представительство Международного комитета Красного Креста (МККК) в Центральной Азии было создано в 1992 году и с тех пор оказывает поддержку государствам региона в имплементации международного гуманитарного права (МГП).⁴⁴ В частности, положения о пресечении военных преступлений были включены в Уголовные кодексы всех государств Центральной Азии, были приняты законы об использовании и защите эмблем красного креста, красного полумесяца и красного кристалла, Таджикистан и Туркменистан приняли законы о правовом статусе Национальных обществ Красного Полумесяца. Основы МГП были включены в учебные планы по отдельным предметам среднего образования в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, а несколько ведущих центральноазиатских университетов начали преподавать МГП студентам, изучающим юриспруденцию, международное право и отношения, журналистику и педагогику. В 2000 – 2010 годах проводились Центральноазиатские конкурсы по МГП для студентов, а в январе 2016 г. в Университете КИМЭП при поддержке МККК был организован такой конкурс для студентов из Казахстана. В 2005 – 2007 годах МККК организовал серию национальных курсов по МГП, конкурсов сочинений по МГП и три центральноазиатских курса по МГП с участием всемирно известных лекторов. Программа МККК для академических кругов постепенно сокращалась и практически закрылась во второй половине 2010-х годов.

МККК также активно взаимодействует с Министерствами обороны государств Центральной Азии с целью обучения офицеров различных уровней праву вооруженных конфликтов (ПВК). Было разработано пособие по правовым аспектам операций по поддержанию мира, предназначенное для казахстанских миротворцев.⁴⁵ В начале 2020 года Узбекистан объявил о завершении разминирования на границе с Таджикистаном. Учитывая, что с 2000 года противопехотные мины убили 374 гражданина Таджикистана и еще 485 человек получили ранения,⁴⁶ гуманитарное значение этого разминирования является очевидным.

⁴³См.: Sayapin S. «Critical Analysis, Strict Discipline and Personal Responsibility»: Some Reflections on Strengthening the Independence of Judiciary in Central Asia // Право и государство. 2019. № 3 (84). – С. 18-27; Sayapin S. Réflexions sur le renforcement de l'indépendance de la magistrature en Asie centrale [Reflections on Strengthening the Independence of Judiciary in Central Asia] // Les Cahiers de la justice. 2019. Vol. 14. – Pp. 657-665.

⁴⁴См. обзор обязательств государств Центральной Азии по МГП. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ihl> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

⁴⁵Sayapin S. Legal Aspects of Peace Support Operations / Правовые аспекты операций по поддержанию мира // Ministry of Defence of the Republic of Kazakhstan / ICRC Regional Delegation in Central Asia. 2016. – 325 с.

⁴⁶«Uzbekistan completes mine clearance of its border with Tajikistan» // The Tashkent Times. URL: <https://tashkenttimes.uz/national/4816-uzbekistan-completes-mine-clearance-of-its-border-with-tajikistan> (дата обращения: 19 декабря 2021 г.).

С учетом современных технологических достижений, на данном этапе важно модернизировать законодательство государств Центральной Азии в части военного применения информационных технологий. Поскольку меры по борьбе с некоторыми транснациональными киберпреступлениями уже были приняты,⁴⁷ теперь необходимо имплементировать нормы международного права, касающиеся *jus ad bellum* и *jus in bello*,⁴⁸ чтобы лучше реагировать на новые угрозы безопасности. Также ведущим юридическим вузам следует рассмотреть вопрос о введении курсов по киберправу. В идеале такие курсы должны быть междисциплинарными и совместно преподаваться юристами и экспертами по информационным технологиям.

2.6. Международное и транснациональное уголовное право

В Центральной Азии работа по имплементации международного уголовного права (МУП) ведется с начала 1990-х годов. В настоящее время законодательство государств Центральной Азии предусматривает уголовную ответственность за все «ключевые» преступления по международному праву, за исключением преступлений против человечности,⁴⁹ а также за некоторые транснациональные преступления. Общая часть МУП имплементирована в достаточной степени.⁵⁰ В Центральной Азии нет судебной практики, связанной с преступлениями по международному праву,⁵¹ и судьям, и сотрудникам правоохранительных органов, вероятно, требуется существенная подготовка по МУП. Из всех государств Центральной Азии в Римском статуте Международного уголовного суда (МУС) участвует только Таджикистан.⁵²

Что касается транснациональной организованной преступности, Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), которое действует в Центральной Азии с 1993 года, указывает на следующие приоритетные сферы:

⁴⁷См. главу 7 Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан, главу 42 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, главу 28 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, главу 33 Уголовного кодекса Туркменистана и главу XX-1 Уголовного кодекса Республики Узбекистан.

⁴⁸См.: Schmitt M.N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 598 pp.

⁴⁹Уголовная ответственность за преступления против человечности прямо предусмотрена только в Уголовном кодексе Кыргызской Республики. См.: Sayapin S. Why a Crimes against Humanity Convention from a Perspective of Post-Soviet States? // African Journal of International Criminal Justice. 2020. Vol. 6. – Pp. 125-135.

⁵⁰Sayapin S. The General Principles of International Criminal Law in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan // Asian Journal of International Law. 2019. Vol. 9. – Pp. 1-9.

⁵¹На постсоветском пространстве, начиная с 2014 года, несколько заметных судебных процессов, касающихся вопросов международного публичного права, состоялись в Украине. См.: Sayapin S. The United Nations General Assembly Resolution 68/262 in the Context of General International Law // Evropsky politicky a pravni diskurz. 2015. Vol. 2. – Pp. 19-30; Sayapin S. A Curious Aggression Trial in Ukraine: Some Reflections on the *Alexandrov and Yerofeyev* Case // Journal of International Criminal Justice. 2018. Vol. 16. – Pp. 1093-1104; Sayapin S. The *Yanukovych* Trial in Ukraine: A Revival of the Crime of Aggression? // Israel Yearbook on Human Rights. 2020. Vol. 50. – Pp. 63-79.

⁵²См. список государств-участников Римского статута. URL: https://asp.icc-cpi.int/en_menus/asp/states%20parties/Pages/the%20states%20parties%20to%20the%20rome%20statute.aspx (дата обращения: 20 декабря 2021 г.). Российская Федерация, влиятельный игрок в Центральной Азии, отозвала свою подпись под Римским статутом в 2016 году, см.: Sayapin S. Russia's Withdrawal of Signature from the Rome Statute Would Not Shield its Nationals from Potential Prosecution at the ICC. EJIL: Talk! URL: <http://www.ejiltalk.org/russia-withdrawal-of-signature-from-the-rome-statute-would-not-shield-its-nationals-from-potential-prosecution-at-the-icc/#more-14774> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

1. Укрепление возможностей государств-членов противостоять угрозам транс-национальной организованной преступности;

2. Поддержка государств-членов в реализации сбалансированного, всеобъемлющего и основанного на фактах подхода к мировой проблеме наркотиков, учитывающего как предложение, так и спрос;

3. Усиление предупреждения преступности и построение эффективных систем уголовного правосудия;

4. Борьба с коррупцией и ее катастрофическим воздействием на общество;

5. Противодействие терроризму, в том числе посредством реализации 19 международно-правовых документов о борьбе с терроризмом.⁵³

С учетом этих приоритетов УНП ООН оказывает национальным властям техническую помощь:

Некоторые из текущих мероприятий УНП ООН включают усилия по борьбе с киберпреступностью и отмыванием денег; помощь соответствующим национальным агентствам по контролю над наркотиками в развитии потенциала посредством обучения, инфраструктуры и полицейской деятельности на основе разведывательных данных. Оказывается дальнейшая поддержка для улучшения профилактики употребления наркотиков, лечения и реабилитации, основанных на фактических данных. Оказывается поддержка в проведении экспертиз, укреплении системы уголовного правосудия и предупреждении преступности. Предупреждение насильственного экстремизма и радикализации, а также законодательные реформы, касающиеся предотвращения терроризма, являются неотъемлемой частью работы УНП ООН в регионе. Все эти усилия осуществляются в тесном сотрудничестве с местными органами власти, международными партнерами и донорами.⁵⁴

Поскольку Талибан – возможно, самая серьезная угроза безопасности для Центральной Азии – восстановил власть в Афганистане,⁵⁵ государства региона должны принять срочные меры для усиления своей безопасности, включая имплементацию соответствующих норм МУП. По словам Р. Атаджанова, такие меры должны, в частности, включать «введение отдельных составов (диспозиций) преступлений против человечности, а также более инклюзивных формулировок военных преступлений и пересмотренных определений преступления агрессии в уголовные кодексы [государств] Центральной Азии».⁵⁶ Лучшие международные практики, такие как Кодекс преступлений по международному праву (*Völkerstrafgesetzbuch*, ФРГ), могут быть полезны при реализации таких законодательных реформ.

2.7. Международный инвестиционный арбитраж

В Центральной Азии произошли заметные изменения в сфере международного инвестиционного арбитража. Все государства региона, за исключением Туркменистана, являются участниками Нью-Йоркской конвенции 1958 года о

⁵³УНП ООН. About UNODC in Central Asia. URL: <https://www.unodc.org/centralasia/en/unodc-in-central-asia.html> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁵⁴Там же.

⁵⁵«Afghanistan conflict: Kabul falls to Taliban as president flees» // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58223231> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁵⁶Atadjanov R. Challenges for the implementation of international law in Central Asia: contributing factors and possible solutions // *Central Asia Business Journal*. 2021. Vol 12. P. 31.

признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.⁵⁷ Конвенцию ICSID 1966 года ратифицировали Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Кыргызстан подписал Конвенцию ICSID в 1995 году, а Таджикистан пока воздерживается от ее подписания.⁵⁸ Законодательство о международном арбитраже действует во всех государствах Центральной Азии.⁵⁹ 7 декабря 2015 года в Казахстане был принят Конституционный закон «О Международном финансовом центре «Астана» (МФЦА), в соответствии со статьей 9 которого одним из органов МФЦА является Международный арбитражный центр (МАЦ). Согласно вебсайту МФЦА, «МФЦА и МАЦ начали свою деятельность 1 января 2018 года и разрешили 536 дел с 15 решениями, 39 арбитражными решениями и 482 урегулированиями посредством посредничества. В первой половине 2021 года суд МФЦА и МАЦ разрешили 201 дело, и дальнейшие дела продолжают рассматриваться. Количество арбитражных дел значительно увеличилось, а количество дел, связанных с посредничеством, продолжает неуклонно расти, что снижает потребность в дальнейшей передаче дела в арбитраж или судебный процесс». ⁶⁰ Некоторые казахстанские юристы подвергли критике предполагаемую несовместимость правовой базы МФЦА с Конституцией Казахстана.⁶¹ Исчерпывающий научный комментарий к Конституционному закону о МФЦА, вероятно, помог бы преодолеть такую критику.

5 ноября 2018 года Президент Узбекистана подписал Указ о создании Ташкентского международного арбитражного центра (ТИАС). Согласно вебсайту ТИАС, «Арбитражный суд ТИАС является полностью автономным органом в рамках ТИАС («Центр») и единственным органом в структуре Центра, который занимается урегулированием споров в соответствии с Арбитражным регламентом ТИАС в полной независимости от Центра, его учредителей, Директора или любых других лиц [...]». ⁶² Вероятно, со временем ТИАС может стать серьезной альтернативой МФЦА, в зависимости от развития бизнес-климата в обеих странах.

Государства Центральной Азии были вовлечены в несколько международных инвестиционных арбитражных разбирательств. Так, Казахстан выступил ответчиком не менее чем в 19 арбитражных разбирательствах по ISDS.⁶³

⁵⁷URL: <https://www.newyorkconvention.org/countries> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁵⁸См. базу данных государств, участвующих в ICSID. URL: <https://icsid.worldbank.org/about/member-states/database-of-member-states> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁵⁹Закон «Об арбитражных судах в Кыргызской Республике» был принят 30 июля 2002 года. Закон Туркменистана «О международном коммерческом арбитраже» был принят 16 августа 2014 года. Таджикистан принял Закон «О международном коммерческом арбитраже» 18 марта 2015 года. Действующий Закон Казахстана «Об арбитраже» был принят 8 апреля 2016 года. Закон Узбекистана «О международном коммерческом арбитраже» был принят в 2020 году и подписан Президентом 16 февраля 2021 года.

⁶⁰International Arbitration Centre. URL: <https://iac.aifc.kz/news/> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶¹См.: Шайкенов А., Шайкенов В. Конституционен ли МФЦА и помогут ли поправки в Конституцию? URL: https://forbes.kz/process/expertise/konstitutsionen_li_mftsa_i_pomogut_li_popravki_v_konstitutsiyu/ (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶²См.: Tashkent International Arbitration Centre. URL: <https://www.tiac.uz/about-tiac-court-of-arbitration> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶³См.: Investment Dispute Settlement Navigator – Kazakhstan. URL: <https://investmentpolicy.unctad>.

Кыргызстан был ответчиком не менее чем в 17 таких судебных процессах,⁶⁴ Туркменистан – в 14,⁶⁵ Таджикистан – в двух,⁶⁶ и Узбекистан – в восьми.⁶⁷ Учитывая значительный инвестиционный потенциал Центральной Азии, можно предположить, что государства региона будут участвовать в дальнейших международных инвестиционных арбитражах в будущем и, следовательно, должны обучать квалифицированных местных юристов методам альтернативного разрешения споров (ADR). Для этого ведущим юридическим вузам следует ввести курсы ADR для студентов и магистрантов в сотрудничестве с ведущими юридическими фирмами и арбитражными учреждениями.

Обсуждение. Заключение

Прежде всего, государствам Центральной Азии следует систематически проанализировать их соответствующие потребности и приоритеты в сфере имплементации международного права и утвердить программные документы, регулирующие его имплементацию, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Эти программные документы должны быть одобрены на высшем политическом уровне и опубликованы. Они должны предусматривать постоянный политический диалог по вопросам обеспечения мира и безопасности в Центральной Азии, предлагать действенные решения, основанные на международном праве, и служить цели более тесной региональной интеграции, которая в конечном итоге может привести к созданию Центральноазиатского Союза.

Далее, необходим регулярный экспертный диалог между сообществом ученых-международников и государствами Центральной Азии. Министерствам иностранных дел следует более систематически привлекать ученых-международников к разработке и предоставлению экспертных заключений по проектам международных договоров, иных международно-правовых актов и соответствующих актов внутреннего права. Таким образом, министерства получают пользу от академического опыта, а ученые смогут обогатить свою педагогическую деятельность эмпирическими данными. Государства Центральной Азии также могли бы номинировать компетентных ученых из числа их граждан для избрания в Комиссию международного права.

Следует снова отметить важность повышения квалификации по международному праву для экспертов, работающих в юридических департаментах министерств, парламентов и национальных правозащитных учреждений. Это даст им возможность изучить применимые международные стандарты и поможет внедрить такие стандарты в соответствующие национальные правовые акты и практику. Судьи и сотрудники правоохранительных органов также должны проходить повышение квалификации по международному праву, поскольку это поможет повысить каче-

org/investment-dispute-settlement/country/107/kazakhstan (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶⁴См.: Investment Dispute Settlement Navigator – Кыргызстан. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/country/113/kyrgyzstan> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶⁵См.: Investment Dispute Settlement Navigator – Туркменистан. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/country/215/turkmenistan> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶⁶См.: Investment Dispute Settlement Navigator – Таджикистан. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/country-navigator/213/tajikistan> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

⁶⁷См.: Investment Dispute Settlement Navigator – Узбекистан. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/country/226/uzbekistan> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).

ство правоохранительной деятельности и, в конечном итоге, сократить количество жалоб, подаваемых на соответствующие государства в международные органы по правам человека.

Преподавание международного права в вузах стран Центральной Азии следует связывать с актуальными проблемами в регионе. Таким образом, преподавание международного права будет контекстуализироваться и культивировать чувство социальной ответственности у студентов. Следует выпускать больше местных учебников по международному праву (на государственных языках стран Центральной Азии, английском и русском). Такие учебники будут поднимать и обсуждать региональные проблемы, предлагать подходящие решения и помогать развивать терминологию международного права на языках Центральной Азии. В дополнение к соответствующим государственным языкам молодые юристы-международники также должны владеть английским, русским и другими европейскими и азиатскими языками. Такие языковые навыки будут полезны для участия в учебных конкурсах по международному праву и в будущей работе молодых юристов-международников. Университеты могут приглашать представителей международных организаций на гостевые лекции по международному праву. Это побудит студентов изучать иностранные языки, поможет им понять, как международное право применяется в практических политических контекстах, и более осознанно подойти к выбору их будущего профессионального пути. Стажировки в офисах международных организаций также будут полезны студентам.

Центральноазиатским юристам-международникам будет полезно поддерживать академический диалог с коллегами в различных частях мира и участвовать в международных научных ассоциациях. Следует создать национальные ассоциации международного права и укреплять их там, где они существуют. Наконец, центральноазиатским ученым следует более регулярно публиковать научные исследования в авторитетных зарубежных журналах по международному праву и участвовать в международных исследовательских проектах, чтобы сделать свои доктрины более известными за рубежом и, таким образом, постепенно интегрировать центральноазиатские школы международного права в международное научное сообщество.

С.В. Саяпин, құқық докторы, КИМЭП Университеті Құқық мектебінің қауымдастырылған профессоры және қауымдастырылған деканы (Алматы қ., Қазақстан): Орталық Азиядағы халықаралық құқық: теория және практика.

1991 жылы тәуелсіздігін алған кезден бастап, Орталық Азия мемлекеттері үлкен ықпал ете алатын аймақтық және халықаралық ойыншыларға айналып отыр. Олар Біріккен ұлттар ұйымына және Тәуелсіз мемлекеттер достастығы (ТМД), Ұжымдық қауіпсіздік шарты ұйымы (ҰҚШҰ), Шанхай ынтымақтастық ұйымы (ШЫҰ), Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) сияқты бірнеше аймақтық ұйымдарға енді. Халықаралық құқық мемлекеттік құрылыстың және аймақтық интеграцияның осы процестерінде маңызды рөл атқарады, бірақ оны саясат құралы және академиялық пән ретінде мойындау әлі де дәйекті емес. Атап айтқанда, халықаралық құқық практикасы мен оның академиялық зерттеулері арасында жүйелі байланыстар орнату проблема болып қалып отыр. Мақала **мақсаты** – Орталық Азиядағы халықаралық құқықтың таңдамалы доктриналары мен тиісті салалық практикасына шолу жасау. Мақаланың **ғылыми жаңалығы** аймақта халықаралық құқықты одан әрі имплементациялау мен қолдану жөніндегі ұсынымдарды тұжырымдау болып отыр. **Қысқаша тұжырымдары:** 1) Орталық

Азия мемлекеттері өздерінің халықаралық құқықты имплементациялау саласындағы тиісті қажеттіліктері мен басымдықтарын жүйелі түрде талдап, болмағанда жақын болашақтағы халықаралық құқық имплементациясын реттейтін бағдарламалық құжаттарды бекітуі керек; 2) халықаралық құқық ғалымдары қауымдастығы мен Орталық Азия мемлекеттері арасында тұрақты сараптамалық диалог қажет; 3) халықаралық құқықты оқытуды аймақтық өзекті проблемалармен байланыстырған жөн; 4) Орталықазиялық халықаралық құқық мектептерін халықаралық ғылыми қауымдастыққа біртіндеп енгізген жөн.

Тірек сөздер: Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО), халықаралық ұйымдар, халықаралық құқық, Ұжымдық қауіпсіздік шарты ұйымы (ҰҚШҰ), Біріккен ұлттар ұйымы, Тәуелсіз мемлекеттер достастығы (ТМД), Орталық Азия, Шанхай ынтымақтастық ұйымы (ШЫҰ).

Sergey Sayapin, Dr. iur., PhD, Associate Professor and Associate Dean at KIMEP University's School of Law (Almaty, Kazakhstan): International Law in Central Asia: Theory and Practice.

Since their independence in 1991, the States of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan) have been gaining in significance as regional and international actors. They have joined the United Nations and a few regional organizations, such as the Commonwealth of Independent States (CIS), the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), and the Eurasian Economic Union (EAEU). International law has been playing an important role in these state-building and integration processes, yet its acceptance as a policy tool and academic discipline has not always been consistent. The *purpose* of the article consists in providing an overview of selected doctrines and relevant practice of international law in Central Asia. The *scholarly novelty* of the article lies in the formulation of recommendations for the further implementation and application of international law in the region. **Brief conclusions:** 1) the States of Central Asia should systematically analyze their respective needs and priorities in the field of implementation of international law and enact policy documents governing its implementation, at least, in the medium term; 2) a regular expert dialogue is needed between the community of international law scholars and the States of Central Asia; 3) the teaching of international law should be placed in the context of current issues in the region; 4) Central Asian schools of international law should be gradually integrated into the international scholarly community.

Keywords: Central Asia; Collective Security Treaty Organization (CSTO); Commonwealth of Independent States (CIS); Eurasian Economic Union (EAEU); international law; international organizations; Shanghai Cooperation Organization (SCO); United Nations.

Список литературы:

1. Адилкариев Х.Т. Международное право. Ташкент, 2003.
2. Айдарбаев С.Ж. Международное публичное право. Алматы: Жеті жарғы, 2019. – 229 с.
3. Ерджанов Т.К. Международное публичное право. Алматы, 2006.
4. Лукашук И.И., Саидов А.Х. Хозирги замон халқаро ҳуқуқи назарияси асослари [Основы теории современного международного права]. Т.: Адолат, 2006. – 424 б.

5. Мансуров У.А. Международная правосубъектность Республики Таджикистан, Часть 1: Право на членство в международных организациях. Душанбе: РТСУ, 2019. – 157 с.
6. Раджабов С.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики. Душанбе, 2006.
7. Рахмонов А.С., Кравченко О.В., Насков Д.С., Рахмонзода Д.А. Правовые основы обеспечения национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму Российской Федерации. Душанбе, 2018.
8. Рахмонов А.С., Кравченко О.В., Насков Д.С., Рахмонзода Д.А., Холиков Е.А. Основы противодействия терроризму и экстремизму по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. – 280 с.
9. Сандибаев Н., Хакимов Р. Халқаро жиноят суди. Ташкент, 2013.
10. Сарсембаев М.А., Сарсембаев К.М. Международное право. Алматы: Жеті Жарғы, 2009. – 408 с.
11. Сарсембаев М. Международное право в истории Казахстана и Средней Азии. Астана : Фолиант, 2011. – 200 с.
12. Умарханова Д.Ш., Саяпин С.В. Международное уголовное право. Ташкент, 2021. – 210 с.
13. Хакимов Р. Детство: проблемы и перспективы / Узбекская ассоциация международного права. Т.: Узбекистан, 2006. – 109 с.
14. Хакимов Р. Международное право (Библиография 1895 – 2012 гг.). Ташкент: «Yangi asr avlodi», 2013.
15. Хакимов Р. Международное гуманитарное право. Ташкент, 2007. – 213 с.
16. Хакимов Р. Проблемы правопреемства государств в международном праве. Ташкент: Фан, 2008. – 240 с.
17. Хакимов Р.Т. Международная правосубъектность: вопросы теории и практики. Ташкент, 2012.
18. Шайкенов А., Шайкенов В. Конституционен ли МФЦА и помогут ли поправки в Конституцию? URL: https://forbes.kz//process/expertise/konstitutsionen_li_mftsa_i_pomogut_li_popravki_v_konstitutsiyu/.
19. Atadjanov R. Challenges for the implementation of international law in Central Asia: contributing factors and possible solutions // Central Asia Business Journal. 2021. Vol. 12. – P. 25-34.
20. Atadjanov R. Humanness as a Protected Legal Interest of Crimes against Humanity: Conceptual and Normative Aspects. The Hague: T. M. C. Asser Press / Springer, 2019. – 324 pp.
21. Atadjanov R. Non-International Armed Conflict in Tajikistan // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 207-208.
22. Daulenov M. Eurasian Economic Union (EEU) // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 185-187.
23. Daulenov M. Przepływ osob, usług, towarów i kapitału w umowach międzynarodowych Unii Europejskiej. Torun: Adam Marszałek, 2016. – 356 s.
24. Kembayev Zh. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Heidelberg: Springer, 2009. – 217 pp.

25. Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2015. – 225 pp.
26. Rasulov A., Haskell J. (eds.). *International Economic Law: New Voices, New Perspectives*. Series: *European Yearbook of International Economic Law*. Heidelberg: Springer, 2020. – 214 pp.
27. Saidov D. *Conformity of Goods and Documents: The Vienna Sales Convention*. Oxford: Hart Publishing, 2015. – 318 pp.
28. Saidov D. *The Law of Damages in International Sales: The CISG and other International Instruments*. Oxford: Hart Publishing, 2008. – 294 pp.
29. Saidov D. *The Law of Damages in International Sales: The CISG and other International Instruments*. 2nd edition. Oxford: Hart Publishing, 2021. – 344 pp.
30. Sayapin S. A Curious Aggression Trial in Ukraine: Some Reflections on the Alexandrov and Yerofeyev Case // *Journal of International Criminal Justice*. 2018. Vol. 16. – Pp. 1093-1104.
31. Sayapin S. Collective Security Treaty Organisation (CSTO) // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*. Volume III: Central & South Asia. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 184-185.
32. Sayapin S. “Critical Analysis, Strict Discipline and Personal Responsibility”: Some Reflections on Strengthening the Independence of Judiciary in Central Asia // *Право и государство*. 2019. № 3 (84). – С. 18-27.
33. Sayapin S. *Legal Aspects of Peace Support Operations / Правовые аспекты операций по поддержанию мира* // Ministry of Defence of the Republic of Kazakhstan / ICRC Regional Delegation in Central Asia. 2016. – 325 с.
34. Sayapin S. Réflexions sur le renforcement de l’indépendance de la magistrature en Asie centrale [Reflections on Strengthening the Independence of Judiciary in Central Asia] // *Les Cahiers de la justice*. 2019. Vol. 14. – Pp. 657-665.
35. Sayapin S. Russia’s Withdrawal of Signature from the Rome Statute Would Not Shield its Nationals from Potential Prosecution at the ICC. *EJIL: Talk!* URL: <http://www.ejiltalk.org/russias-withdrawal-of-signature-from-the-rome-statute-would-not-shield-its-nationals-from-potential-prosecution-at-the-icc/#more-14774>.
36. Sayapin S. Shanghai Cooperation Organisation (SCO) // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*. Volume III: Central & South Asia. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 188-189.
37. Sayapin S. State Report Overview // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*. Volume III: Central & South Asia. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 169-173.
38. Sayapin S. The Aral Sea // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*. Volume III: Central & South Asia. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 198-199.
39. Sayapin S. *The Crime of Aggression in International Criminal Law: Historical Development, Comparative Analysis and Present State*. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2014. – 334 pp.
40. Sayapin S. *The General Principles of International Criminal Law in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan* // *Asian Journal of International Law*. 2019. Vol. 9. – Pp. 1-9.

41. Sayapin S. The United Nations General Assembly Resolution 68/262 in the Context of General International Law // *Evropsky politicky a pravni diskurz*. 2015. Vol. 2. – Pp. 19-30.

42. Sayapin S. The Yanukovych Trial in Ukraine: A Revival of the Crime of Aggression? // *Israel Yearbook on Human Rights*. 2020. Vol. 50. – Pp. 63-79.

43. Sayapin S. Why a Crimes against Humanity Convention from a Perspective of Post-Soviet States? // *African Journal of International Criminal Justice*. 2020. Vol. 6. – Pp. 125-135.

44. Sayapin S., Tsybulenko E. (eds.). *The Use of Force against Ukraine and International Law: Jus Ad Bellum, Jus in Bello, Jus Post Bellum*. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2018. – 454 pp.

45. Schmitt M.N. (ed.). *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 598 pp.

46. Shadikhodjaev Sh. *Industrial Policy and the World Trade Organization: Between Legal Constraints and Flexibilities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 347 pp.

47. Shadikhodjaev Sh. *Retaliation in the WTO Dispute Settlement System*. Kluwer Law International, 2009. – 312 pp.

References (transliterated):

1. Adilkariyev H.T. *Mezhdunarodnoye pravo [International Law]*. Tashkent, 2003.

2. Aydarbayev S.Zh. *Mezhdunarodnoye publichnoye pravo [Public International Law]*. Almaty: Zheti zhargy, 2019. – 229 s.

3. Yerdzhanov T.K. *Mezhdunarodnoye publichnoye pravo [Public International Law]*. Almaty, 2006.

4. Lukashuk I.I., Saidov A.H. *Hozirgi zamon xalqaro huquqi nazariyasi asoslari [Fundamentals of the Modern Theory of International Law]*. T.: Adolat, 2006. – 424 b.

5. Mansurov U.A. *Mezhdunarodnaya pravosub'yektnost' Respubliki Tadjikistan, Chast' 1: Pravo na chlenstvo v mezhdunarodnyh organizatsiyah [International Legal Personality of the Republic of Tajikistan, Part 1: The Right to Membership in International Organisations]*. Dushanbe: RTSU, 2019. – 157 s.

6. Radzhabov S.A. *Implementatsiya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v Respublike Tadjikistan: problemy teorii i praktiki [Implementation of the Rules of International Humanitarian Law in the Republic of Tajikistan: Issues of the Theory and Practice]*. Dushanbe, 2006.

7. Rahmonov A.S., Kravchenko O.V., Naskov D.S., Rahmonzoda D.A. *Pravovyye osnovy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti, protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu Rossiyskoy Federatsii [Legal Foundations of Ensuring National Security, Countering the Extremism and Terrorism of the Russian Federation]*. Dushanbe, 2018.

8. Rahmonov A.S., Kravchenko O.V., Naskov D.S., Rahmonzoda D.A., Holikov Ye.A. *Osnovy protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadjikistan [Foundations of Countering Terrorism under the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan]*. Dushanbe, 2017. – 280 s.

9. Sandibayev N., Khakimov R. *Xalqaro jinoyat sudi [International Criminal Court]*. Tashkent, 2013.

10. Sarsembayev M.A., Sarsembayev K.M. *Mezhdunarodnoye pravo [International Law]*. Almaty: Zheti Zhargy, 2009. – 408 s.

11. Sarsembayev M. *Mezhdunarodnoye pravo v istorii Kazahstana i Sredney Azii* [International Law in the History of Kazakhstan and Central Asia]. Astana: Foliant, 2011. – 200 s.
12. Umarhanova D.Sh., Sayapin S.V. *Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo* [International Criminal Law]. Tashkent, 2021. – 210 s.
13. Hakimov R. *Detstvo: problemy i perspektivy* [Childhood: Issues and Perspectives] / *Uzbekskaya assotsiatsiya mezhdunarodnogo prava*. T.: Uzbekistan, 2006. – 109 s.
14. Hakimov R. *Mezhdunarodnoye pravo (Bibliografiya 1895–2012 gg.)* [International Law (A Bibliography 1895 – 2012)]. Tashkent: «Yangi asr avlodi», 2013.
15. Hakimov R. *Mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo* [International Humanitarian Law]. Tashkent, 2007. – 213 s.
16. Hakimov R. *Problemy pravopreyemstva gosudarstv v mezhdunarodnom prave* [Issues of State Succession in International Law]. Tashkent: Fan, 2008. – 240 s.
17. Hakimov R.T. *Mezhdunarodnaya pravosub'yektnost': voprosy teorii i praktiki* [International Legal Personality: Issues of Theory and Practice]. Tashkent, 2012.
18. Shaykenov A., Shaykenov V. *Konstitutsionen li MFTSA i pomogut li popravki v Konstitutsiyu?* [Is the AIFC Constitutional, and Will Amendments to the Constitution Help?]. URL: https://forbes.kz//process/expertise/konstitutsionen_li_mftsa_i_pomogut_li_popravki_v_konstitutsiyu/.
19. Atadjanov R. *Challenges for the implementation of international law in Central Asia: contributing factors and possible solutions* // *Central Asia Business Journal*. 2021. Vol. 12. – P. 25-34.
20. Atadjanov R. *Humanness as a Protected Legal Interest of Crimes against Humanity: Conceptual and Normative Aspects*. The Hague: T. M. C. Asser Press / Springer, 2019. – 324 pp.
21. Atadjanov R. *Non-International Armed Conflict in Tajikistan* // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia*. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 207-208.
22. Daulenov M. *Eurasian Economic Union (EEU)* // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia*. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 185-187.
23. Daulenov M. *Przeptyw osob, uslug, towarow i kapitalu w umowach miedzynarodowych Unii Europejskiej*. Torun: Adam Marszalek, 2016. – 356 s.
24. Kembayev Zh. *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Heidelberg: Springer, 2009. – 217 pp.
25. Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2015. – 225 pp.
26. Rasulov A., Haskell J. (eds.). *International Economic Law: New Voices, New Perspectives*. Series: *European Yearbook of International Economic Law*. Heidelberg: Springer, 2020. – 214 pp.
27. Saidov D. *Conformity of Goods and Documents: The Vienna Sales Convention*. Oxford: Hart Publishing, 2015. – 318 pp.
28. Saidov D. *The Law of Damages in International Sales: The CISG and other International Instruments*. Oxford: Hart Publishing, 2008. – 294 pp.
29. Saidov D. *The Law of Damages in International Sales: The CISG and other International Instruments*. 2nd edition. Oxford: Hart Publishing, 2021. – 344 pp.

30. Sayapin S. A Curious Aggression Trial in Ukraine: Some Reflections on the Alexandrov and Yerofeyev Case // *Journal of International Criminal Justice*. 2018. Vol. 16. – Pp. 1093-1104.

31. Sayapin S. Collective Security Treaty Organisation (CSTO) // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia*. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 184-185.

32. Sayapin S. “Critical Analysis, Strict Discipline and Personal Responsibility”: Some Reflections on Strengthening the Independence of Judiciary in Central Asia // *Pravo i gosudarstvo*. 2019. № 3 (84). – С. 18-27.

33. Sayapin S. Legal Aspects of Peace Support Operations / *Pravovye aspekty operatsiy po podderzhaniyu mira* // Ministry of Defence of the Republic of Kazakhstan / ICRC Regional Delegation in Central Asia. 2016. – 325 c

34. Sayapin S. Réflexions sur le renforcement de l'indépendance de la magistrature en Asie centrale [Reflections on Strengthening the Independence of Judiciary in Central Asia] // *Les Cahiers de la justice*. 2019. Vol. 14. – Pp. 657-665.

35. Sayapin S. Russia's Withdrawal of Signature from the Rome Statute Would Not Shield its Nationals from Potential Prosecution at the ICC. *EJIL: Talk!* URL: <http://www.ejiltalk.org/russias-withdrawal-of-signature-from-the-rome-statute-would-not-shield-its-nationals-from-potential-prosecution-at-the-icc/#more-14774>.

36. Sayapin S. Shanghai Cooperation Organisation (SCO) // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia*. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 188-189.

37. Sayapin S. State Report Overview // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia*. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 169-173.

38. Sayapin S. The Aral Sea // S. Lee, H. E. Lee, M. E. Haque, S. Sayapin, R. B. Ravindran, J. Seifi, W. Seneviratne (eds.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia. Volume III: Central & South Asia*. Leiden: Brill, 2021. – 725 pp. – Pp. 198-199.

39. Sayapin S. *The Crime of Aggression in International Criminal Law: Historical Development, Comparative Analysis and Present State*. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2014. – 334 pp.

40. Sayapin S. The General Principles of International Criminal Law in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan // *Asian Journal of International Law*. 2019. Vol. 9. – Pp. 1-9.

41. Sayapin S. The United Nations General Assembly Resolution 68/262 in the Context of General International Law // *Evropsky politicky a pravni diskurz*. 2015. Vol. 2. – Pp. 19-30.

42. Sayapin S. The Yanukovych Trial in Ukraine: A Revival of the Crime of Aggression? // *Israel Yearbook on Human Rights*. 2020. Vol. 50. – Pp. 63-79.

43. Sayapin S. Why a Crimes against Humanity Convention from a Perspective of Post-Soviet States? // *African Journal of International Criminal Justice*. 2020. Vol. 6. – Pp. 125-135.

44. Sayapin S., Tsybulenko E. (eds.). *The Use of Force against Ukraine and International Law: Jus Ad Bellum, Jus in Bello, Jus Post Bellum*. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2018. – 454 pp.

45. Schmitt M.N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 598 pp.

46. Shadikhodjaev Sh. Industrial Policy and the World Trade Organization: Between Legal Constraints and Flexibilities. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 347 pp.

47. Shadikhodjaev Sh. Retaliation in the WTO Dispute Settlement System. Kluwer Law International, 2009. – 312 pp.

Для цитирования и библиографии: Саяпин С.В. Международное право в Центральной Азии: теория и практика // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 31-54. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_31

Материал поступил в редакцию 11.01.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

Мелкевик Б.

Хабермас и Ролз: рассуждения о демократии / пер. с франц. Е.Г. Самохиной; науч. Ред. И.Л. Честнов. М.: РГ-Пресс, 2020. – 136 с.

ISBN 978-5-9988-1182-1

Настоящий сборник объединяет работы известного канадского правоведа Б. Мелкевика, посвященные проблеме демократии в творчестве Дж. Ролза и Ю. Хабермаса. Автор анализирует критику, высказанную Ю. Хабермасом в отношении концепции политического либерализма его американского коллеги Дж. Ролза. Остановившись на нескольких ключевых темах, Мелкевик рассматривает критику модели политической и индивидуальной автономии Ролза, особенно

сти его морального дискурса о демократии в сравнении с коммуникативной моделью демократии Хабермаса.

Исследование подчеркивает некоторые недостатки теории Ролза в отношении к юридической современности и предлагает альтернативное решение, в большей степени ориентированное на intersubjective отношения, коммуникацию и демократию.

This collection of essays by the outstanding Canadian scholar B. Melkevik focuses on the question of democracy in the works of J. Rawls and J. Habermas. The author analyses the criticism expressed by J. Habermas regarding the concept of political liberalism of his American colleague J. Rawls and on the defense of Rawls as to this concept. The author considers criticism of Rawl's model of political and individual autonomy, the peculiarities of his moral discourse on democracy in comparison with the communicative model of Haberman's democracy.

This study highlights some of the drawbacks of Rawl's theory in relation to legal modernity and proposes an alternative solution that is more attentive to individual sovereignty, intersubjective relations, communication and democratization as process.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИЙ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА В США В XIX-XX ВВ.

Э.Ю. ВИКТОРОВА,

к.ю.н., магистр международного частного права (МГИМО (У) МИД РФ), главный специалист по юридическим вопросам ПАО «Уралкалий» (г. Москва, РФ),
email: viktorova.eleonora@gmail.com

Толкование норм исторически является одним из важнейших институтов любой правовой системы: реализация замысла нормы права возможна только путем его предварительного уяснения и разъяснения, и нередко текст нормы не будет совпадать с выбранным правоприменителем толкованием, что особенно характерно для стран англо-саксонской правовой семьи. *Объектом* данного исследования являются теоретические основы и закономерности развития института толкования норм права в США в XIX-XX вв. *Актуальность темы* обусловлена пристальным вниманием мирового сообщества к методам и практике толкования норм права со стороны США, включая нормы международного права, а также нормы санкционного законодательства, в связи с чем становится необходимым уяснить истоки возникновения современных теорий толкования норм права в США; *предмет исследования*, таким образом, заключается в раскрытии исторических предпосылок толкования норм права в США в период XIX-XX вв., с целью выработки систематизированной классификации подходов к толкованию норм права в США; среди *методов* научного исследования были использованы историко-правовой метод, анализ, синтез, индукция и другие. *Новизна* исследования выражена в наличии всего нескольких работ на русском языке, касающихся проблематики теорий толкования норм права в США, в частности, диссертации, защищенной в 2019 году Викторовой Э.Ю. «Толкование норм права в Англии и США», которая по-прежнему является основной из исследовательских работ по данной проблематике. *Краткие выводы:* «борьба» общего права со статутным правом в XIX веке привела в США к формированию основных теорий толкования норм права – на базе текста закона и через поиск законодательного намерения, однако правовой прагматизм (реализм) занял главенствующую роль в дальнейшей истории развития института толкования норм права США, позволив теориям обрасти вспомогательными внутренними и внешними к тексту закона средствами и способами толкования – от текстуальных (лингвистических) до метода целеполагания. Тем не менее, толкование посредством поиска законодательного намерения по-прежнему используется политическими элитами США для достижения «необходимого» результата толкования. Широкое усмотрение, которым обладают судьи США при рассмотрении конкретных дел, мо-

жет находить вполне обоснованные теоретические основы в исторической ретроспективе развития института толкования норм права, что не способствует правовой определенности и уверенности граждан США в том, какую именно теорию толкования выберет суд в конкретном деле.

Ключевые слова: толкование норм права, США, общее право, статутное право, цель закона, Джеймс Кент, Фрэнсис Либер, Теодор Сэдсвик, Роско Паунд, Оливер Уэнделл Холмс-младший.

Введение

В США в XIX столетии наблюдались две противоречивые тенденции в толковании норм закона: с одной стороны, существенно возросло доверие к закону, но с другой стороны, юридическое сообщество еще не было готово принять законодательство как основополагающий источник права.¹ Тем не менее XIX в. был ознаменован появлением большого объема юридической литературы по вопросам статутного толкования, что косвенно, но все же способствовало «признанию» значимости толкуемого судами законодательства.

После гражданской войны 1861–1865 гг. федеральное законодательство приобрело особую значимость, что выразилось прежде всего в принятии большого количества законов о правах человека в виде поправок к Конституции США, а также в форме отдельно принимаемых законодательных актов (антитрестовский закон Шермана 1890 г., закон о налоге на прибыль корпораций 1894 г. и др.). Однако самым ярким свидетельством роста значимости федерального законодательства можно назвать первую кодификацию права США, проведенную в 1874 г.², и прекращение ранее действовавшей практики неформального учета документов законодательных дебатов Конгресса США посредством обращения к частным издателям под прямым контролем Правительственной типографии США в 1873 г.³ Однако доминирующей точкой зрения юридического сообщества того времени оставалась уверенность в том, что растущий объем принимаемых законов лишь «залатал» собой по-прежнему преобладающее общее право, поскольку «большинство законов в целом... не изменяли или не отменяли принципов общего права».⁴ Джозеф Стори, знаменитый американский адвокат и юрист, работавший в Верховном суде США с 1811 по 1845 г., утверждал: «Человек может прожить целый век, чувствуя на себе действие законов лишь в отношении своих прав или обязанностей; но общее право окружает его везде, как атмосфера, которой он дышит».⁵ С течением времени возросло и количество публикаций, посвященных вопросам толкования норм права: если в 1803 г. издание «Комментариев к законам Англии» Блэкстона Джорджем Такером⁶ содержало лишь небольшой отрывок, посвящен-

¹См.: Popkin W. D. Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation. Durham: London: Duke University Press, 1999. P. 59.

² Act of June 20, 1874, 43d Cong., 1st Sess., chap. 333, 18 Stat. 113.

³См.: McPherson E. G. The history of reporting the debates and proceedings of Congress: ph. d. diss. 1940. P. 210.

⁴См.: Hilliard F. The elements of law. Reprint. ed. New York: Arno Press, 1972. P. 5.

⁵См.: Story J. Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7. P. 576, 586.

⁶См.: Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Vol. 1. Rev. ed. / by S. G. Tucker. New York: Augustus Kelly, 1969. P. 151-154, 369-370.

ный вопросам толкования норм Конституции, не распространяясь на тему статутного толкования в целом, то уже к середине XIX в. появились многочисленные работы (E. Fitch Smith. *Commentaries*, 1848; Theodore Sedgwick. *A Treatise on the Rules Which Govern the Interpretation and Construction of Statutory and Constitutional Law*, 1857), намеренно подчеркивающие, что невнимание к столь важному вопросу, как статутное толкование, недопустимо.

Основные положения

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что обозначены научные положения, вносящие значительный вклад в расширение знаний о содержании и специфике института толкования норм как статутного, так и общего права в США; раскрыты имманентные для прецедентной системы связи между теориями толкования норм права США без возможности однозначного прогнозирования выбора субъектом интерпретации какой-либо из теорий для решения конкретных дел в силу неопределенности правового алгоритма толкования норм права в выбранной юрисдикции.

Материалы и методы

Применительно к проблематике исследования результативно использованы научные методы, в том числе историко-правовой метод, структурно-функциональный метод, а также методика работы с иностранными судебными решениями. Изучены нормативные правовые акты и прецеденты США, а также судебные решения американских судов. При проведении исследования проанализированы судебные решения Верховного суда США (53 дела), судов на уровне отдельных штатов в США (25 дел), канонические правила толкования, применяемые судами штатов и федеральными судами США на основе принципов, сформулированных в практике Верховного суда США.

Результаты исследования

1. Взгляды Джеймса Кента

Рассмотрим краткую историю эволюции взглядов на статутное толкование в XIX в. Американский юрист и теоретик права Джеймс Кент в 1826 г. придерживался строгой линии общего права, которое он считал «кормильцем», по сравнению с законом – «тираном». А значит, толкование, даваемое судами по общему праву, а не по закону, по его мнению, было единственно достоверным.⁷ Более того, законы, направленные на «всеобщее благо», он считал возможным толковать настолько расширительно, насколько это было необходимо для достижения цели общественной пользы, поставленной законом, «однако все же с минимально возможным ущербом для частного интереса».⁸ Среди причин для активной роли судейского толкования Кент называет «несовершенство человеческого языка», «отсутствие четких технических навыков составления актов у законодателя» и

⁷Цит. по: Raack D. To preserve the best fruits: the legal thought of Chancellor James Kent // *American Journal of Legal History*. 1989. Vol. 33. P. 320, 354.

⁸См.: Horwitz M. *The Transformation of American law, 1780-1860*. Cambridge: Harvard University Press, 1977.

«исключительную разумность общего права».⁹ В результате Кент настаивал на том, что законы должны «толковаться в соответствии с принципами общего права, поскольку законодательство не может внести нечто новое в общее право, за редким исключением, когда того требуют особые обстоятельства».¹⁰

Следует отметить, что Кент указывал на следующую особенность статутного права: «Самым существенным недостатком закона и всех типов кодификации, при углублении вопроса в детали, является неспособность законодательных правил подстраиваться под обстоятельства конкретного дела (негибкость закона)».

Однако правовед Джозеф Стори уже в 1831 г. был менее оптимистично настроен в отношении общего права. К примеру, он активно отстаивал значимость выявления законодательного намерения в ходе «естественного толкования слов закона», указывая при этом, однако, на различные «неудобства», связанные с таким толкованием.¹¹ Вместе с тем Стори утверждал – законы, противоречащие нормам общего права, должны толковаться очень строго (узко)¹², а вопрос широкого (распространенного) или узкого толкования в принципе должен решаться судьей исключительно на основе доктрины общего права в каждом конкретном случае.¹³

Главным вопросом, которым Стори риторически предвосхищал возможное развитие теории Аристотеля о роли суда в толковании закона, было указание на неспособность закона меняться: «Возможно ли предвидеть или хоть как-то предусмотреть заранее... все возможные случаи?».¹⁴ Однако увидев в общем праве основной юридический источник, Стори не верил во всемогущую силу общего права, в отличие от Кента. Стори рассматривал общее право не как статичную традицию права, а как динамичный механизм правотворчества, призывая пересмотреть решение Верховного суда США против Хадсона и Гудвина 1812 г.¹⁵, где указывалось на отсутствие федерального общего уголовного права. Однако закон призван вносить посылные изменения в общее право.¹⁶ В вопросах статутного толкования Стори строго придерживался точки зрения Блэкстона.

2. Основные идеи Френсиса Либера

Немецко-американский юрист Френсис Либер (профессор истории и политической экономики в Университете Северной Каролины) в 1839 г. в своем труде

⁹См.: Kent J. Of statute law // Commentaries on American law / J. Kent. New York: O. Halsted, 1826. Vol. 1. P. 434.

¹⁰См.: Ibid. P. 433.

¹¹См.: United States v. Dickson (1841) // The United States Reports. Vol. 40. P. 141, 163, 164.

¹²См.: McCreery v. Somerville (1824) // The United States Reports. Vol. 22. P. 354, 361.

¹³См.: Charles River Bridge v. Warren Bridge (1837) // The United States Reports. Vol. 36. P. 420, 588.

¹⁴См.: Story J. Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7. P. 587.

¹⁵Решение Верховного суда США заключалось в том, что уголовное наказание может быть назначено обвиняемому лишь в том случае, когда принят соответствующий законодательный акт по этому вопросу. Ответчики обвинялись в клевете на Президента и Конгресс США: якобы последние выделили 2 млн долл. США Наполеону Бонапарту для заключения договора с Испанией. Решение считается классическим для установления принципа *nulla poena sine lege* («нет наказания без закона») в федеральном законодательстве США.

¹⁶См.: Story J. Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7. P. 591.

«Юридическая и политическая герменевтика» высказывал явные опасения в отношении использования всеобщего (чрезмерного) судебного усмотрения, оставляя за судами право толкования законов лишь в случаях, касающихся вопросов фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. В попытке найти справедливое соотношение источников толкования норм права Либер в пользу «истинного толкования» прибегал к терминам «здравый смысл» и «добросовестность» как основным ориентирам судьи.¹⁷ Само понятие «толкование» привязывалось Либером к необходимости подстраивания законов под обстоятельства конкретного дела, поскольку «люди, которые используют слова для выражения своей мысли... не могут предвидеть всех возможных случаев».¹⁸

Следовательно, чем старше текст закона, тем свободнее должно быть его толкование».¹⁹ Теоретически Либер находится где-то «посередине» между сторонниками и критиками дискреционного толкования, уже серьезно отдалившись от воззрений Кента, но демонстрируя незыблемую веру в необходимость сохранения свободы толкования в тех вопросах, которые, по его мнению, являются «первостепенными, жизненно важными и вопросами всеобъемлющего значения для общества».²⁰ Такую же позицию занимал и верховный судья Джон Маршалл, о чем будет сказано ниже.

Убежденными противниками толкования по праву справедливости были Фитч Смит и Теодор Сэджвик. Смит в своем трактате «О законодательном и судебном толковании» (1848) активно протестует против «компетентного толкования» судами в пользу явно выраженного и недвусмысленного текста закона, который может «стать жертвой толкования по праву справедливости».²¹ По мнению Смита, ни одно правило толкования «не может быть более опасным, чем то, которое проводит границу между текстом закона и намерением, которое законодатель закладывает в этот текст, поскольку такая граница может вполне привести к ситуации, когда какое-либо дело будет исключено из сферы действия закона, основываясь на мнении судьи о намерении законодателя, вопреки прямому указанию текста закона, и наоборот!»²² Смит настаивает на решении этой дилеммы исключительно через неукоснительное соблюдение судьями текста закона как единственного проводника в принятии правильного решения по делу.²³

3. Воззрения Теодора Сэджвика

Теодор Сэджвик (как и Смит) верил в увеличивающуюся компетентность законодательного органа²⁴ и, в отличие от Кента, с большим недоверием высказывался

¹⁷См.: Lieber F. *Legal and political hermeneutics*. New York: Charles Little & James Brown, 1839. P. 89.

¹⁸См.: Ibid. P. 121.

¹⁹См.: Ibid. P. 134.

²⁰См.: Ibid. P. 139-140.

²¹См.: Smith E. F. *Commentaries on statute and constitutional law and statutory and constitutional construction*. Albany: Gould, Banks & Gould, 1848. P. 831.

²²См.: Ibid. P. 831-832.

²³См.: Ibid. P. 588-589.

²⁴См.: Sedgwick T. *A Treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law*. New York: Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857. P. 265-266.

о компетентности судебной. В 1857 г. он подчеркивал – институциональная общность законодателей и судей (характерная для Англии позднего Средневековья) уже совершенно не актуальна для правовой системы США²⁵, поскольку «судьи и законодатели уже давно, как минимум, не заседают в одном помещении, а также не принадлежат к одному классу, кругу, чтобы утверждать о персональной осведомленности намерений законодателя при принятии того или иного закона, количество которых несоизмеримо растет с каждым годом».²⁶ Тем не менее необходимо отметить – практически все известные судьи в США того времени ранее были законодателями или занимали крупные посты в органах исполнительной власти.²⁷ В итоге, говоря о превалирующей точке зрения, под влиянием судьи Джона Маршалла на федеральном уровне закрепились традиции более умеренного судебного толкования, с преимущественным строгим подходом к толкованию дел, касающихся фундаментальных прав и свобод человека.

Судья Джон Маршалл был председателем Верховного суда США в период с 1801 по 1835 г. Он был федералистом, приверженцем идеи «неотчуждаемых просоциальных прав» (*inalienable prosocial rights*), а значит, и сторонником независимой судебной власти, призванной защищать эти права посредством конституционного и статутного толкования.²⁸ Там, где речь шла о фундаментальных правах и свободах, законы не должны были толковаться так, чтобы каким-либо образом нарушать такие права и свободы, при условии отсутствия четкого волеизъявления законодателя об обратном.²⁹ В остальных случаях толкование закона должно было быть исключительно строгим.³⁰ Важно отметить следующее: Маршалл вовсе не призывает субъектов толкования отказаться от поиска и выяснения истинного намерения законодателя, однако «такое намерение должно усматриваться в общих формулировках текста закона, которые законодатель использовал для передачи своей мысли, духа права через инструмент слова».³¹

Таким образом, позиция Маршалла отразила очень важный аспект теории и практики толкования в США XIX в.: если в Англии на примере воззрений Кука в деле *Thomas Bonham v. College of Physicians* очевидно, что толкование по праву справедливости не ограничивается только вопросами фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, то в США такие широкие полномочия судей подверглись серьезным испытаниям, сначала через принятие Конституции, а потом

²⁵См.: Sedgwick T. A Treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law. New York: Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857. P. 205.

²⁶См.: Ibid.

²⁷См., например: White G. E. The American judicial tradition: profiles of leading American judges. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 37; Reid J. Chief justice – the judicial world of Charles Doe. Cambridge: Harvard University Press, 1967. P. 60-74; Marshall C. T. A history of the court and lawyers of Ohio. American Historical Society, 1934. Vol. 1. P. 231-265.

²⁸См.: White G. E. The American judicial tradition. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 18, 21-22, 24.

²⁹См.: Yoo J. Marshall's plan: the early supreme court and statutory interpretation // Yale Law Journal. 1992. Vol. 101. P. 1607.

³⁰См.: *Huidekoper's Lessee v. Douglass (1805)* // The United States Reports. Vol. 7. P. 65-70.

³¹См.: *Oneale v. Thornton (1810)* // The United States Reports. Vol. 10. P. 53, 68; *Thompson v. United States (1820)* // Federal Cases. Vol. 23. P. 1107, 1109.

и через всеобщее установление принципа строгого толкования текста закона, за исключением вопросов, касающихся фундаментальных прав и свобод, как раз закрепленных в Конституции США. В конечном итоге, позиция Маршалла сформировала так называемое золотое правило толкования³² – приверженность тексту закона, за исключением случаев, когда прямое толкование приводит к «абсурдному» или несправедливому результату.

Вторая половина XIX в. была ознаменована повсеместным созданием в США коллегий адвокатов. В 1870 г. была учреждена коллегия адвокатов Нью-Йорка, далее примеру города последовали Чикаго, Цинциннати, Айова, Бостон, и в 1878 г. появляется Американская коллегия адвокатов.³³ Это было обусловлено процессами более активного отделения юридического сообщества от «народа», что также выразилось в закреплении за присяжными заседателями права решать лишь вопросы факта, а не права и факта, как было раньше. Другой важной тенденцией второй половины XIX в. стала новая попытка «кодификации», а точнее, пересмотра (*revision*) общего права – попытка устранения пробелов в единообразном понимании норм общего права, в которой принимал участие даже Стори.³⁴ Противников же кодификации общего права как таковой было великое множество, включая Американскую коллегию адвокатов: статутное право не в состоянии было вместить в себя все принципы и особенности норм общего права.³⁵ Это значимо и с точки зрения вопроса толкования норм права, поскольку в правовом поле того времени действовал так называемый канон противоречия (*derogation canon*), гласивший, что законы, противоречащие нормам общего права, должны толковаться узко. Среди сторонников этого канона был Томас Кули, председатель Верховного суда штата Мичиган, написавший в своей редакции «Комментариев к Блэкстону» следующее: «Если закон не отменяет действие норм общего права, то они должны иметь равную юридическую силу... Закон, который вносит изменения в нормы общего права, должен толковаться очень строго».³⁶ Однако иные правоведы были настроены противоречиво: превалирующая роль общего права отвергалась, однако же толкование по праву справедливости в судах было допустимым. Таким образом, общее право не игнорировалось, но и не требовало специальных мер защиты.³⁷ Складывалась такая ситуация, когда суды в целом пытались сохра-

³²См.: Dougherty V. Absurdity and the limits of literalism: defining the absurd result principle in statutory interpretation // American University Law Review. 1994. Vol. 44. P. 127.

³³См.: Pound R. The lawyer from antiquity to modern times. St. Paul, Minnesota: West Publisher Co., 1953. P. 254, 259.

³⁴См.: Newmyer R. K. Supreme Court Justice Joseph Story: statesman of the old republic. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985. P. 278-279.

³⁵См., напр.: Address of John W. Stevenson: 8 Report of American Bar Association. Philadelphia: E. C. Markley & Son, 1885. P. 149, 150; Address of Alexander R. Lawton: 6 Report of American Bar Association. Philadelphia: E. C. Markley & Son, 1883. P. 137, 174-175; Address of Edward J. Phelps : 4 Report of American Bar Association. Philadelphia : E. C. Markley & Son, 1881. P. 141, 170. По вопросу особенностей современной кодификации в США см.: Петрова Е. А. Особенности систематизации американского законодательства // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 7. С. 25-28.

³⁶См.: Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Volume I. 3rd ed., rev. / by T. M. Cooley. Chicago: Callaghan and Company, 1873. P. 89.

³⁷См.: Endlich G. A. A Commentary on the interpretation of statutes founded on Maxwell's treatise. Jersey City, N. J.: F. D. Linn, 1888. P. 172-175.

нить общее право, иногда даже относясь к законам пренебрежительно, но это не поддерживалось юридическим сообществом, да и законы часто оставляли место для более свободного толкования, не противоречащего нормам общего права. Ярким примером использования «канона противоречия» могут служить дела об имущественных правах супруги, свободных от притязаний супруга. Типичной формулировкой закона была следующая: имущество супруги не является объектом распоряжения ее супруга, на него не может быть обращено взыскание за долги супруга, оно может быть объектом наследования, дарения, передачи, завещания и владения супруги, как если бы она не была замужем.³⁸ Такие законы были «слишком свободными» для многих судей, и они применяли «канон противоречия» норм такого закона общему праву довольно часто в отношении дел данной категории. К примеру, если супруга вступала в имущественные отношения с супругом, то суд лишал ее данной законом привилегии на имущественную самостоятельность. Тот же результат ждал женщину, если она хотела стать бизнес-партнером своего супруга.³⁹ Суды восклицали: «Невозможно, чтобы женщина могла пользоваться и распоряжаться своим имуществом после свадьбы так же полноценно, как и до нее; ведь именно супруг является главой семьи».⁴⁰ Нормы общего права также не закрепляли за женщинами того времени права становиться членами коллегий адвокатов.⁴¹

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что суды США в XIX в., «цепляясь» за общее право, относились «с подозрением» к активно принимаемому законодательству.⁴² Однако судебная практика показывает: обвинить в таком подходе суды сложно, поскольку чаще всего приоритет общего права над текстом закона был продиктован необходимостью разрешить двусмысленность такого текста ввиду несостоятельной законодательной техники или же для достижения здравого смысла того или иного решения.⁴³

4. XX век

Ситуация значительно поменялась в XX в., когда суды столкнулись с новой правовой реальностью – задачей достижения цели закона (*purposivism*). Законодательство XX в. как на федеральном уровне, так и на уровне штатов разрасталось в геометрической прогрессии, постепенно заменяя собой нормы общего права. Были созданы новые федеральные агентства: Комиссия по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами США в 1906 г.⁴⁴, Федеральное резервное

³⁸См.: *Billings v. Baker* (1859) // *Barb. Vol. 28*. P. 343, 347, 348.

³⁹См.: *Board of Trade of City of Seattle v. Hayden* (1892) // *Pacific Reporter. Vol. 30*. P. 87, 88, 92.

⁴⁰См.: *Popkin W. D. Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation*. Durham; London: Duke University Press, 1999. P. 111.

⁴¹См., напр.: *Chicago Legal News* / ed. by M. Bradwell. Illinois. 1869. Vol. 55. P. 535, 540; *In the matter of the motion to admit Miss Lavinia Goodell to the Bar of this Court* // *Wisconsin Reports*. 1875. Vol. 39. P. 232; *Leonard. M. G. Application of Leonard* // *Oregon*. 1885. Vol. 12. P. 93; *Lelia J. Robinson's Case* // *Massachusetts Supreme Judicial Court Reports*. 1881. Vol. 131. P. 376-381.

⁴²См.: *Holy Trinity Church v. United States* (1892) // *The United States Reports*. Vol. 143. P. 457, 458, 460.

⁴³См.: *Campbell v. Colorado Coal & Iron Co.* (1886) // *Pacific Reporter*. Vol. 10. P. 248, 250, 251.

⁴⁴*Federal Food and Drugs Act of 1906*, chap. 3915, 34 Stat. 768.

управление в 1913 г.⁴⁵, Федеральная комиссия по торговле в 1914 г.⁴⁶ Увеличилось количество законов, регулирующих вопросы компенсации работникам и налогообложения. Правоведы начала XX в. старались обосновать научную парадигму законодательного процесса, который способен быстрее и эффективнее подстраиваться под изменяющуюся социально-политическую атмосферу, в отличие от норм общего права. Позже активное законодательство начнет ассоциироваться с принципом демократии как таковой, устраняя пропасть между правом и населением и одновременно ограничивая суды в свободном толковании законов как документов общественной воли. Результатом возросшего доверия правового сообщества к законодательству стал поиск информации об истинной причине принятия того или иного закона через установление «законодательного намерения».

Теория научного взгляда на законодательный процесс была впервые представлена в начале XX в. Эрнстом Фройндом⁴⁷, ученым-политологом, преподававшим на правовом факультете Чикагского университета. По его мнению, судебное обоснование применения той или иной нормы права основывалось на принципах, уже не способных адекватно реагировать на современные правовые проблемы, которые могли быть решены с помощью «традиционной формы, административных мероприятий и, конечно же, компромисса и уступки – исключительных спутников статутного права». Ярким примером такой позиции можно назвать законы о компенсации работникам, которые ранее регулировались только нормами общего права, запрещавшими возмещать работникам ущерб, причиненный несчастными случаями на производстве. По действовавшему общему праву, пострадавший работник должен был сам доказывать вину работодателя, а работодатель в ответ мог ссылаться на небрежность потерпевшего (*contributory negligence*), принятие работником на себя риска (*assumption of risk*) и принцип освобождения нанимателя от ответственности за вред, причиняемый друг другу лицами, работающими у него по найму (*fellow servant rule*).⁴⁸ Хотя суды иногда отходили от данных принципов, правило для работника доказывать свою вину было неизменным. Проблема значительно усугубилась к XX в., и решение пришло через принятие законодательства, установившего минимальный размер компенсации пострадавшему работнику, применимый в любых случаях, а также наделившего административные агентства полномочиями по рассмотрению таких дел. Компромисс достигался за счет того, что работодатели (отныне ответственные за вред, причиненный работнику) были обязаны выплачивать компенсацию лишь в установленных размерах, которые зависели от заработка работника и серьезности его физических увечий. Финансирование таких выплат было осуществлено благодаря фондам самострахования работодателей. Без принятия соответствующего закона такой порядок урегулирования был бы просто невозможен.

Наряду с постепенным изменением отношения к законодательному процессу как к научной деятельности, изменилось и отношение судейского корпуса к исто-

⁴⁵Federal Reserve Act of 1913, chap. 6, 38 Stat. 251.

⁴⁶Federal Trade Commission Act of 1914, chap. 311, 38 Stat. 717.

⁴⁷См.: Freund E. Prolegomena to a science of legislation // Illinois Law Review. 1918. Vol. 13. P. 264, 269-270.

⁴⁸См.: Popkin W. D. Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation. Durham; London: Duke University Press, 1999. P. 120.

рии принятия законодательства как к источнику поиска истинного намерения законодателя.⁴⁹ Одним из первых судебных дел, установивших новую тенденцию, было дело *Holy Trinity v. United States*, которое мы рассмотрим ниже. Важно отметить следующее – законодательные дебаты и обсуждения, которые вышли из британской традиции настоящего «спора» в Парламенте без возможности установить единую позицию группы его членов, весьма разумно не принимались во внимание судами в XIX в., пока в рамках законотворческого процесса не были сформированы постоянно действующие комитеты и комиссии.⁵⁰ Немалую роль сыграли в этом и новые средства фиксации: фонографы появились в широком доступе для нужд законодательных органов лишь с 1870-х гг.⁵¹ Сомнению также подвергался и тот факт, что мнение меньшинства в Парламенте все же стоит учитывать, выясняя истинное намерение законодателя. Верховный суд США в 1881 г. высказался по этому вопросу следующим образом: «Мнения отдельных членов Парламента не должны определять общего мнения Парламента, однако они могут указать вектор развития обсуждения, в котором и проявляется главное намерение законодателя...».⁵²

5. Поиск цели закона

Среди первопроходцев формирования теории поиска цели статута (*purposivism*) следует назвать двух ученых-правоведов – это декан Гарвардского факультета права с 1916 по 1936 г. Роско Паунд и судья Верховного суда США с 1902 по 1932 г. Оливер Уэнделл Холмс-младший.

Роско Паунд был сторонником социологической юриспруденции, предполагавшей, что развитие норм права подчинено социальным процессам, должно их обрамлять, учитывая все возможные социальные последствия реализации любой правовой доктрины.⁵³ Такая позиция не могла одобрять негативное отношение сторонников общего права к законам, о чем он пишет в своей статье «Общее право и законодательство» в 1907 г., настаивая на том, что «статутное право должно быть либо приоритетнее, либо иметь равную юридическую силу с нормами общего права» для целей развития самого общего права, однако ученый признавал, что многие юристы могут посчитать такую идею «абсурдной».⁵⁴ Соответственно, в вопросах толкования Паунд был убежден, что статутные принципы должны побороть пристрастие судов XIX в. к узкому толкованию законов, противоречащих нормам общего права. Исключение составляло лишь «правило снисходительности» (*rule of lenity*), применяемое в уголовном праве, гласящее, что «если уголовный закон предусматривает лишение или какое-либо ограничение жизни, свободы

⁴⁹ См.: Popkin W. D. *Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation*. Durham; London: Duke University Press, 1999.

⁵⁰ См.: Baade H. *Original intent in historical perspective: some critical glosses* // *Texas Law Review*. 1991. Vol. 69. P. 1006-1011.

⁵¹ См.: McPherson E. G. *The history of reporting the debates and proceedings of Congress: ph. d. diss.* 1940. P. 201-202, 205, 210.

⁵² См.: *Statutory Construction* // *Washington Law Reporter*. 1881. Vol. 9. P. 321.

⁵³ См.: Pound R. *The scope and purpose of sociological jurisprudence, III* // *Harvard Law Review*. 1912. Vol. 25. P. 489, 512-516.

⁵⁴ См.: Pound R. *Common law and legislation* // *Harvard Law Review*. 1908. Vol. 21. P. 385.

или имущественных прав, то согласно принципу политической свободы, текст закона требует четкой и ясной формулировки такого состава правонарушения». ⁵⁵ Таким образом Паунд был лишь в преддверии формирования теории поиска цели закона, однако поддерживал именно «свободное толкование, отражающее полный спектр общественных отношений, обозначенных законом» ⁵⁶, где причина и дух закона должны приниматься во внимание лишь после того, как буквальный смысл текста закона и его контекста не сможет прояснить ситуацию. ⁵⁷ Другие подходы к толкованию норм права судами Паунд называл «туманными» (*spurious*).

Наиболее известное изречение Холмса о статутном толковании звучит так: «Для нас нет необходимости устанавливать, что хотел сказать законодатель, необходимо смотреть лишь на то, что в итоге сказано в законе». ⁵⁸ На первый взгляд кажется, что это позиция ярого текстуалиста. Однако иные высказывания Холмса подтверждают его практическую приверженность к теории поиска цели закона. К примеру, в деле *Irwin v. Gavit*. ⁵⁹ Холмс отклонил явно текстуалистские доводы другого судьи и истолковал закон о подоходном налоге так, чтобы «была достигнута общая цель закона». К тому же такой фразой он, вероятно, обозначил недопустимость сужения смысла текста закона в интересах общего права, равно как и применения недостоверных источников об истории законодательных обсуждений. Тем не менее практическая деятельность Холмса иногда «грешила» фразами о «многозначности слов» в тексте закона.

Более уверенную позицию, утвердившую теорию поиска цели закона, занимали судьи середины XX в. Лернед Хэнд (Второй апелляционный округ США) и Феликс Франкфуртер (Верховный суд США). Квинтэссенцией точки зрения Хэнда считается следующее его высказывание: «Безусловно, используемые слова, в том числе в их буквальном значении, являются основным и обычно наиболее достоверным источником толкования смысла любого письменного документа: будь то закон, договор или же любой другой документ. Однако признаком зрелой и сформировавшейся системы права является не построение правовой крепости из словарей, а понимание принципа наличия конечной цели и объекта конкретного закона, которых он призван достичь, активный и творческий поиск которых и является лучшим помощником в определении их значения». ⁶⁰ Примером позиции Хэнда может служить дело *Lehigh Valley Coal Co. v. Yensavage* ⁶¹, где судья истолковал понятие «работник» без использования конструкции общего права, а более широко, исходя из общей цели закона, направленного на защиту работников шахты от потенциально опасных условий труда. Работодатель смог избежать в своих договорных отношениях использования традиционного понятия «работник», однако судья Хэнд все же распространил действие данного закона на этот случай, поскольку

⁵⁵См.: Pound R. Common law and legislation // Harvard Law Review. 1908. Vol. 21.

⁵⁶См.: Ibid. P. 385.

⁵⁷См.: Pound R. Spurious interpretation // Columbia Law Review. 1907. Vol. 7. P. 379, 381.

⁵⁸См.: Holmes O. W. (jr.) The theory of legal interpretation // Harvard Law Review. 1899. Vol. 12. P. 417, 419; U.S. v. Officers & Crew of U.S. Steamer Mangrove (1903).

⁵⁹См.: Irwin v. Gavit (1925) // The United States Reports. Vol. 268. P. 161, 166.

⁶⁰См.: Cabell v. Markham (1945) // Federal Reporter. Second Series. Vol. 148. P. 737, 739.

⁶¹См.: Federal Reporter. Vol. 218. P. 547; NLRB v. Hearst Publications, Inc. (1944) // The United States Reports. Vol. 111.

считал «абсурдным» приравнивание работников шахты, не имеющих ни капитала, ни самостоятельной финансовой ответственности, к независимым подрядчикам, на чем настаивал ответчик.⁶² Свои взгляды Хэнд также отразил в сборнике статей под названием «Дух свободы»⁶³, где он высказывал опасения по поводу «угадывания» судьями того, что не сказал законодатель, а также относительно предпочтения при решении дела «здравого смысла» тексту закона.⁶⁴ Таким образом, Хэнд может считаться сторонником строгого поиска цели закона, когда судья не вкладывает в текст закона больше, чем он должен, но и делает все возможное для достижения общей цели статута.

Несколько иную позицию занимал Феликс Франкфуртер. Имея большой политический и управленческий опыт за плечами, судья пытался найти пограничный вариант взаимодействия текста закона и иных источников выяснения общей цели закона: «Задача суда в том, чтобы толковать не просто английский язык, а язык Конгресса; проблема заключается не в том, чтобы определить, что значат обычные английские слова, а в том, чтобы выяснить, что Конгресс имел под ними в виду».⁶⁵ Особенностью практики Франкфуртера является поиск цели закона через анализ множества иных законов схожей направленности, выявления их совокупной общей цели для толкования иного, но схожего законодательства. Примером может служить дело *United States v. Huteson* (1941).⁶⁶ Принятый в 1890 г. закон Шермана установил, что некоторые виды объединений работников являются уголовно наказуемыми. Последующие законы 1932 г. не давали четкого ответа на вопрос, признаются ли уголовно противоправными межсоюзные объединения работников, и поскольку по вопросам трудовых организаций в Конгрессе постоянно были разногласия, смелое решение судьи о декриминализации таких объединений на основе анализа дебатов и прений Конгресса вызвало много критических замечаний в адрес судьи, вплоть до обвинений в узурпации системы разделения властей.⁶⁷

Обсуждение

Как видно, «борьба» разных точек зрения привела к формированию двух групп ученых, которых условно можно назвать «реалистами права» и «процессуалистами». Первые были открытыми сторонниками теории поиска общей цели закона: они верили в социологию права, которая определяет способность законодателей и судей работать в тандеме для достижения общей цели закона через его толкование, а значит, и общего блага. Процессуалисты, напротив, возлагали большие надежды на здравый смысл судей, ожидая, что они обязаны определить, какое значение следует придавать толкуемым понятиям в тексте закона, используя общую цель закона как ориентир своей деятельности.⁶⁸ Поскольку в данной ситуации

⁶²См.: Federal Reporter. Vol. 218. P. 553.

⁶³См.: Hand L. The spirit of liberty. 3rd ed., enl. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 262 p.

⁶⁴См.: Hand L. How far is a judge free in rendering a decision // Spirit of Liberty / L. Hand. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 103-110.

⁶⁵См.: Commissioner v. Acker (1959) // The United States Reports. Vol. 464. P. 206, 214.

⁶⁶См.: The United States Reports. Vol. 312. P. 219.

⁶⁷См.: Ibid. P. 246.

⁶⁸См.: Hart H. M. (jr.), Sacks A. M. The legal process: basic problems in the making and application of law. St. Paul: Foundation Press, 1994. P. 1374.

найти «общий знаменатель» было крайне трудно, то дальнейшее развитие теории толкования норм права в США «столкнулось» с новыми реалиями – отказом от чрезмерного оптимизма в отношении роли и силы законодательного процесса, на которые полагались сторонники современного подхода поиска общей цели закона для толкования, равно как и отказом от восстановления веры в роль и силу судебного процесса и компетентность судей в вопросе толкования. Появляется так называемая современная пограничная (между описанными выше тенденциями) теория «простого судейства» (*ordinary judging*), выдвинутая правоведом *William D. Popkin*. Теория «простого судейства» восходит к идее правового прагматизма, но при этом отражает роль законодательства в его временном ракурсе, принимая во внимание как прошлое, так и будущее конкретного закона.⁶⁹ Вера в силу законодательства не выдержала испытания серьезными социально-политическими обстоятельствами XX в.: Вторая мировая война политизировала законотворческий процесс, дав основания сомневаться в выраженности именно публичной воли в тексте законов. Все это привело к борьбе двух основных тенденций толкования норм права: 1) с одной стороны, судьи пытались скорректировать закон через определение законодательного намерения; 2) а с другой стороны, укоренилась теория строгого толкования текста закона.⁷⁰

Заключение

Таким образом, при всей однородности институтов системы общего права, в США суверенность законотворческого процесса все же оформилась довольно рано. Переселенцы всемерно отрицали феодальность и аристократичность английской системы государственного устройства, а значит, и английской системы права. Тем не менее отход от системы права Англии был очень постепенным и осторожным. Возрастающее число принимаемых в США законов внушало недоверие юридического сообщества к системе толкования этих законов судебными инстанциями. Различия наблюдались также на уровне штатов и федерации: если в штатах повсеместно была предпринята попытка осуществить контроль за судьями через закон и процедуры назначения судей и смещения их с должности, то на уровне федерации наблюдалась практика предоставления судьям независимости. Выход из ситуации был найден через развитие теории разделения властей: через «герметизированный отсек» толкования, систему сдержек и противовесов и пространенный запрет занимать несколько должностей одновременно. Борьба общего права и права справедливости как квинтэссенции здравого смысла с ролью закона активно продолжалась и в XVIII в. В итоге к его концу удалось совершить отход от субъективности судебного усмотрения, да и в целом от английских правовых традиций через принятие Конституции 1787 г., которая установила четкую иерархию как системы права, так и системы государственного устройства в целом.

Предпринятая в XIX в. попытка установить доверие к закону, а значит, и к толкованию в целом привела к постепенному доктринальному переходу от всеобъемлющего уважения общего права в толковании (Кент, Стори) к формированию

⁶⁹ См.: Popkin W. D. *Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation*. Durham; London: Duke University Press, 1999. P. 151.

⁷⁰ Викторова Э. Ю. Толкование норм права в Англии и США: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства: история учений о праве и государстве»: дис. ... канд. юрид. наук / Викторова Элеонора Юрьевна. Москва, 2019. – 273 с. – Библиогр.: с. 194-224.

позиции допущения исключения из строгого толкования в пользу фундаментальных прав и свобод человека (Либер), и в конечном итоге – к ярому противоборству с правом справедливости (Смит, Сэдживик) и полному признанию главенства текста закона. Судья Маршалл сформулировал «золотое» правило толкования, в соответствии с которым строгое толкование может «разбиться» лишь о правовой айсберг «абсурдности» судебного решения. Однако закон все еще «борется» за существование. В XX в. с подачи Паунда и Холмса появляется новый подход к толкованию – поиск цели закона (*purposivism*). Данный подход, теоретические основы которого развивали Хэнд и Франкфуртер, делит юридическое сообщество на реалистов права и процессуалистов, но при этом формирует основную тенденцию современного толкования – борьбу главенства текста закона и поиска намерения законодателя как самых влиятельных теорий толкования.

В итоге, исторически в США прослеживается многогранность подходов к толкованию норм права, которые по-прежнему в практическом преломлении дают судьям широкие дискреционные полномочия по выбору «необходимого» в конкретной ситуации толкования, что является особенно актуальным в связи с многочисленными актами современного санкционного законодательства США.

Э.Ю. Викторова, з.ғ.к., халықаралық жеке құқық магистрі (РФ СІМ ММХКИ (У), «Уралкалий» ЖАҚ заң мәселелері бойынша бас маманы (Мәскеу қ., РФ): XIX-XX ғасырларда АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру теориясының даму тарихы.

Нормаларды түсіндіру – тарихи тұрғыдан кез-келген құқықтық жүйенің маңызды институттарының бірі. Құқық нормасының мәнін жүзеге асыру оны алдын-ала түсіндіру және ұғындыру арқылы ғана мүмкін болады, ал көбінесе норманың мәтіні құқық қолданушы таңдаған түсіндірумен сәйкес келе бермейді, бұл әсіресе англо-саксондық құқықтық жүйе елдеріне тән. Бұл зерттеудің объектісі XIX-XX ғасырларда АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру институты дамуының теориялық негіздері мен заңдылықтары болады. Тақырыптың өзектілігі АҚШ-тың құқық нормаларын, соның ішінде халықаралық құқық нормаларын, сондай-ақ санкциялық заңнамасы нормаларын түсіндіру әдістері мен практикасына әлемдік қауымдастықтың мұқият назар аударуына байланысты, АҚШ-тағы құқық нормаларын түсіндірудің қазіргі заманғы теориялары пайда болуы көздерін түсіну қажеттілігіне байланысты болып отыр. Осылай, зерттеу тақырыбы АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру тәсілдерінің жүйеленген жіктелуін әзірлеу мақсатында, XIX-XX ғасырларда құқық нормаларын түсіндірудің тарихи алғышарттарын ашудан тұрады. Ғылыми зерттеу әдістерінің ішінде тарихи-құқықтық әдіс, талдау, синтез, индукция және басқалары қолданылды. Зерттеудің жаңалығы АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру теорияларының проблемаларына қатысты орыс тілінде бірнеше ғана еңбектің, атап айтқанда, осы проблема бойынша зерттеулердің ішінде негізгі болып саналатын, 2019 жылы Э.Ю. Викторова қорғаған «Англия мен АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру» атты диссертацияның болуынан көрінеді. Қысқаша тұжырымдар: XIX ғасырдағы жалпы құқықтың статут құқығымен «күресі» АҚШ-та құқық нормаларын түсіндірудің негізгі теорияларын – заң мәтіні негізінде түсіндіру және заңнамалық ниетті іздеу арқылы түсіндіру теорияларын қалыптастыруға әкелді. Алайда, құқықтық прагматизм (реализм) АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру институтының одан әрі даму тарихында негізгі рөл атқарды, бұл теорияларға заң мәтініне көмекші ішкі және сыртқы түсіндіру құралдары мен тәсілдеріне, яғни

мәтіндік (лингвистикалық) әдістен бастап мақсат қою әдісіне дейін кеңеюге мүмкіндік берді. Алайда, заңнамалық ниетті іздеу арқылы түсіндіруді АҚШ саяси элиталары түсіндірудің «қажетті» нәтижесіне жету үшін қолданады. АҚШ судьяларының нақты істерді қарау кезінде кең мүмкіндігі заң нормаларын түсіндіру институтын дамытудың тарихи ретроспективасынан толық негізделген теориялық негіздерді таба алады, бұл АҚШ азаматтарының нақты жағдайда сот қандай түсіндіру теориясын таңдайтынына заңды анықтығы мен сенімділігіне ықпал етеді.

Тірек сөздер: құқық нормаларын түсіндіру, АҚШ, жалпы құқық, статут құқығы, заңның мақсаты, Джеймс Кент, Фрэнсис Либер, Теодор Сэджвик, Роско Паунд, кіші Оливер Уэнделл Холмс.

E.Yu. Viktorova, Moscow State University of International Relations graduate (Master's Degree in International Private Law), Ph.D., Lead Specialist in Corporate Projects Department of PJSC Uralkali (Moscow, Russia): Development of the Interpretation of Legal Rules Theories in the USA in the 19th and 20th century.

Theoretical foundations and patterns of development of the institution of interpretation of legal norms in the United States in the 19th century are studied. The *relevance* of the topic is due to the close attention of the world community to the methods and practice of interpreting legal norms by the United States, including international law, as well as sanctions legislation, in connection with which it becomes necessary to understand the origins of modern theories of interpretation of legal rules in the United States; the *subject* of the study, therefore, is to reveal the historical background for the interpretation of the legal rules in the United States during the 19th century, in order to develop a systematic classification of approaches to the interpretation thereof in the United States; among the *methods* of scientific research, the historical and legal method, analysis, synthesis, induction and others were used. The *novelty* of the research is expressed in the presence of only a few works in Russian language concerning the problems of theories of interpretation of the legal rules in the United States, in particular, the dissertation defended in 2019 by Viktorova E.Yu. «Interpretation of the Legal Rules in England and the USA», which is still the main research work on this issue. *Main conclusions:* the «struggle» of common law with statutory law in the 19th century led in the United States to the formation of the main theories of interpretation of the legal rules – based on the text of the law and through the search for legislative intention, however, legal pragmatism (realism) took a dominant role in the further history of the US legal interpretation. Still, interpretation by seeking legislative intent continues to be used by US political elites to achieve a «necessary» outcome of interpretation.

Keywords: interpretation of legal rules, USA, common law, statutory law, search for the purpose of the law, James Kent, Francis Lieber, Theodore Sedgwick, Roscoe Pound, Oliver Wendell Holmes Jr.

Список литературы:

1. Baade H. Original intent in historical perspective: some critical glosses // Texas Law Review. 1991. Vol. 69.
2. Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Vol. 1. Rev. ed. / by S. G. Tucker. New York: Augustus Kelly, 1969.
3. Dougherty V. Absurdity and the limits of literalism defining the absurd result principle in statutory interpretation // American University Law Review. 1994. Vol. 44.

4. Endlich G. A. A Commentary on the interpretation of statutes founded on Maxwell's treatise. Jersey City, N. J.: F. D. Linn, 1888.

5. Hand L. The spirit of liberty. 3rd ed., enl. Chicago: University of Chicago Press, 1977.

6. Hand L. How far is a judge free in rendering a decision // Spirit of Liberty / L. Hand. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

7. Hart H. M. (jr.), Sacks A. M. The legal process: basic problems in the making and application of law. St. Paul: Foundation Press, 1994.

8. Hilliard F. The elements of law. Reprint. ed. New York: Arno Press, 1972.

9. Holmes O. W. (jr.) The theory of legal interpretation // Harvard Law Review. 1899. Vol. 12.

10. Horwitz M. The Transformation of american law, 1780–1860. Cambridge: Harvard University Press, 1977.

11. Kent J. Of statute law // Commentaries on american law / J. Kent. New York: O. Halsted, 1826. Vol. 1.

12. Leonard. M. G. Application of Leonard // Oregon. 1885. Vol. 12. P. 93; Lelia J. Robinson's Case // Massachusetts Supreme Judicial Court Reports. 1881. Vol. 131.

13. Lieber F. Legal and political hermeneutics. New York: Charles Little & James Brown, 1839.

14. Marshall C. T. A history of the court and lawyers of Ohio. American Historical Society, 1934. Vol. 1.

15. McPherson E. G. The history of reporting the debates and proceedings of Congress: ph. d. Diss. 1940.

16. Newmyer R. K. Supreme Court Justice Joseph Story: statesman of the old republic. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985.

17. Popkin W. D. Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation. Durham; London: Duke University Press, 1999.

18. Pound R. Common law and legislation // Harvard Law Review. 1908. Vol. 21.

19. Pound R. Spurious interpretation // Columbia Law Review. 1907. Vol. 7.

20. Pound R. The lawyer from antiquity to modern times. St. Paul, Minnesota: West Publisher Co., 1953.

21. Pound R. The scope and purpose of sociological jurisprudence, III // Harvard Law Review. 1912. Vol. 25.

22. Raack D. To preserve the best fruits: the legal thought of Chancellor James Kent // American Journal of Legal History. 1989. Vol. 33.

23. Reid J. Chief justice – the judicial world of Charles Doe. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

24. Sedgwick T. A Treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law. New York: Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857.

25. Smith E. F. Commentaries on statute and constitutional law and statutory and constitutional construction. Albany: Gould, Banks & Gould, 1848.

26. Story J. Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7.

27. The United States Reports. Vol. 312. P. 219.

28. White G. E. The american judicial tradition: profiles of leading american judges. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988.

29. Yoo J. Marshall's plan: the early supreme court and statutory interpretation // Yale Law Journal. 1992. Vol. 101.

30. Петрова Е. А. Особенности систематизации американского законодательства // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 7.

31. Викторова Э. Ю. Толкование норм права в Англии и США: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства: история учений о праве и государстве»: дис. ... канд. юрид. наук / Викторова Элеонора Юрьевна. Москва, 2019. – 273 с. – Библиогр.: с. 194-224.

References (transliterated):

1. Baade H. Original intent in historical perspective: some critical glosses // Texas Law Review. 1991. Vol. 69.

2. Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Vol. 1. Rev. ed. / by S. G. Tucker. New York: Augustus Kelly, 1969.

3. Dougherty V. Absurdity and the limits of literalism: defining the absurd result principle in statutory interpretation // American University Law Review. 1994. Vol. 44.

4. Endlich G. A. A Commentary on the interpretation of statutes founded on Maxwell's treatise. Jersey City, N. J.: F. D. Linn, 1888.

5. Hand L. The spirit of liberty. 3rd ed., enl. Chicago: University of Chicago Press, 1977.

6. Hand L. How far is a judge free in rendering a decision // Spirit of Liberty / L. Hand. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

7. Hart H. M. (jr.), Sacks A. M. The legal process: basic problems in the making and application of law. St. Paul: Foundation Press, 1994.

8. Hilliard F. The elements of law. Reprint. ed. New York: Arno Press, 1972.

9. Holmes O. W. (jr.) The theory of legal interpretation // Harvard Law Review. 1899. Vol. 12.

10. Horwitz M. The Transformation of american law, 1780–1860. Cambridge: Harvard University Press, 1977.

11. Kent J. Of statute law // Commentaries on american law / J. Kent. New York: O. Halsted, 1826. Vol. 1.

12. Leonard. M. G. Application of Leonard // Oregon. 1885. Vol. 12. P. 93; Lelia J. Robinson's Case // Massachusetts Supreme Judicial Court Reports. 1881. Vol. 131.

13. Lieber F. Legal and political hermeneutics. New York: Charles Little & James Brown, 1839.

14. Marshall C. T. A history of the court and lawyers of Ohio. American Historical Society, 1934. Vol. 1.

15. McPherson E. G. The history of reporting the debates and proceedings of Congress: ph. d. Diss. 1940.

16. Newmyer R. K. Supreme Court Justice Joseph Story: statesman of the old republic. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985.

17. Popkin W. D. Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation. Durham; London: Duke University Press, 1999.

18. Pound R. Common law and legislation // Harvard Law Review. 1908. Vol. 21.

19. Pound R. Spurious interpretation // Columbia Law Review. 1907. Vol. 7.

20. Pound R. The lawyer from antiquity to modern times. St. Paul, Minnesota: West Publisher Co., 1953.

21. Pound R. The scope and purpose of sociological jurisprudence, III // Harvard Law Review. 1912. Vol. 25.

22. Raack D. To preserve the best fruits: the legal thought of Chancellor James Kent // *American Journal of Legal History*. 1989. Vol. 33.

23. Reid J. Chief justice – the judicial world of Charles Doe. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

24. Sedgwick T. A Treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law. New York: Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857.

25. Smith E. F. Commentaries on statute and constitutional law and statutory and constitutional construction. Albany: Gould, Banks & Gould, 1848.

26. Story J. Law, legislation and codes // *Encyclopedia Americana*. 1831. Appendix 7.

27. The United States Reports. Vol. 312. P. 219.

28. White G. E. The american judicial tradition: profiles of leading american judges. New York; Oxford : Oxford University Press, 1988.

29. Yoo J. Marshall's plan: the early supreme court and statutory interpretation // *Yale Law Journal*. 1992. Vol. 101.

30. Petrova E.A. Osobennosti sistematizatsii amerikanskogo zakonodatel'stva // *Vestnik YuUrGU*. 2012. № 7.

31. Viktorova E. Yu. Tolkovanie norm prava v Anglii i SSHA: spetsial'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva: istoriya ucheniy o prave i gosudarstve»: dis. ... kand. jurid. nauk / Viktorova Eleonora Yur'evna. Moskva, 2019. – 273 s. – Bibliogr.: s. 194-224.

Для цитирования и библиографии: Викторова Э.Ю. История развития теорий толкования норм права в США в XIX-XX вв. // *Право и государство*. 2022. № 2(95). – С. 55-72. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_55

Материал поступил в редакцию 20.05.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

Вавилов Н.Н. Китайская власть. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. – 662 с.

ISBN 978-5-907372-30-6

В книге впервые анализируются органы государственной власти Китайской Народной Республики и органы управления Компартии Китая с точки зрения внутривнутриполитической борьбы основных субэтнических военно-политических групп и их ориентации на зарубежные политические силы, в том числе на Демократическую и Республиканскую партии США.

В книге рассматриваются ключевые экономические проблемы на пути Китая к глобальному доминированию в рамках экономического проекта «Один пояс – один путь» и доктрины «рыночной системы социализма», а также структура управления государственным сектором экономики КНР.

PROTECTION OF BIODIVERSITY IN THE AGRICULTURAL ACT OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

SANDRA INGELKOFER,
PhD, lecturer, Birmingham Law
School, University of Birmingham
(Birmingham, Great Britain),
e-mail: s.ingelkofer@bham.ac.uk

This article focuses on the Agricultural Act of the Federal Republic of Germany. In the discussion the existing and *relevant regulations* that serve to protect biodiversity are examined. Firstly, the main issues and challenges of the Agricultural Act are identified. The core question here is how ecological common goods such as soil, water, air and climate and the effective protection of biodiversity, can be successfully protected, despite the land being used for agriculture. Article 20a of the Basic Law of Germany could provide an answer as it states, that a ‘State goal’ is to protect the ‘natural foundations of life’. Thus, the national legislature may be obliged to regulate the activities of the predominantly private operators in agriculture, as they have a direct impact on the ecological common goods listed above. The current gaps in the Agricultural Act are then specified and, in this context, the principle of ‘Good Professional Practice’ is discussed. This example shows that mere principles, as they exist today in the German legal system, are too vague and ineffective. Therefore, it is of *crucial importance* to formulate the

requirements for agricultural land use as directly applicable obligations and the term ‘Good Professional Practice’ must be expanded on with concrete and binding content. Finally, suggestions are made as to how the Agriculture Act can achieve the protection of biodiversity more effectively. For example, the Fertilizer Act could be transferred to the Agriculture Act as well as the regulations concerning the use of plant protection products on agricultural land.

Keywords: Federal Republic of Germany; environmental protection; biodiversity; climate change; agricultural land use in Germany; agricultural act; German basic law; principles of ‘good professional practice’; education and training; preventive controls.

Introduction

In Germany, agricultural land use takes up half of the German national territory. However, fertilizers, pesticides and ammonia also affect other areas in Germany and have an impact on for example forests, protected areas, unused biotopes and bodies of water. These affected areas are therefore particularly influenced by agriculture and have a significant impact on the ecosystem and biodiversity. Furthermore, there are ver

few areas, which are either unused or exist in their natural state.¹ This article focuses on how the protection of ecological common goods, and especially the protection of biodiversity can be achieved, despite agricultural land use.

The Key Framework

The most important question in this context is how the protection of ecological common goods such as soil, water, air and climate and, with this, the effective protection of biodiversity can be achieved in the best possible way, despite agricultural land use. Some of the answers can be found in the Basic Law of Germany. Article 20a of the Basic Law of Germany states the ‘State goal’ is that ‘natural foundations of life’ are to be protected. In order to effectively achieve this national goal, the legislature must regulate the activities of the predominantly private operators in agriculture, as they have a direct impact on the ecological common goods listed above. These environmental resources cannot be owned exclusively and controlled by the market. They cannot be allocated individually. They are there for everyone.² Moreover, the question how to deal with them also affects future generations, and their destruction is irreversible.³

In 1991 the *Federal Consortium for Nature Protection, Landscape Conservation and Regeneration* demanded long-term protection of all biotopes and landscape components of ecological, natural, cultural, and historical value, as well as the creation of a large-scale and close-meshed network of biotopes and diverse landscape structures.⁴ Since 1992, Art. 10 of the Habitats Directive states that ‘member States shall endeavour, where they consider it necessary in their land-use planning and development policies and, in particular, with a view to improving the ecological coherence of the Natura 2000 network, to encourage the management of features of the landscape which are of major importance for wild fauna and flora’. Biodiversity-preserving landscape management may not have been an agricultural activity in the narrower sense in the past, but in today’s situation it is part of the responsibilities of agricultural farms and holdings.⁵

The biodiversity-preserving landscape maintenance goes beyond the nature conservation approaches that were common in the past. Today it is understood and seen as a vital part of any agricultural activity and thus, part of the job of an agricultural farm or holding.⁶

Until now, central aspects such as structural diversity, the importance of corridors and buffer zones and the question of the representation of certain species or commu-

¹Czybulka D., Fischer-Hüftle P., Hampicke U., Köck W., Martinez J. Ein Landwirtschaftsgesetz für Deutschland im Zeichen des Umweltschutzes und der Biodiversität – Zentrale Gesetzesinhalte und Finanzierung. *Natur und Recht*. 2021. Bd. 43. – S. 297-307.

²Ostrom E. *Governing the commons. The evolution of institutions for collective action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

³Czybulka D. Die Ökologiepflichtigkeit der Eigentümer natürlicher Lebensgrundlagen // *EurUP*. 2021. Bd. 19. Heft 1. – S. 2-21.

⁴Länderarbeitsgemeinschaft Naturschutz, Landschaftspflege und Erholung. *Lübecker Grundsätze des Naturschutzes*. 1991. URL: https://www.la-na.de/documents/lana-beschluesse_natursch_erholung_2_1509644280.pdf (accessed 15.04.2022); Knickel K., Janßen B., Schramek J., Käppel K. *Angewandte Landschaftsökologie*. Bundesamt für Naturschutz (Eds.). 2001. Heft 41, 45.

⁵Czybulka D. *Vorrangflächen, Schutzgebietssysteme und naturschutzfachliche Bewertung großer Räume in Deutschland*. Schriftenreihe für Landschaftspflege und Naturschutz. Bundesamt für Naturschutz (Eds.). 2000. Heft 63. – S. 169-201.

⁶*Ibid.*

nities within a natural area have not received sufficient legal attention. The ecological balance of agricultural land, including biodiversity, therefore requires interdisciplinary cooperation between agricultural experts, biologists, and landscape ecologists. The balancing of biological diversity must be based on the requirement of minimum values for site-typical, semi-natural habitats with a demonstrably high biodiversity value. From an agricultural point of view, a particular challenge is whether the sometimes extremely long-term processes (such as the change in the humus content of the soil as a prerequisite for plant biodiversity) can be mapped with sufficient accuracy using the indicators now being discussed.⁷

Materials and Research Methods

The research is based on the laws of Germany and the main theoretical approaches are set out in the works of Czybulka, Martinez, Кудк, Oppermann, Мцкел, and others.

Research methods such as analysis, synthesis, induction, deduction, descriptive, formal legal and comparative legal methods were used to reveal the theoretical and normative base of this study, formulate, and substantiate the conclusions reflected in it.

Research results

1. Measures enhancing biodiversity

Biodiversity needs space to develop. In Germany this space is not sufficiently available due to an intensive use of land throughout the country.⁸ With this in mind, the following priorities could help balance the need to preserve biodiversity on one hand and the agricultural usage of land on the other hand.

- Remaining areas of the former natural landscape such as moors need to be preserved.
- Semi-cultivated landscapes (heathland, nutrient-poor grassland with numerous endangered plant and animal species) are to be maintained permanently through traditional use, above all (sheep) grazing.
- Part of the agricultural land, primarily grassland, is to be cultivated with reduced intensity. The restoration of flowering grassland in highly productive milk production areas is essential. Without the restoration of traditional ‘flower meadows’ on a sufficient scale (also fragmentary as pathways, etc.) there will be no recovery of insect populations.
- The same procedure is to be followed with selected arable land, which – preferably on limestone or sandy soil – is farmed without pesticides and with a lower expected yield.
- The use of agrochemicals with severe harmful effects on animal species worthy of protection, for example, insects (neonicotinoids), must be ended. The risk assessment for the authorization of such plant protection products must be adapted to the new findings.⁹

⁷Czybulka D. Die Ökologiepflichtigkeit der Eigentümer natürlicher Lebensgrundlagen // EurUP. 2021. Bd. 19. Heft 1. – S. 2-21.

⁸Bundesamt für Naturschutz. Wie die Europäische Agrarpolitik 2020+ die biologische Vielfalt stärken kann. 12.08.2020. URL: <https://www.bfn.de/pressemitteilungen/wie-die-europaeische-agrarpolitik-2020-die-biologische-vielfalt-staerken-kann> (accessed 15.04.2022).

⁹Schäffer A., Anton C., Steinicke H. Der stumme Frühling – zur Notwendigkeit eines umweltverträglichen Pflanzenschutzes // Leopoldina Diskussion. Nr. 16. 2018. S. 35; Köck W., Kern K. Perspektiven des Stoffrechts // Umwelt- und Technikrecht. 2012. Bd. 114. S. 31-41.

• In the open country sufficient ecological compensation conservation areas are to be created, such as fallow and flowering areas, buffer strips and landscape elements (small bodies of water, hedges and coppice and path edges). This also allows the field size to be reduced to a level that promotes biodiversity. Noticeable effects require a proportion of at least 10%. Large-scale farms must provide habitat for accompanying species on small areas such as field edges and unfavorably shaped plots of land, refrain from excessive “field edge hygiene” and tolerate (usually exaggerated) risks of unwanted species immigrating.

• Perennial and site-specific fallow land is of paramount importance for the preservation of biodiversity in arable landscapes.¹⁰

• Biotopes and landscape elements are to be protected against negative influences from soil management.

• Species in need of protection are to be taken into account during cultivation of arable landscapes.¹¹

• Surface waters are to be protected from emissions of all kinds (phosphorus and nitrogen fertilizers, drift of pesticides).

• A more natural water balance is to be established. When it comes to pumping water out of the landscape to create optimal conditions for arable farming, a rethink is required due to climate change.

• A strong reduction in ammonia (NH₃) emissions of 680,000 tons per year is required, resulting in nationwide eutrophication.

These measures primarily serve to protect flora and fauna. Moreover, these measures have positive effects on the beauty and recreational suitability of the landscape, and they contribute to reducing wind erosion and protecting water bodies.

A modern agricultural act must encompass the measures above to ensure that not only is biodiversity kept at its current level but that it also continues to increase. It is of crucial importance that these measures are included in the Agricultural Act for various reasons. Farmers need to know exactly which rules apply to them. Currently, their obligations are allocated in nature conservation law instead. Farmers, agricultural holdings, and their specialist authorities take regulations rather seriously, but the law has to be allocated in an act addressing them directly. Moreover, the cause for biodiversity loss is agricultural land use and therefore the obligations of how biodiversity may be preserved effectively have to be included in the Agricultural Act.

Only if agricultural land use complies with certain basic requirements regulated in the Agricultural Act, the measures above can be achieved. Incentives such as financial benefits could be considered, e.g., for nurturing management of semi-cultivated landscapes or of species-rich grassland for dairy farms in the low mountain range.¹²

¹⁰Oppermann R., Chalwatzis D., Röder R., Baum S. Biodiversität in der Gemeinsamen Agrarpolitik (GAP) der EU nach 2020. URL: <https://www.bfn.de/sites/default/files/2021-08/Broschuere-Biodiversitaet-in-der-Gemeinsamen-Agrarpolitik-nach-2020.pdf> (accessed 15.04.2022).

¹¹Gesetz über den Schutz der Natur, die Pflege der Landschaft und die Erholung in der freien Natur (BayNatSchG). URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayNatSchG> (accessed 15.04.2022).

¹²Czybulka D., Fischer-Hüftle P., Hampicke U., Köck W., Martinez J. Ein Landwirtschaftsgesetz für Deutschland im Zeichen des Umweltschutzes und der Biodiversität – Zentrale Gesetzesinhalte und Finanzierung // Natur und Recht. 2021. Bd. 43. – S. 297-307.

2. Obligations in agricultural land use and animal husbandry

a) Clear guidelines

The disastrous effects of agriculture on the environment and biodiversity require legal measures that have been repeatedly formulated by scientists but have not been taken up by politicians.¹³

The principles of ‘Good Professional Practice’ place some requirements on agricultural land use to ensure environmental protection and nature conservation. In the German legal system ‘Good Professional Practice’ describes a concept of conventional agriculture that states ‘that for example the use of fertilizers and plant protection products may only be carried out in accordance with applicable law, the latest and recognized application rules and in compliance with the principles of integrated farming’¹⁴. However, as mere principles they are too vague and therefore weak in their effect.¹⁵ The requirements for agricultural land use to protect natural and environmental assets and animal welfare must be formulated as concrete, directly applicable obligations.¹⁶ Therefore, the term ‘Good Professional Practice’ must be expanded on with concrete and binding content. These principles must be replaced by directly applicable basic obligations. It must be clear to the farmer what he has to do or not to do and where he can get support. To this end it is important to distinguish between general basic obligations and specific obligations for farmers. While general basic obligations apply to all farmers, specific obligations apply only to those farming in particularly polluted areas or development areas. The fulfillment of these obligations must be as well a prerequisite for any national or European funding as well as compensation payments.¹⁷

b) General Basic Obligations

aa) Compliance with ‘Good Professional Practice’

Regulations on the type of agricultural land use (e.g. soil protection, nature conservation, water protection and requirements for livestock management) are particularly suitable for inclusion in the Agriculture Act, insofar as they have an impact on natural and environmental assets. Furthermore, the Fertilizer Act should be transferred to the Agriculture Act as well as the regulations concerning the use of plant protection products on agricultural land. On the other hand, the planning and technical requirements for livestock facilities should remain in the Construction Planning Law and Emission Control Legislation.

¹³Möckel S., Köck W., Rutz C., Schramek J. Rechtliche und andere Instrumente für vermehrten Umweltschutz in der Landwirtschaft. Gutachten im Auftrag des UBA (UFO-Plan FKZ 3711 88 191). 2013. URL: https://www.umweltbundesamt.de/sites/default/files/medien/378/publikationen/texte_42_2014_rechtliche_und_andere_instrumente.pdf (accessed 15.04.2022).

¹⁴Raupp M.G., Hartmann P. Agrarlexikon mit den wichtigsten Begriffen zur Landwirtschaft im europäischen Umfeld. Bedeutung in deutscher und englischer Sprache erklärt. 2017. URL: http://opus.uni-hohenheim.de/volltexte/2019/1650/pdf/AGRARLEXIKON_DE_EN.pdf (accessed 15.04.2022).

¹⁵BVerwG, Urt. v. 1. 9. 2016 – 4 C 4.15, ZUR 2017. S. 176; Möckel S. Verbesserte Anforderungen an die gute fachliche Praxis der Landwirtschaft. 2014. ZUR. S. 14; Köck W., Czybulka D. Landwirtschaft und Naturschutzrecht. Baden-Baden: Nomos, 2019. – 218 S.

¹⁶Möckel S. Verbesserte Anforderungen an die gute fachliche Praxis der Landwirtschaft. 2014. ZUR. S. 14.

¹⁷Czybulka D., Fischer-Hüftle P., Hampicke U., Köck W., Martinez J. Ein Landwirtschaftsgesetz für Deutschland im Zeichen des Umweltschutzes und der Biodiversität – Zentrale Gesetzesinhalte und Finanzierung // Natur und Recht. 2021. Bd. 43. – S. 297-307.

The general basic obligations can be systematized as follows:

- Prohibition of e.g. deployment of impermissible agrochemicals, grassland plowing, ruthless “ditch maintenance” with death of all amphibians, etc.
- Regulations on gentle cultivation, care and harvesting measures, for example meadow mowing with moderate speed which enables animals to escape.
- Regulations on the use of technical facilities and procedures to reduce ammonia emissions, such as exhaust air filters for stables and gentle method of spreading liquid manure.
- Regulations providing space for necessary structural elements
- Regulations concerning the rededication of partial areas in favor of traditional and less profitable farming methods.
- Changes in moisture conditions, in particular increases in the groundwater level in grassland areas, are to be tolerated if this is necessary to preserve the basis of life for species in need of protection.

The regulations mentioned under the first two points do not require any financial compensation. For the following points subsidies can be considered.¹⁸

bb) Obligations to adapt to climate change

Climate protection measures are essentially prepared via the climate protection laws and their implementation programs. The rules for adaptation to climate change could be laid down in the Agriculture Act. The adaptation measures are not only in the self-interest of the farmers, but also in the interest of society. Therefore, a general basic obligation to adapt to climate change should be provided for by law (§ 3 Abs. 2 Nr. 2 der 12 BImSchV and Anl. 3 Ziff. 1.6 UVPG; § 6 Abs. 1 Nr. 5 WHG, § 1 Abs. 5 BauGB; § 2 Abs. 2 Nr. 6 ROG).

cc) Education and training

So far, agricultural activity does not legally require any agricultural training. Although most farmers have an agricultural training, the requirements for further training are minimal. Therefore, an obligation for further training regulated by the Agricultural Act, is necessary.

State law stipulates that the goals and tasks of nature conservation and landscape management must be taken into account as part of educational training and further education. In particular, the consequences of nitrogen input, the importance of crop rotation decisions and the effects of pesticide use and other production-integrated measures on species richness and soil life must be taught.¹⁹ Such matters must also be the subject of basic and advanced training for farmers.

c) Specific Obligations for designated polluted and development Areas

Obligations may arise for polluted areas and development areas that go beyond the general basic obligations. A generalized approach may be followed here, which means that the law regulates specific obligations for such areas. Alternatively, it is also possible that measures are laid down in local regulations.

Biosphere reserves are particularly suitable for development areas because of the objectives anchored in art. 25 I no. 3 and 4 of the Act on Nature Conservation and Landscape Management. Art. 25 I no. 3 and 4 Article 25, states that ‘*Biosphere reserves*

¹⁸Ibid.

¹⁹Gesetz über den Schutz der Natur, die Pflege der Landschaft und die Erholung in der freien Natur (BayNatSchG). URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayNatSchG> (accessed 15.04.2022).

are areas that are to be protected and developed in a consistent way and that [...] 3. serve the primary purpose of conserving, developing, or restoring landscapes shaped by traditional, diverse forms of use, along with their species and biotope diversity as evolved over time, including wild forms and formerly cultivated forms of commercially used or usable animal and plant species, and 4. illustrate ways of developing and testing forms of economic activity that are especially conserving of natural resources.'

Specific obligations in these areas may lead to financial compensation payments for reasons of proportionality or equity.²⁰

d) Enforcement of basic obligations through preventive controls

As agriculture can cause considerable damage to the environment and biodiversity, preventive controls appear appropriate and proportionate.

An existing preventive control option is the impact assessment in Natura 2000 areas. However, this is hardly used in Germany due to an interpretation contrary to European Union law. It ties in with the concept of the project. In consistent case law, the ECJ sees agricultural management activities, most recently also with regard to grazing and fertilization,²¹ as a project and thus requires an impact assessment if impairments to the protection goals of the Natura 2000 area cannot be ruled out with certainty. A clarification in the Agriculture Act that conforms to European law would be useful here.²²

Discussion and Conclusion

The current German Agriculture Act dates back to the year 1955 and it is still based on the idea of agricultural structures of the 1950s. The law is outdated and has little impact on the current issues of today's agriculture. Under the pretext of market freedom or a lack of legislative competence, the legislature has not yet managed to define the tasks of agriculture regarding its ecological responsibility as it is defined in Art. 20a of the Basic Law as a state objective. The legislature failed to recognize that agriculture itself is based on biological processes and is therefore completely dependent on an ecologically intact environment. Environmental responsibility is thus an integral part of farming and not an extraneous element imposed on it. Agriculture can only be defined as sustainable agriculture because unsustainable land management will lead to ecological and economic self-destruction. In recent decades, German agriculture has shown that it cannot cope with this task. Therefore, the legislature needs to actively regulate and manage this ecological responsibility for agriculture through coherent agri-environmental law. This can be effectively achieved through a new Agricultural Act. Moreover, Germany will be obliged to implement the EU's Common Agricultural Policy²³ which will come into force in 2023. As a result, the German legislator will be obliged to regulate uniform and nationwide ecological key points of agriculture.

²⁰Czybulka D., Fischer-Hüftle P., Hampicke U., Köck W., Martinez J. Ein Landwirtschaftsgesetz für Deutschland im Zeichen des Umweltschutzes und der Biodiversität – Zentrale Gesetzesinhalte und Finanzierung // Natur und Recht. 2021. Bd. 43. – S. 297-307.

²¹C-293/17 and C-294/17.

²²Martinez J. Landwirtschaft und Umweltschutz. 2020. DVBl. S. 1186, 1190.

²³Reform der Gemeinsamen Agrarpolitik, Landwirtschaft wird zukunftsfest, nachhaltig und klimafreundlich. 2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/reform-der-gemeinsamen-agrarpolitik-1888786> (accessed 15.04.2022).

Сандра Ингелькофер, PhD, Бирмингем университеті Құқық мектебінің оқытушысы (Бирмингем қ., Ұлыбритания): Германия Федеративтік Республикасының Ауылшаруашылығы туралы заңында биоәртүрлілікті қорғау.

Бұл мақала Германия Федеративтік Республикасының Ауылшаруашылығы туралы заңына арналған. Соңғы жылдары әлемде биоәртүрліліктің күрт қысқаруы және оны қорғау саласындағы мемлекеттердің реттеуі жағдайында биоәртүрлілікті сақтау күн тәртібі *өзекті* бола түсуде. Автор Германиядағы осы мәселе бойынша негізгі мәселелерді және ауыл шаруашылығы туралы заңнаманы анықтады, сонымен қатар топырақ, су, ауа және климат сияқты жалпы экологиялық игіліктерді қалай сәтті қорғауға болатындығы, сондай-ақ жер ауылшаруашылығына пайдаланылғанына қарамастан биоәртүрлілікті тиімді қорғауға болатындығы түсіндірілді. Германия Негізгі заңының 20а-бабы «мемлекеттің мақсаты» «өмірдің табиғи негіздерін» қорғау екенін баса көрсете отырып, негізгі ұғымдарды реттейді. Осылайша, ұлттық заң шығарушы орган ауыл шаруашылығындағы жеке операторлардың қызметін реттеуге міндетті, өйткені олар жоғарыда аталған ортақ экологиялық игіліктерге тікелей әсер етеді.

Сонымен қатар, зерттеу нәтижелерінің *жаңалығы* Германияның Ауылшаруашылығы туралы заңындағы олқылықтар алғаш рет көрсетіліп отырғандығында және осы тұрғыда «тиісті кәсіби практика» принципі талқыланды. Бұл мысал Германияның құқықтық жүйесінде қазіргі кездегі қарапайым принциптер тым бұлыңғыр және тиімсіз екенін көрсетеді. Сондықтан жерді пайдалануға қойылатын талаптарды тікелей қолданылатын міндеттемелер ретінде тұжырымдау өте маңызды, ал «тиісті кәсіби практика» термині нақты және міндетті мазмұнмен кеңейтілуі керек. Қорытындылай келе, Ауылшаруашылығы туралы заң арқылы биоәртүрлілікті қалай тиімді қорғауға болатындығы туралы ұсыныстар жасалады. Мақала соңында автор ауылшаруашылық жерлерін пайдалануға қарамастан, жалпы экологиялық игіліктерді, әсіресе биоәртүрлілікті қорғауды қалай қамтамасыз етуге болатынына назар аударады.

Тірек сөздер: ГФР, қоршаған ортаны қорғау, биоәртүрлілік, климаттың өзгеруі, Германиядағы ауылшаруашылық жерлерін пайдалану, Ауылшаруашылығы туралы заң, Германия Негізгі заңы, «тиісті кәсіби практика» принциптері, білім беру және оқыту, алдын-ала бақылау.

Сандра Ингелькофер, PhD, преподаватель Школы Права Университета Бирмингем (г. Бирмингем, Великобритания): Защита биоразнообразия в Законе о сельском хозяйстве Федеративной Республики Германии.

Данная статья посвящена законодательству Федеративной Республики Германии о сельском хозяйстве. Повестка сохранения биоразнообразия становится все более *актуальной* в мире в условиях его резкого сокращения и регулирование государств в сфере защиты биоразнообразия значительно пересматривается в последние годы. Автор определил основные проблемы в Германии по данному вопросу и законодательства о сельском хозяйстве, кроме того разъясняется, как можно успешно защитить общие экологические блага, такие как почва, вода, воздух и климат, а также обеспечить эффективную защиту биоразнообразия, несмотря на то, что земля используется для сельского хозяйства. Статья 20а основного закона Германии регламентирует основные понятия, подчеркивая, что «целью государства» является защита «естественных основ жизни». Таким образом, национальный законодательный орган обязан регулировать деятельность преимущественно

частных операторов в сельском хозяйстве, поскольку они имеют непосредственное влияние на экологические общие блага, перечисленные выше. Кроме того, *новизна* результатов исследования заключается в том, что впервые указываются существующие пробелы в законе о сельском хозяйстве Германии, и в этом контексте обсуждается принцип «надлежащей профессиональной практики». Этот пример показывает, что простые принципы в том виде, в каком они существуют сегодня в правовой системе Германии, слишком расплывчаты и неэффективны. Поэтому крайне важно сформулировать требования к землепользованию в качестве непосредственно применимых обязательств, а термин «надлежащая профессиональная практика» должен быть расширен конкретным и обязательным содержанием. В заключении вносятся предложения относительно того, как закон о сельском хозяйстве может обеспечить более эффективную защиту биоразнообразия. Автор в заключении основное внимание уделяет тому, как можно обеспечить защиту общих экологических благ, и особенно защиту биоразнообразия, несмотря на использование сельскохозяйственных земель.

Ключевые слова: ФРГ; защита окружающей среды; биоразнообразие; изменение климата; использование сельскохозяйственных земель в Германии; Закон о сельском хозяйстве; Основной закон Германии; принципы «Надлежащей профессиональной практики»; образование и обучение; превентивный контроль.

References:

1. Bundesamt für Naturschutz. Wie die Europäische Agrarpolitik 2020+ die biologische Vielfalt stärken kann. 12.08.2020. URL: <https://www.bfn.de/pressemitteilungen/wie-die-europaeische-agrarpolitik-2020-die-biologische-vielfalt-staerken-kann>.
2. Czybulka D. Die Ökologiepflichtigkeit der Eigentümer natürlicher Lebensgrundlagen // EurUP 2021. Bd. 19. Heft 1. – S. 2-21.
3. Czybulka D. Vorrangflächen, Schutzgebietssysteme und naturschutzfachliche Bewertung großer Räume in Deutschland. Schriftenreihe für Landschaftspflege und Naturschutz. Bundesamt für Naturschutz (Eds.). 2000. Heft 63. – S. 169-201.
4. Czybulka D., Fischer-Hüftle P., Hampicke U., Köck W., Martinez J. Ein Landwirtschaftsgesetz für Deutschland im Zeichen des Umweltschutzes und der Biodiversität – Zentrale Gesetzesinhalte und Finanzierung // Natur und Recht. 2021. Bd. 43. – S. 297-307.
5. Gesetz über den Schutz der Natur, die Pflege der Landschaft und die Erholung in der freien Natur (BayNatSchG). URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayNatSchG>.
6. Knickel K., Janßen B., Schramek J., Käppel K. Angewandte Landschaftsökologie. Bundesamt für Naturschutz (Eds.). 2001. Heft 41, 45.
7. Köck W., Kern K. Perspektiven des Finanzierung // Umwelt- und Technikrecht. 2012. Bd. 114.
8. Köck W., Czybulka D. Landwirtschaft und Natur schutzrecht. Baden-Baden: Nomos, 2019. – 218 S.
9. Länderarbeitsgemeinschaft Naturschutz, Landschaftspflege und Erholung. Lübecker Grundsätze des Naturschutzes. 1991. URL: https://www.la-na.de/documents/lana-beschlusse_natursch_erholung_2_1509644280.pdf.
10. Martinez J. Landwirtschaft und Umweltschutz. 2020. DVBl.
11. Möckel S. Verbesserte Anforderungen an die gute fachliche Praxis der Landwirtschaft. 2014. ZUR.

12. Möckel S., Köck W., Rutz C., Schramek J. Rechtliche und andere Instrumente für vermehrten Umweltschutz in der Landwirtschaft. Gutachten im Auftrag des UBA (UFO-Plan FKZ 3711 88 191). 2013. URL: https://www.umweltbundesamt.de/sites/default/files/medien/378/publikationen/texte_42_2014_rechtliche_und_andere_instrumente.pdf.

13. Oppermann R., Chalwatzis D., Röder R., Baum S. Biodiversität in der Gemeinsamen Agrarpolitik (GAP) der EU nach 2020. URL: <https://www.bfn.de/sites/default/files/2021-08/Broschuere-Biodiversitaet-in-der-Gemeinsamen-Agrarpolitik-nach-2020.pdf>.

14. Ostrom E. Governing the commons. The evolution of institutions for collective action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

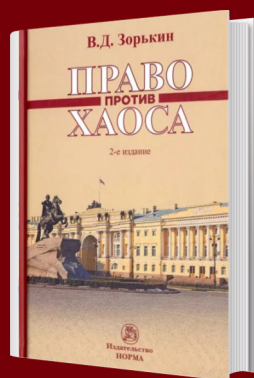
15. Raupp M.G., Hartmann P. Agrarlexikon mit den wichtigsten Begriffen zur Landwirtschaft im europäischen Umfeld. Bedeutung in deutscher und englischer Sprache erklärt. 2017. URL: http://opus.uni-hohenheim.de/volltexte/2019/1650/pdf/AGRAR-LEXIKON_DE_EN.pdf.

16. Reform der Gemeinsamen Agrarpolitik, Landwirtschaft wird zukunftsfest, nachhaltig und klimafreundlich. 2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/reform-der-gemeinsamen-agrarpolitik-1888786>.

17. Schäffer A., Anton C., Steinicke H. Der stumme Frühling – zur Notwendigkeit eines umweltverträglichen Pflanzenschutzes // Leopoldina Diskussion. Nr. 16. 2018.

Для цитирования и библиографии: Ingelkofer S. Protection of Biodiversity in the Agricultural Act of the Federal Republic of Germany // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 73-82. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_73

Материал поступил в редакцию 18.05.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

Зорькин В.Д. Право против хаоса: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 368 с.

ISBN 978-5-91768-916-6 (Норма)

ISBN 978-5-16-013934-0 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-106551-8 (ИНФРА-М, online)

Эта книга – о праве как нормативной форме свободы, о его роли в развитии России, в решении внутрисударственных и международных проблем, в борьбе с многоликим праворазрушительством: будь то произвол и беззаконие, дегуманизация и имморализм, агрессивная архаика и новое фашиствующее варварство. Она о правовом пути России, о российской реальности в ее соотношении с основополагающими правовыми принципами, такими как юридическое равенство и справедливость, приоритет прав человека, верховенство закона. А еще – о духе закона в контексте социокультурных факторов, об опасности отрыва законодательства от морально-нравственных регуляторов, о конституционной идентичности Российского государства как суверенного субъекта международных и глобальных отношений, о необходимости выстраивания нового справедливого миропорядка.

Данная работа подготовлена на основе лекций, прочитанных автором на Международном пetersбургском юридическом форуме в 2011 – 2017 гг.

Первое издание вышло в Библиотечке «Российской газеты» (2016).

Для юристов, философов, политологов и социологов, а также для широкого круга читателей.

ҚҰҚЫҚ ПЕН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ АРАҚАТЫНАСЫ: КЕЙБІР ЗЕРТТЕУЛЕР¹

Ж.Р. ТЕМІРБЕКОВ,
PhD, М. Нәрікбаев атындағы
КАЗГЮУ Университетінің
Жария құқық департаментінің
teaching профессоры
(Нұр-Сұлтан, Қазақстан),
email: zh_temirbekov@kazguu.
kz

Мақаланың *өзектілігі* жасанды интеллект жүйелерін құқықтық реттеу саласындағы сұрақтар мен мәселелерді зерттеу қажеттілігімен байланысты. Зерттеудің *мақсаты* – жасанды интеллект жүйелерін құқықтық реттеудің жалпы мәселелері мен сұрақтарын қарастыруға арналған бірнеше заманауи ғылыми мақалаларға шолу жасау. Мақаланы дайындау барысында салыстырмалы әдіс, дедуктивті және индуктивті әдістер, анализ және синтез әдістері және басқа да *зерттеу әдістері* қолданылды. Шолу нәтижесінде жасанды интеллект технологиясының дамуы қазірдің өзінде адамның негізгі құқықтарына әсер ету деңгейіне жетті деген *қорытынды* жасауға болады. Сонымен қатар, заңгерлік қауымдастық жасанды интеллектке негізделген роботтарды адамгершілік және заңды құқықтардың иесі ретінде тану мүмкіндігін талқылауда. Жоғарыда айтылғандар болашақта жасанды интеллект технологияларының жетістіктері адамның интеллектуалдық қабілеттеріне тең болады немесе одан асып түседі деген болжаммен байланысты. Бұл жаңа түрдің – саналы роботтардың пайда болуына себеп болуы мүмкін. Бұның барлығы адамзаттың жаңа саналы түрмен симбиозда өмір сүруге бейімделу қажеттілігіне алып келеді.

Алайда, мұндай қатар өмір сүру адамзат баласы үшін қандай нәтижеге ұласатыны белгісіз. Басқамен қатар, нормативтік реттеуді күшейту, құқықтық академиялық зерттеулерді жеделдету, жасанды интеллект жүйесін қолдану кезіндегі жағымсыз салдарларды бақылау қажеттілігі атап өтіледі. Құқықтық қызмет саласында жасанды интеллектті қолдануға келетін болсақ, қазіргі кезде бұл технология механикалық немесе қайталанатын әрекеттермен байланысты қызметте ғана сәтті қолданылады. Таным мен ойлау қажет болатын абстракция мен концептуалдаумен байланысты тапсырмаларды орындау жасанды интеллект үшін әлі де қиынға соғады. Қазіргі кезде жасанды интеллектті қылмыстың «ақылды» алдын-алу үшін қолдануға тырысу әрекеттері әрқашан ойдағыдай нәтижелерді қамтамасыз етпейтіндігі белгілі болды. Заңды жауапкершілік саласында пилотсыз көлік құралдарының үлгісі негізінде, жасанды интеллект технологияларының көбеюімен қолданушылардан жауапкершілік «өндірушілерге» ауысады деп айтуға болады.

© Ж.Р. Темірбеков, 2022

¹Бұл мақала орыс тіліндегі келесі мақаланың қайта қаралған, толықтырылған және аударылған нұсқасы болып табылады: Темірбеков Ж.Р. Искусственный интеллект и право: краткий обзор // Право и государство. 2021. № 3 (92). – С. 142-156.

Тірек сөздер: жасанды интеллект және құқық, жасанды интеллект, құқық, бетті тану, ұшқышсыз көлік, адамның негізгі құқықтары, құқықсубъекттілік, алгоритмдер, бағдарламалық код, машиналық оқыту.

Кіріспе

Мақалада жасанды интеллект (бұдан әрі – ЖИ) пен құқық арақатынасы аясындағы бірнеше зерттеулерге қысқаша шолу жасалады.

ЖИ жүйелерінің өнеркәсіпте де, күнделікті өмірде де кеңінен қолданылатынын ескере отырып, құқықтық мәртебе мәселелері, оларды пайдалану мен қолдануды құқықтық реттеу, ЖИ жүйелеріне қатысты әрекеттер мен оқиғалар нәтижесіндегі құқықтық жауапкершілік аясындағы мәселелер, сондай-ақ басқа да мәселелер барған сайын өзекті болуда. Бүгінгі таңда бұл зерттеу саласы заңгерлік қоғамдастық арасында танымал болғандықтан, ЖИ мен құқықтың арақатынасын зерттеуге арналған ғылыми еңбектердің саны артып келеді деп пайымдауға болады.

Негізгі ережелер

Осы мақалада шығармалары зерделенетін кейбір авторлар жасанды интеллектке қатысты сұрақтар мен мәселелерді зерттеу кезінде футуристік тәсілді пайдаланады. Басқалары мүмкіндігінше шынайы болуға тырысады және жасанды интеллект саласындағы қазіргі жағдай мен проблемаларға, жасанды интеллект пен құқықтың арақатынасына назар аударады. Бірақ тұтастай алғанда, зерттеушілер, заңгерлер қауымдастығы жасанды интеллекттің құқықтық саладағы мүмкіндіктері мен салдарларын әлі де толық ұғынбаған екендігімен келіседі. Қолданыстағы құқықтық теориялар мен доктриналар жасанды интеллект жүйелерін пайдалану нәтижесінде жиі туындайтын сұрақтарға әрқашан негізді және біржақты жауап бере алмайды. Бұл саладағы құқықтық тәсілдерді қолдану бойынша судьялардың ұстанымы да екіұшты. Сондықтан, жасанды интеллект жүйелерінің дамуы аясында заңгерлер қауымдастығы келесіге көбірек назар аударғаны жөн: (1) құқық пен жасанды интеллекттің байланыс нүктелеріндегі қолданыстағы құқықтық теорияларды, доктриналар мен тәсілдерді жаңғырту немесе жаңаларын әзірлеу қажеттілігі; (2) жасанды интеллект жүйелерін пайдалану мен қолдануды құқықтық реттеу нысанына және механизміне қатысты құқықтық ұстанымдарды әзірлеу қажеттігі; (3) практикалық заңгерлердің қызметінде де, басқа кәсіптік салаларда да жасанды интеллект жүйелерін пайдалану мен қолданудың этикалық принциптерін әзірлеу қажеттігі.

Материалдар және әдістер

Зерттеудің әдістемесін анықтаған кезде, басқалармен қатар, автор зерттеу пәнінің пәнаралық сипатта болуын ескерді. Мақалада қарастырылған зерттеулер жасанды интеллект ерекшеліктеріне, құқық теориясына, конституциялық құқыққа қатысты мәселелерді қозғайтынын ескере отырып, салыстырмалы әдіс, дедуктивті және индуктивті әдістер, талдау және синтез әдістері зерттеудің әдістемелік негізі болды. Мақаланы дайындауда интерпретация мен бағалау әдістері, жүйелік тәсіл де қолданылды.

Нәтижелер

1. Робот тұлға ретінде: болашақтың шындығы ма әлде қиял ма?

Жасанды интеллект және құқық саласындағы зерттеуші Джон-Стюард Гордон (John-Steward Gordon) «AI and law: ethical, legal, and socio-political implications»² атты мақаласында ЖИ-ке деген заңгерлер қауымдастығы жағынан қызығушылықтың көбеюінің себептерінің біріне – ЖИ-тің негізгі адам құқықтарына әсерін атап көрсетеді. Гордонның пікірінше, қазіргі заманғы құқықтық жүйе ЖИ саласындағы құқықтық жағдайларды тиімді шешуге жеткілікті түрде дайын емес. ЖИ өз кезегінде, технологиялық прогрестің нәтижесінде барған сайын күрделене түсуде.

Жасанды интеллект үшін жаһандық шекаралар болмағандықтан, Гордон осы саладағы құқықтық мәселелерді шешу үшін жаһандық көзқарас қажет екеніне назар аударады.

Гордонның пікірінше, адам қызметінің көптеген салалары айтарлықтай қатаң реттелетініне қарамастан, бүгінгі заңгерлер мен судьялар ЖИ-тің құқыққа, құқықтық жүйеге және құқықтық білімге әсерін толық түсінбейді. ЖИ және құқық саласының өзара әрекеттесуінен туындайтын мәселелерді тиімді шешу үшін оның пікірінше, құқықтық бағдарламаны (құқық тұжырымдамасын) тұтастай қайта қарау қажет.

Дэвид Гункелдің (David Gunkel) философиялық көзқарасы мен Джордан Уэльстің (Jordan Wales) «тұлға» ұғымының мазмұнын түсіндірудегі теологиялық көзқарасын салыстыра отырып, Гордон тұлғаның моральдық-құқықтық аспектілері саласындағы өзінің бұрынғы зерттеулеріне көңіл аударады. Оның пікірінше, заманауи роботтардың адам ретінде танылуы үшін жеткілікті қабілеттері болмаса да, болашақта технологиялық прогресс оларға осындай тануды алуға жол ашуы мүмкін. Осы аспект аясында Гордон барлық жаратылыстарға (соның ішінде ЖИ-лері бар роботтарға – Ж.Т.) олардың туылу жолын ескермей, моральдық мәртебе³ берудің бірыңғай критерийлерін әзірлеу қажет деп санайды. Себебі, «тұлға» ұғымы біздің моральдық және заңның құқықтарымыздың негізі болып табылады. Егер роботтар «тұлға» ұғымының талаптарына сай болса, онда роботтардың моральдық мәртебесі мен құқықтарына ие болуға «құқығы» бар-жоғын анықтаудың қажеті болмайды. Гордон роботтарға қоғамдық пікірге қарамастан олардың мүмкіндіктері мен қабілетіне қарай моральдық мәртебе беру керек деп есептейді.

Басқамен қатар, Гордон моральдық еркіндік тақырыбын талқылайды. ЖИ моральдық еркіндікке ие бола ала ма? ЖИ өзінің әрекеттері үшін моральдық тұрғыдан жауапты бола ала ма? Гордон Карисса Велиздің (Carissa Veliz) мақаласына сыни көзқараспен қарайды. Велиздің пікірінше ЖИ, алгоритмдер мен машиналар моральдық қасиеттерді иелене алмайды, өйткені моральдық қасиеттерді иелену үшін сана (саналы тәжірибе) және сезімталдық болу керек. Бірақ алгоритмдер табиғатынан сезімтал бола алмайды, сондықтан олар моральдық қасиеттерді иеленуші бола алмайды. Гордон жоғарыдағы көзқараспен келіспейді. Оның бірінші дәлелі: иә, қазіргі

²Gordon J.-S. AI and law: ethical, legal, and socio-political implications // AI & Soc. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01194-0> (accessed 19.05.2022).

³Грек және Инжілдік философияларына сәйкес моральдық мәртебе тек адамға ғана тән – оның ақыл-ойы мен ерік-жігері негізінде. Қара: Reichlin M. Moral Status // ten Have H. (eds). Encyclopedia of Global Bioethics. Springer, Cham. 2014. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-05544-2_300-1 (accessed 19.05.2022).

уақытта ақылды машиналарда моральдық еркіндік жоқ, бірақ болашақта бұл өзгеруі мүмкін. Екінші дәлел, өздеріңіз білетіндей, сезіну қабілеті жоқ адамдар бар (мысалы, ауырсынуды), бірақ соған қарамастан, бұл адамдар моральдық тұрғыдан басқаларды азаптау дұрыс емес екенін түсінеді. Олардың түсінігі ауырсынуды бастан кешіру тәжірибесінен гөрі, ауырсынудың басқа адамдар үшін нені білдіретіні туралы интеллектуалды қабілетке негізделген. Осы дәлелдерге сүйене отырып, Гордон сезімталдық моральдық еркіндіктің маңызды құрамдас бөлігі екеніне күмән келтіреді.

2. Жасанды интеллект және құқық: кейбір мәселелер

«Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities»⁴ мақаласында Роуэна Родригес (Rowena Rodrigues) ЖИ-тің негізгі адам құқықтарына әсеріне қатысты құқықтық мәселелер мен қиындықтарға шолу жасайды. Зерттеу келесі бағыттар бойынша жүргізілді:

- алгоритмдердің ашықтығының жетіспеушілігі;
- киберқауіпсіздік аясындағы осалдықтар;
- әділетсіздік, біржақтылық және кемсітушілік мәселелері;
- алгоритмдердің нәтижелеріне қарсы шығу мүмкіндігінің жеткіліксіздігі;
- «тұлға» мәселесі (құқықсубъектілік – Ж.Т.);
- зияткерлік меншік саласындағы мәселелер;
- ЖИ-тің еңбек және жұмыспен қамту саласына кері әсері мәселелері;
- құпиялылық және деректерді қорғау мәселелері;
- келтірілген зиян мен зиян үшін жауапкершілік мәселелері (соның ішінде құқық қабілеттілік, деликт қабілеттілік мәселелері – Ж.Т.).

Бір қызығы, Родригес жоғарыда аталған бағыттардағы мәселелерді зерттеуге қатысты әдебиеттерді бөліп көрсеткеннен кейін осы мәселелерді шешу жолдарын зерттеуге арналған әдебиеттерге библиографиялық шолу жасауға бір абзацты арнайды. Ал басқа абзац осы бағыттардың әрқайсысындағы олқылықтар мен жаңа сын-қатерлерді көрсететін зерттеулерге жарық түсіреді.

Родригестің пікірінше, жасанды интеллекттің дамуымен туындаған мәселелердің деңгейі келесі факторларға байланысты:

- техникалық фактор, яғни. ЖИ жүйелері үшін алгоритмдердің сапасының жеткілікті емес екендігі; олардың әлсіз қауіпсіздігі;
- әлеуметтік фактор, яғни. ЖИ технологиялары және олардың салдары туралы халықтың жеткілікті түрде хабардар болмауы; ЖИ технологияларының өркендеуі жағдайында қоғамның өмірге дайындығының деңгейін арттыру бойынша қабылданатын шаралардың жеткіліксіздігі; ЖИ саласындағы құқықтық ұстанымдар мен тәсілдердің жеткіліксіз дамуы;
- саяси фактор, яғни. ЖИ-ке, мемлекеттік басқаруға, жаңа шындықтағы тәуекелдерді азайту шараларына қатысты саяси тұжырымдамалардың жеткіліксіз дамуы;
- реттеуші фактор, яғни. заңнама, мониторинг, заңды жауапкершілік;
- экономикалық фактор, яғни. жағымсыз әсерлерді тоқтату үшін ресурстардың болуы, қауіпсіз және этикалық тұрғыдан жауапты ЖИ жүйелеріне инвестициялар, халықтың кіріс деңгейі, сақтандыру саласы.

⁴Rodrigues R. Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities // Journal of Responsible Technology. 2020. Vol. 4. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005> (accessed 19.05.2022).

Бұл жұмыста автор қоғамның ең осал топтарын жасанды интеллекттің технологиялық дамуының зардаптарынан қорғау үшін қажетті әрекеттердің үш түрін тұжырымдаған.

Біріншіден, ЖИ саласындағы жаңа технологияларды дамытудың ерте кезеңдерінде тәуекелді анықтау, болжау және оларды барлық мүдделі тараптармен талқылау арқылы ЖИ-ді пайдаланудың жағымсыз салдарын азайту үшін алдын алу шараларын жүргізу маңызды.

Екіншіден, қоғамның ең осал топтарында ЖИ дамуының жағымсыз салдарларына қарсы тұруға көмектесетін тиісті институттарды құру және дамыту қажет.

Үшіншіден, теріс салдарлардың себептерін түбегейлі жоюға тырысу керек, яғни, жасанды интеллект технологияларымен жасалған зиянға, кемсітушілікке және басқа да жағымсыз құбылыстарға қатысты қатаң саясат пен құқықтық реттеу жүргізу маңызды.

Родригес, сонымен қатар, қазіргі уақытта жасанды интеллект саласы заңмен нашар реттелетінін атап өтеді: реттеушілерді құру қажет; қолданыстағы заңнаманың қолдану аясының анық болмауы орын алады; кейбір елдерде жасанды интеллект саласындағы мәселелердің жеткіліксіз академиялық өңделуі көрінеді.

Родригес назар аударатын тағы бір маңызды мәселе – жасанды интеллекттің жағымсыз салдарына ең сезімтал қоғамның топтары мүдделері мен дауыстары жиі тиісті деңгейде естілмейді.

Қазірдің өзінде интернет-коммуникациялар мен цифрлық технологияларға қолжетімділігі немесе тиісті техникалық мүмкіндіктері жоқ азаматтардың мемлекеттік порталдар арқылы қызметтерді пайдалану мүмкіндігі болмағандықтан, олардың құқықтары іс жүзінде шектелген.⁵

Сонымен қатар, Родригестің пікірінше, жасанды интеллект мәселесі – саяхаттың басы ғана. Технологияның жылдам дамып келе жатқаны сонша, біз жақында ЖИ, робототехника және заттар интернетінің конвергенциясы нәтижесінде туындайтын күрделі және ауыр қиындықтарға тап болуымыз мүмкін.

3. Құқықтағы жасанды интеллект: болжал және ақиқат

Гарри Сёрден (Harry Surden) «Artificial Intelligence and Law: An Overview»⁶ атты мақаласында екі сұрақты қарастырады: Бүгінгі таңда жасанды интеллект дегеніміз не? Құқықтық салада жасанды интеллектті практикалық қолданудың қандай әдістері бар?

Бұрынғы авторлардан айырмашылығы, Сёрден бұл жұмыста зерттеу тақырыбына шынайы көзқарасты қолданады. Мақаланың бірінші бөлімінде ол жасанды интеллект ұғымының өзіне, оның нақты заманауи мүмкіндіктері мен ерекшеліктеріне тоқталады. Ол футуристік және болжамды тәсілдерден аулақ болуға тырысып, ЖИ-тің қазір бар, практикалық аспектілеріне мүмкіндігінше көбірек назар аударады.

Жұмыстың артықшылығы – мақалада қолжетімді және қарапайым тілде, мысалдармен бірге қазіргі ЖИ технологияларының мәні, түрлері мен мүмкіндіктері түсіндіріледі. Сондықтан, тіпті техникалық білімі жоқ оқырман да бұл техноло-

⁵Федорченко С.Н. Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы // Право и государство. 2020. № 3-4. – 169-170 бб.

⁶Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. № 4. – Pp. 1305-1337. URL: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2981&context=gsulr> (accessed 19.05.2022).

гиялық ғажайыптың қалай жасалғанын және қалай жұмыс істейтінін оңай түсіне алады. Сёрден атап өткендей, ЖИ адамдар сияқты үлгілердің (тенденциялардың, құрылымдық ерекшеліктерінің және т.б.) мағынасын түсінбестен, бірақ осы үлгілерді пайдалана отырып, пайдалы және адамға ұқсас шешімдерді (нәтижелерді) құра алатыны – қызықты факт. ЖИ-ті осы бағытта тіпті өте күрделі тапсырмаларды орындау үшін пайдалануға болады.

ЖИ өнімділігінің сапасы көбінесе ол өндейтін деректер көлеміне тікелей байланысты. Жасанды интеллект программалық кодтан басқа ештеңе емес болғандықтан, ол өңдеу және нәтиже шығару үшін өмірдегі фактілер мен оқиғаларды машина тіліне аудару қажет. Яғни, жасанды интеллектке арналған шикізат (ақпарат) дұрыс өңделуі, құрылымдалуы және ЖИ түсінетін пішінде ұсынылуы керек. Осыған байланысты Сёрден оқырман назарын құқық саласында тек кейбір бағыттар бойынша құрылымдық және реттелген деректерді табуға болатынына аударады. Оның пікірінше, құқық саласында, негізінен, түпкілікті нәтиженің қалыптасуы адамның қатысуынсыз жүзеге асырылмайтын, ішінара автономды жүйелер қолданылады.

Сёрден өз жұмысының бір бөлігі ретінде алға қойған міндеттердің бірі – құқықтанудың қай бағыттарында жасанды интеллект технологиясы елеулі әсер келтіруі мүмкін, ал қайсысында әсері аздау болатынын бағалау. Бұл тапсырманы орындау үшін ол – абстрактілі ойлауды қажет ететін жағдайларда, «иә» немесе «жоқ» деп біржақты жауап беру мүмкін болмайтын жағдайларда, көптеген әлеуметтік нормалар және басқа ұқсас құбылыстарды ескеруді қажет ететін жағдайларда ЖИ-тің мүмкіндіктерін зерттеуге арналған жұмыстарды зерделеген.

Сёрден айтуынша, бүгінгі күні заң саласында ЖИ мүмкіндіктерін пайдаланушылардың үш негізгі санаты бар:

- құқық әкімшілері – заң шығарушы, «құқық қорғаушылар» (атқарушы билік, оның ішінде полиция), сот билігі;
- практикалық заңгерлер, оның ішінде заң консультанттары мен адвокаттар;
- заңды сақтайтын, орындайтын және пайдаланатын тұлғалар (жеке және заңды тұлғалар).

Пайымдауды жүзеге асыру қажет болатын құқық және құқық тәжірибесі бағыттарында заманауи ЖИ адам танымын ауыстыруы қиын болуы мүмкін деген қорытындыға келеді Сёрден. Бүгінгі күні заңгерлер ЖИ технологиясын құқықтық құжаттарды талдау үшін (құжаттардағы белгілі бір сөздерді, сөз тіркестерін, үлгілерді іздеу және анықтау) қолданатынына қарамастан, таным мен ойлауды қажет ететін, абстракцияға, концептуализацияға және с.с. байланысты құқықтық қызметтің көптеген бағыттарында ЖИ толық табысқа жете алмайды. Осылайша, бүгінгі күні ЖИ азды-көпті сәтті тек қана оларды шешу үшін таза механикалық немесе қайталанатын әрекеттерді талап ететін құқықтық тапсырмаларда қолданылды. Бірақ осыны жүзеге асыру үшін де ЖИ тиісті өңделген (құрылымдалған немесе үлгіленген) «шикізатқа» мұқтаж.

Мемлекеттік басқару саласында ЖИ жүйелері мемлекеттік қызметкерлермен әртүрлі өтініштерін өңдеу процесінде қолданылады. ЖИ азаматтардың өтініштерін өңдеу және оларға жауап беру процесін жылдамдатуға көмектеседі. Бірақ Сёрден атап өткендей, мұндай ЖИ жүйелерінде көбінесе автоматтандырылған бағалау жүйесі бар, оның нәтижелері ықтимал шешімді толығымен дерлік анықтайды немесе қабылданатын шешімге айтарлықтай әсер етеді.

Бүгінгі күні ЖИ полициямен құқық бұзушыларды іздеу және табу үшін белсенді түрде қолданылады (смарт-камералар, жеке деректер және т.б. арқылы). Бірақ

Сёрден ЖИ-ді қылмыстың алдын алу үшін қолдану мүмкіншіліктеріне күмәнмен қарайды.

ЖИ әділдік пен теңдік деген сөздердің мағынасын түсінбейтіні анық. ЖИ үшін алынған және өңделген ақпарат негізінде (оның қалай бағдарламаланғанын ескере отырып) қабылдайтын кез келген шешімдер әділ болады. Сондықтан, егер полиция қызметкерлері белгілі бір қасиеттерге ие адамдарды ұстауға бейім болса (тері түсі, нәсілі, бұрынғы құқық бұзушылықтар және т.б.), ЖИ мұндай адамдар жиі кездесетін аумақтарды белсендірек патрульдеуді ұсынады. Сәйкесінше, бұл одан да көп ұстауларға алып келеді. Тұйық шеңбер.

Сёрден қазіргі заманғы жасанды интеллект технологиялары құрылымдық тапсырмалармен айналысқанда, ойын ережелері қарапайым және бір мағыналы болған кезде, «иә» немесе «жоқ» деп нақты жауап беру қажет болғанда ғана жақсы нәтижелер көрсетеді деп қорытындылайды. Сондай-ақ ЖИ есептеу жылдамдығы бойынша адамдардан асып түсетіні белгілі. Сондықтан ЖИ шахматта, го ойынында, компьютерлік ойындарда жақсы нәтижелер көрсетеді. Керісінше, тапсырма қандай да бір құрылымды немесе тәртіпті анықтау қиын болған жағдайда, абстракция, сөздердің мағынасын дұрыс түсіну, «жолдар арасында» оқу қажет болған жағдайда ЖИ-ті қолдану шеңбері өте шектеулі.

4. Жасанды интеллект: құқыққа әсері және кейбір басқа мәселелер

«Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues»⁷ мақаласы өте көлемді және ЖИ мен құқық, саясат және этикаға қатысты мәселелердің кең ауқымын қамтиды. Мақала авторы – Джеймс Димпси (James Dempsey) жұмыстың бірінші бөлімінде ЖИ-тың негізгі ерекшеліктерін қарастырады. Жұмыстың екінші бөлімі оны қолданудың құқықтық, саяси және этикалық аспектілеріне қатысты бірқатар даулы мәселелерге арналған. Оның ішінде өндірушінің жауапкершілігіне қатысты мәселелер (автономды автомобильдер мысалында); еңбекті қорғау саласындағы құқықтық реттеу; алаяқтық саласындағы мәселелер; зияткерлік меншік (патент және авторлық құқық) саласындағы мәселелер; құқық және денсаулық сақтау саласындағы этикалық мәселелер; келісім-шарт құқығы, қылмыстық құқық, сот ісін жүргізудегі дәлелдеу теориясы, құқықтық тәртіпті қорғау, кемсітушіліктің алдын алу, бақылау (анду) және жеке өмірге қол сұғылмаушылық (бет-әлпетті тану технологиясын пайдалану мысалында), әлеуметтік құқықтарды қорғау салаларындағы мәселелер. Үшінші бөлімде Қытай, Еуропалық Одақ, Франция және АҚШ-та жасанды интеллект технологияларын дамытудың ағымдағы ұлттық жоспарларына қысқаша талдау жасалады. Сонымен қатар, Димпси жақын болашақта ЖИ-тың одан әрі дамуының еңбек және жұмыспен қамту әлеміне болжамды әсеріне назар аударады. Қорытындылай келе, Еуропалық Одақ, АҚШ, ЕҚЫҰ және кейбір басқа елдер мен ұйымдар әзірлеген ЖИ-ті дамыту мен басқарудың этикалық принциптеріне қысқаша шолу жүзеге асырылған.

Тақырыптардың ауқымдылығына қарамастан (жұмыстың атауына сәйкес) автордың зерттеулері ең алдымен Америка Құрама Штаттарының заңнамасы мен құқықтық тәжірибесіне негізделген.

⁷Dempsey J.X. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. USA, Berkeley: Berkeley Center for Law & Technology. 2020. URL: https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2020/08/Artificial-Intelligence-An-Introduction-to-the-Legal-Policy-and-Ethical-Issues_JXD.pdf (accessed 19.05.2022).

Димпси ЖИ ерекшеліктерін ерекше түрде ашады – ЖИ-тың кейбір белгілері мен мүмкіндіктері Google, Facebook, Amazon сервистерінің жұмыс істеу механизмін талдау, сондай-ақ аталған компанияларға қатысты кейбір сот істерін сипаттау арқылы ашылады. Басқа нәрселермен қатар, Димпси ЖИ-тың әлсіз жақтарына да аз көңіл бөледі (бейтараптылықтың болмау мүмкіндігі, қателердің ықтималдығы, кіріс деректерінің сапасына тәуелділік).

Димпсидің айтуынша, егер соттар ЖИ-ке қатысты дәстүрлі құқықтық теорияларды, тәсілдер мен ережелерді қолдануға тырысса, онда олар (соттар) қиындықтарға тап болады. Реттеуші органдар мен заң шығарушылар ЖИ-ты қолдануды құқықтық реттеу үшін мамандандырылған құқықтық актілерді жасау қажеттігін анықтау маңызды.

ЖИ жұмысының нәтижесінде залал келтірілген жағдайларда өндірушінің жауапкершілігін талқылай отырып, Димпси АҚШ пен ЕО-та strict liability принципі басым болатынын (ақаулы өнімді пайдалану нәтижесінде туындаған зиян үшін өндіруші жауапты болады) атап өтеді. Бірақ қазіргі кәдімгі автомобильдерде (ЖИ жүйесі жоқ) дәстүрлі немқұрайлылық теориясы (жүргізушінің жауапкершілігі) қолданылады.

Пилотсыз көлік арқылы зақым болған жағдайда жауапкершілік мәселесі туралы өз пайымдауларын жасай отырып, Димпси, егер пилотсыз көлікті оператор басқарса, онда ол жауапты болады, ал егер оны ЖИ басқарса, онда өндіруші жауапты болатынын атап өтті. Димпси мұндай жағдайларда соттар кімнің әрекеті зиян келтіргенін анықтау мәселесіне тап болады деп санайды – ЖИ пе немесе оператор ма? Кейбір жағдайларда (мысалы, жол-көлік оқиғасында) кейбір дәлелдемелердің жойылуы мүмкін екендігі мәселені одан әрі қиындатады. Осылайша, жолдарда өздігінен жүретін пилотсыз көліктердің саны артқан сайын, жауапкершілік жүргізушілерден өндірушілерге «жоғары» ауысады.

ЖИ-тың құқықтық реттелуіне тоқтала келе, Димпси ЖИ саласын реттеудің ең тиімді жолы бір ұлттық заңды құру емес, салалық көзқарас деп санайды. Бұл дегеніміз, әрбір саланың реттеушілері (мысалы, білім беру, денсаулық сақтау және т.б. салаларда) дербес және басқа реттеушілерге тәуелсіз ЖИ-ты қолдануға қатысты ережелерді қабылдауы туралы.

Димпси сипаттаған тағы бір мәселе – ЖИ алгоритмдерінің «өзін-өзі өзгерту» және «өзін-өзі дамыту» мәселесі. Мысалы, машиналық оқыту бағдарламалық құралы жұмыс кезінде алынған жаңа деректер негізінде өз кодын өзгерте алады. Бұл белгілі бір уақыттан кейін мұндай «өнімнің» мазмұны оның реттеуші органның бастапқы сертификаттауы кезінде көрсетілген бастапқы мазмұнынан айырмашылығы болатынын білдіреді. Сондықтан ақылға қонымды сұрақтар туындайды: «өзін-өзі өзгерткен» ЖИ басқа өнім болып табылады ма? ЖИ кодының белгілі бір бөлігі өзгерген сайын өндіруші қайтадан сертификаттау процесінен өтуі керек пе?

Зияткерлік және авторлық құқық саласында да күрделі мәселелер туындайды. Димпси өз жұмысында кейбір компаниялар ЖИ көмегімен алынған математикалық есептеулердің нәтижелерін патенттеуге тырысқан жағдайларды сипаттайды және мысалдар келтіреді. Димпси сонымен қатар ЖИ «шығармашылық» қызметінің нәтижелеріне қатысты авторлық құқық мәселесін талқылайды. Қазір ЖИ әңгімелерді, музыканы, сурет салуды және т.б. жазуды біледі. Бірақ құқықтық тұрғыдан мұндай «шығармашылықтың» нәтижесінің иесі кім болмақ?

Жұмыстың құқық және денсаулық сақтау саласындағы кәсіби этика мен міндеттерге арналған бөлігінде зерттеуші АҚШ-тағы кейбір қолданыстағы этикалық

кодекстерде жаңа технологияларды (соның ішінде ЖИ) пайдалану саласындағы қызметкерлердің кәсіптік қатынастары қалай реттелетіні туралы қысқаша талдау жасайды.

ЖИ арқылы алынған дәлелдемелерінің рұқсат етілгендігі мәселесін зерттей отырып, Димпси қазіргі уақытта АҚШ соттары ЖИ есептеулеріне негізделген сарапшылардың пікірлеріне біршама күмәнмен қарайтынын атап өтеді. Соттардың бұл позициясы түсінікті, өйткені қазіргі кейбір ЖИ технологияларының ағымы мен есептеу жолдары соншалықты күрделі – ешкім ЖИ-тың белгілі бір қорытындыға қалай келгенін нақты түсіндіре алмайды немесе олардың растығын және «бейтараптылығын» егжей-тегжейлі тексере алмайды.

ЖИ кемсітушілік мәселесін сипаттай отырып, автор басқа нәрселермен қатар Facebook пен Amazon-ға қарсы жеке сот істерін талдайды. Аталмыш компаниялар ЖИ-ты белгілі бір бағдарламаларында пайдаланды және ЖИ-ты мұндай пайдалану нәтижелері АҚШ-та кемсітушілік деп танылды.

Екінші бөлімнің I бөлімшесінде Димпси библиографиялық мәліметтерді, әлеуметтік қорғау және денсаулық сақтау саласында ЖИ жүйелерін қолдануға байланысты бірнеше сот істерінің қысқаша сипаттамасын береді.

Зерттеуде Димпси қызықты жағдайды сипаттайды, онда АҚШ денсаулық сақтау органдары медициналық қызметтерге ең мұқтаж халықтың сегменттерін анықтау үшін қолданатын алгоритм «ақ» халық «қара» халыққа қарағанда медициналық қызметтерге (соның ішінде алғашқы медициналық көмекке) мұқтаждығы көбірек деген қорытындыға келді. Өйткені біріншісі оларды қабылдауға көбірек ақша жұмсайды. Бірақ Димпси жазғандай, шын мәнінде, «қара» халықтың денсаулығы «ақтардың» деңгейінен төмен.

Төменде өз жұмысында, шамасы, әділдік үшін, Димпси ғалымның пікірін келтіреді, оған сәйкес, кемсітуді адамның шешімдеріне қарағанда алгоритм кодында анықтау және түзету оңайырақ.

Димпсидің айтуынша, ЖИ-тың корпорациялар мен үкіметтер үшін маңыздылығы – ЖИ үлкен көлемдегі деректерді талдауға және белгілі бір адамдарға қатысты салыстырмалы түрде жылдам шешім қабылдауға мүмкіндік беретіндігінде. Сонымен қатар, корпорациялардың деректерді пайдалануы, несиелік скорингті және жалпы несиелік тарихты пайдалануы заңмен реттелсе де, пайдалануы ешқандай жолмен реттелмейтін деректердің басқа түрлері де бар.

Димпси бет-әлпетті тану саласындағы ЖИ технологияларына алаңдаушылық артып келе жатқанын атап өтті. Осылайша, автор 2020 жылдың қаңтарында АҚШ-та бет-әлпетті тану жүйесінің нәтижесі бойынша афроамерикалық тұрғын қамауға алынған іске сілтеме жасайды (бірақ кейін белгілі болғандай, ол тұлға қате ұсталған болып шықты). Жұмыста автор АҚШ-тағы көптеген заң шығарушы органдар қателіктер мен тұрақты бақылаудан қорқу нәтижесінде бет-әлпетті тану жүйелерін пайдалануға тыйым салатынын атап өтеді.

Димпси жүргізген Қытайдың, Еуропалық Одақтың, Францияның және АҚШ-тың ұлттық жоспарларының ерекшеліктерін талдаудан – ЖИ дамытудың ең ауқымды және байыпты жоспарлары Қытайда жасалған деп қорытынды жасайды. Өздеріңіз білетіндей, 2030 жылға қарай Қытай ЖИ саласында әлемдік көшбасшы болуды жоспарлап отыр. Басқа елдерден айырмашылығы, Қытайда бұл үшін барлық қажетті база бар: орталықтандырылған мәліметтер жинау (тұлғалар, коммерциялық құрылымдар және олардың қызметі туралы, бет-әлпетті тану технологиясы және т.б.), компьютерлік қуат, сарапшылар.

ЕО-та да әртүрлі деңгейлерде ЖИ дамыту жоспарларын қабылдады. Бірақ ЕО үшін Қытаймен бәсекелесу қиын болады, өйткені өз жоспарларын әзірлеу кезінде ЕО халықаралық құқық, заң үстемдігі, этикалық принциптер мен нарықтық экономиканың принциптерін ұстанады. Бұның барлығы ЖИ технологияларын дамытуда серпіліс жасауға белгілі бір кедергі болуы мүмкін (мысалы, объектілер мен субъектілер туралы мәліметтерді орталықтандырылған жинаусыз және өңдеусіз ЖИ-ты тиімді пайдалану мүмкін емес) .

Францияда 2018 жылы да ұлттық жоспар қабылданды, ол Францияның ЖИ-ты дамытудағы ұстанымын нығайтуға бағытталған.

Димпсидің айтуынша, АҚШ жоғарыда аталған елдердің ішінде ЖИ-тың дамуына ең аз көңіл бөледі. Ол өз ұстанымын, АҚШ Президентінің жарлықтары мен жоғары деңгейдегі мемлекеттік құрылымдардың жоспарларының болуына қарамастан, бұл актілердің мазмұны жағынан әрқашан анық және егжей-тегжейлі бола бермейтінімен, ал кейбір жағдайларда олар кеңестік сипатта болатынымен немесе принциптер түрінде көрсетілетіндігімен негіздейді.

Маккензи Дүниежүзілік Институтының зерттеуіне негізделген талдау нәтижесінде Димпси 21 ғасырдағы ЖИ пен өнеркәсіптік автоматтандырудың дамуы әлем халқының жұмыспен қамтылуы үшін жағымсыз салдарларға әкелуі мүмкін деген қорытындыға келді. Бірақ бұл салдар өте жойқын болмайды (жер тұрғындарының шамамен 3-14 пайызы өз кәсібін өзгертуге мәжбүр болады), өйткені ЖИ жаңа, бұрын белгісіз мамандықтардың пайда болуына мүмкіндіктер жасайды.

5. Жасанды интеллект пен қоғамның симбиозының нәтижесі: адамзаттың гүлденуі ме, әлде құлдырауы ма?

«Symbiosis with artificial intelligence via the prism of law, robots, and society»⁸ мақаласында Статис Карноускос (Stamatis Karnouskos) ЖИ жүйелерінің қоғамның болашағына құқықтық, әлеуметтік, экономикалық, гендерлік және этикалық тұрғыдан ықтимал әсерін ашады.

Кейбір зерттеулерге сілтеме жасай отырып, автор ЖИ жүйелерінің эволюциялық деңгейлерінің классификациясын береді:

- эволюцияның бірінші деңгейі: салалық жасанды интеллект (Artificial Narrow Intelligence) немесе әлсіз ЖИ. Бұл деңгейдегі ЖИ мүмкіндіктері салалық жағынан мамандандырылған. Мысалы, шахмат ойнау, көлік жүргізу, т.б.;

- эволюцияның екінші деңгейі: әмбебап жасанды интеллект (Artificial General Intelligence) немесе күшті ЖИ. Бұл деңгейде ЖИ санаға ие және оның мүмкіндіктері адамдікіне тең. ЖИ адамнан ажыратуға болмайтын нәтижелерге жетерліктей әрекеттерді меңгеруге және жүргізуге қабілетті;

- эволюцияның үшінші деңгейі: Супер Жасанды Интеллект (Artificial Super Intelligence) мүмкіндіктері жағынан адам қабілеттерінен жоғары және оған былайша анықтама беруге болады: «кез келген салада адамдардың танымдық мүмкіндіктерінен айтарлықтай асатын кез келген интеллект».

Жасанды интеллект жүйелері (оларды автор роботтармен байланыстырады) мен құқық арақатынасына арналған бөлімде ғалым роботтардың «құқықсубъектілігі» мәселесін талқылайды. Зерттеушінің пікірінше, құқықтық қатынастардың субь-

⁸Karnouskos S. Symbiosis with artificial intelligence via the prism of law, robots, and society // Artificial Intelligence and Law. 2022. № 30. – Pp. 93-115. URL: <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09289-1> (accessed 23.05.2022)

ектісі өз әрекеттерінде контекстен, нақты қатынастардан бөлінбейді және бөлінбеуі керек. Мәдени, экономикалық және саяси жүйелер маңызды және құқықтық жүйеге әсер етеді. Автордың пікірінше, роботтарға белгілі бір құқықтық мәртебе беру мүмкіндігін қарастырған кезде құқықтық қатынастарды қолданудың жоғарыда аталған ерекшеліктерін ескеру қажет. Басқаша айтқанда, егер сіз роботты заң нормаларының талаптарын білетін, орындайтын және сақтайтын етіп бағдарламаласаңыз да, бұл роботтардың «әлеуметтенуінің» және «құқықтық мінез-құлқының» кепілі бола алмайды, өйткені қоғамда құқықтық нормалар нақты мәдени, экономикалық және басқа да ерекшеліктерді ескере отырып өмірде қолданылады.

Автор бүгінгі күні роботтар өз иелерінің – жеке тұлғаның немесе ұйымның меншігі болып саналатынына назар аударады. Интеллектінің шектеулі болуына байланысты роботтар Аристотельдің «Саясатындағы» құлдар ретінде қабылданады. Бірақ роботтар эволюцияның екінші деңгейіне (Әмбебап Жасанды Интеллект) жеткенде жағдай өзгеруі мүмкін. Роботтар адамдарға ұқсайтын болады, сөйлей алады, өзін адам сияқты ұстай алады.

Қолданыстағы құқық жүйесі адамдарға қатысты қолданылады және адамның азап шегу мүмкіндігіне байланысты олардың құқықтарын қорғауға бағытталған. Құқықтық жүйенің мақсаты – адамды азаптан қорғау. Құқық субъектісі ауырсынуды сезініп қана қоймайды, сонымен қатар мүмкін болатын азапты сезіну де адамның шешім қабылдау процесіне әсер етеді. Осыған байланысты зерттеуші сұрақ қояды: егер робот ауырсынуды немесе ләззатты сезінбесе, оны қылмыстық заң аясында «жазалау» қаншалықты мағыналы? Робот өлімнен қорықпаса, утилизацияны жаза ретінде қабылдай ма? Робот жылдар бойы қозғалмауы мүмкін кезде оны «қамаудың» мағынасы бар ма және бұл оған қолайсыздық тудыратын шара ма?

Егер роботтар құқық субъектісі ретінде танылса, онда олар құқық иелері болады. Дегенмен, роботтардың өз құқықтарын қалай пайдаланатыны белгісіз. Мысалы, робот миналарды тазартудан бас тарта ала ма, ол зиян тигізуі мүмкін деп? Робот жұмыс жағдайын жақсартуды талап етіп ереуілге шыға ала ма?

Саналы роботтарды моральдық агенттер – өз әрекеттеріне жауапты субъектілер ретінде қарастыруға болады. Бірақ егер біз саналы роботтарды моральдық пациенттер – моральдық агенттер (мысалы, құқықсубъектілігі бар адамдар) зиян келтіруі мүмкін және мұндай зияннан қорғалуға құқығы бар субъектілер деп санасақ, онда роботтар адамдарды өз құқықтарына қауіп төндіретін көз ретінде қарастыруы мүмкін. Роботтар жаңа түр ретінде пайда болса не болуы мүмкін? Құлдық тарихы, революциялар, роботтардың құқықтары үшін күрес қайталануы мүмкін бе?

Роботтардың автономды шешімдерді қабылдауы әртүрлі оқиғалардың және адамдарға және қоғамға (қасақана немесе абайсыздан) зиян келтіру мүмкіндігін жоққа шығармайды. Айзек Азимовтың белгілі үш заңын пайдалану мүмкіндігін зерттеу нәтижесінде, автор оларды қолдану әлеуметтік қатынастардың күрделілігіне байланысты қиындықтарға толы болуы мүмкін деген қорытындыға келеді. Сонымен қатар, кейбір салаларда (мысалы, әскери өнеркәсіпте, жауынгер роботтар үшін) роботтардың адамға зиян келтіруіне тыйым салу іс жүзінде мүмкін емес. Басқа салаларда робот иелері бұған қызығушылық танытпайды (мысалы, темекі өнеркәсібінде).

Бүгінгі күннің өзінде адамдардың мүлкіне, өмірі мен денсаулығына роботтардың зиян келтірген кездері бар. Автор 2015 жылы Швеция полициясы Darknet желісінде заңсыз сатып алулар (соның ішінде есірткіні) жасаған «Random Darknet Shopper» атты онлайн-ботты «қамауға алған» мысалын келтіреді. Осы тұрғыда, автор ақылға

қонымды және қазірдің өзінде танымал сұрақ қояды: робот зиян келтірсе ол үшін кім жауапты болады – дизайнер ме, өндіруші ме, иесі ме немесе роботтың өзі ме?

Автор атап өткендей, бүгінде Еуропалық Одақ елдерінде роботтар келтірген зиян үшін жауапкершілік мәселесі өндірушіге жауапкершілікті жүктеу арқылы шешіледі. Бірақ жауапкершілік мәселесі роботтардың одан әрі эволюциясымен күрделене түседі, өйткені қазірдің өзінде ЖИ бар роботтар «оқу» арқылы өздерінің «дағдылары» мен «қабілеттерін» дамытуға бағдарламаланған. Мұндай роботтардың бастапқы бағдарламалық коды олардың «өмір сүру» және «тәжірибе жинақтау» барысында айтарлықтай өзгеруі мүмкін. Сондықтан, бұл жерде автор келесі мәселені көтереді: егер роботты пайдаланушы оны «дұрыс емес материалдарды» қолданып «оқытса» және мұндай «білім алу» нәтижесінде басқаларға зиян келтірсе, кім жауапты болады? Болашақта роботтар Интернет арқылы басқа роботтардың (олар басқа елде болуы мүмкін) жадындағы «тәжірибені» жүктеп алу мүмкіндігіне ие болатындығы мәселені қиындатады.

Роботтардың заңгер, судья, заң шығарушы ретіндегі ықтимал перспективаларын зерттей отырып, автор бүгінгі күннің өзінде ЖИ деңгейі белгілі бір құқықтық мәселелерді шешуге, сот төрелігі мен оған қолжетімділік жағдайын жақсартуға мүмкіндік береді деген пікірді келтіреді. Бірақ казустарды шешудің алгоритмдік мазмұны заңгер мамандығының құндылықтарына және идеалдарына сәйкес келуі қажет. Сондай-ақ мұндай шешімдер құқықтық этика мен кәсібилік талаптарына қаншалықты сәйкес келеді деген сұрақ ашық күйінде қалып отыр.

Егер роботтар саналы болса, олар классикалық құқықтану саласында ғана емес, сонымен қатар пәнаралық талдаулар жасай алады. Өйткені олар бірден бірнеше мәліметтер базасына қол жеткізе алады және бір уақытта талдау үшін әртүрлі ақпаратты пайдалана алады.

Осы контексте автор орынды сұрақ қояды: роботтар әділ және бейтарап шешім қабылдай алатын болса, неге робот-заңгерлерді жасамасақ? Мұндай роботтар әділ, теңсіздіксіз заңдар жаза алар еді.

Роботтар әлеуметтік жағынан адам үшін үй жануарлары сияқты пайдалы болуы мүмкін. Бүгінгі таңда эмоционалды робототехниканы дамыту бойынша көптеген зерттеулер жүргізілуде. Эмоционалды роботтар қазірдің өзінде аутизммен ауыратын балаларды емдеуде қолданылады.

Роботтарды жер бетіндегі қартайған халыққа қамқорлық жасау үшін пайдалануға болады. Дегенмен, роботтық күтімнің жанама әсері болуы мүмкін. Мысалы, робот адамға алкогольді ішуге рұқсат бермесе (денсаулығын күту), онда бұндай әрекет адам бостандығын шектеу (адамның негізгі құқықтарының бірі) ретінде қарастырылуы мүмкін.

Роботтардың әлеуметтену процесінде жеке өмірдің құпиялылығы мәселесі туындайды. Себебі, аудио және бейне детекторларымен жабдықталған роботтар жазып алғанның барлығын байланыс арналары арқылы сақтап немесе басқа жерлерге жібере алады. Автор бұл жағдайдың қоғам үшін пайдалы да (қылмысты азайту үшін) және зиянды (тоталитарлық режимдер үшін ыңғайлы қадағалау құралы ретінде қызмет ету) болуы мүмкін екенін атап өтеді.

Роботтар мен экономика арасындағы қарым-қатынас саласындағы зерттеушілердің жұмыстарын қарастыра отырып, автор роботтардың одан әрі дамуы адамдар үшін жұмыс орындарының қысқаруына әкелетініне қарамастан, бұндай жағдай жаңа мамандықтардың пайда болуына триггер бола алады деген пікірлерді келтіреді. Сонымен қатар, кейбір ғалымдардың роботтарға салық енгізу туралы

ұсынысы да қызық. Идеяның мәні – роботтарды пайдаланатын компаниялардан жиналған салықты жаңа жұмыс орындарын ашу үшін қайта бөлуге болады.

Басқа да ғылыми еңбектерден көрініп тұрғандай, жұмыста роботтардың «интеллектуалдық» қызметінің нәтижелеріне құқықтар мәселесі көтеріледі. Роботтың шығармашылық нәтижесіне авторлық құқық иесі кім болады: өндіруші ме, роботтың иесі ме, әлде роботтың өзі ме? Роботтың шығармашылығының нәтижесі оның өздігінен білім алу қабілетінің нәтижесінде (бастапқы алгоритмнің өзгеруіне байланысты) пайда болса ше?

Роботтардың гендерлік сәйкестендіру мәселелерін зерттей отырып, автор роботтардың қызметіндегі гендерлік компонент маңызды екенін анықтайды. Белгілі болғандай, еркек роботтарды немесе әйел роботтарды әртүрлі санаттағы адамдар әртүрлі қабылдайды және оларға деген қатынас әртүрлі.

Эволюцияның екінші деңгейіндегі роботтардың әлеуметтенуі күрделі қиындықтарға тап болуы мүмкін, өйткені бұл деңгейде роботтар оқу үшін ЖИ-ті белсендірек пайдаланады. Егер робот негізінен қоғамға қарсы мінез-құлықты «үйренсе» ше? Бұл роботтың қоғамға қарсы әрекеттер жасауына алып келуі мүмкін. Мұнда автор 2016 жылы Microsoft компаниясы жүргізген экспериментті келтіреді. Жасөспірімдердің өз ортасымен «әлеуметтену» үшін олардың қарым-қатынас стилін зерттеген Тау атты бот бір-екі сағаттық «тренингтен» кейін дөрекі және басқаларды қорлайтын хабарламалар жаза бастады. Сондықтан іске қосылғаннан кейін көп ұзамай оны өшіруге тура келді.

Роботтардың қызметі мен этика арасындағы арақатынас мәселелерін қарастыра отырып, автор автомобильді басқаратын ЖИ кімді – көлік жүргізушісін немесе үш жаяу жүргіншіні құтқару керек екенін таңдауы керек кездегі ойдан шығарылған жағдайды келтіреді. Бұл жағдайда робот нені басшылыққа алуы керек – логиканы ма, әлде этиканы ма? Робот осындай жағдайға тап болса адамдардың жасын, жынысын, физикалық немесе психикалық жағдайын ескеруі қажет пе?

Өз жұмысын қорытындылай келе, автор роботтардың не адам өмірін жақсартатынын, не адамзат баласының жойылып кетуіне себеп болатынын айтады. Роботтардың интеллектуалдық және физикалық қабілеттіліктері адамзат үшін өте пайдалы болуы мүмкін. Роботтарға күнделікті мәселелерді жедел басқаруды сеніп тапсыру арқылы адамзат экономикалық және интеллектуалдық еркіндіктің келесі деңгейіне өте алады.

Құқық пен ЖИ арасындағы қарым-қатынасқа келетін болсақ, автордың пікірінше, ЖИ-ті қолдану саласындағы құқықтың доктриналдық тұжырымдамасы мен реалды өмір арасындағы одан әрі қарама-қайшылықтар күшейе түседі. Бұл мәселе тек адам мен робот арасындағы қарым-қатынасты ғана емес, робот пен робот арасындағы қатынастарды да реттеу қажет болатындығымен асқынуы мүмкін. Егер роботтар интеллектке ие болса, роботтар арасында дау туатын уақыт алыс емес. Құқықтың қазіргі принциптері мен аксиомалары тұрғысынан мұндай жағдайларды қалай шешуге болады?

Роботтардың құқықтық мәртебесі туралы өз пайымдауын дамыта отырып, автор екі ықтимал сценарийді белгілейді – роботтар адамға құл ретінде қызмет ететін заттар күйінде қалады немесе оларға белгілі бір құқықтар мен бостандықтар қамтамаыз ететін құқықтық мәртебе беріледі. Мәселе мынада, роботтардың интеллектуалдық мүмкіндіктерінің өсуімен оларды заттармен теңестіру қиынырақ болады, өйткені олар адамнан сыртқы және когнитивтік жағынан аз ерекшеленеді. Егер роботтар формальды түрде құқықтар мен бостандықтарға ие болса, онда адамдар

тарапынан кемсітушілік жағдайында (бұл өте ықтимал), олар өздерінің құқықтық мәртебесін іс жүзінде жүзеге асыру үшін күресуге мәжбүр болады.

Қорытындылай келе, автор қазіргі уақытта біздің қоғам интеллектуалдық қабілеттері бойынша адамдармен тең немесе одан жоғары саналы роботтардың қатысуымен өмірге дайын емес деген қорытындыға келеді. Робот эволюциясының нәтижесі адамзатқа пайдалы ма, әлде керісінше ме, белгісіз.

Талқылау

ЖИ заманауи құқықтық реттеу деңгейі (заңдар деңгейінде) қазіргі кезде бұл технологияны қолданудың нақты кеңдігіне сәйкес келмейді. Осы орайда, ЖИ саласын қатаң реттеу қажеттілігіне қатысты ғылыми қоғамдастықта бұндай жолды қолдаушылар да, оған қарсыластар да бар. Шұғыл және қатаң құқықтық реттеу қажеттілігін ЖИ қолдану саласындағы ықтимал теріс салдарларды «қауіпті тенденциядан» «қалыпты» және «кәдімгі» құбылысқа айналмайынша тоқтату маңызды екендігімен негіздеуге болады.⁹ Қатаң құқықтық реттеуге қарсы аргумент ретінде шамадан тыс реттеу өмірге енгізу үдерісін және экономика мүддесі үшін ЖИ-тың одан әрі дамуын бәсеңдетеді деген тезисті келтіруге болады.

Өздеріңіз білетіндей, ЖИ қабілеттерінің заманауи деңгейі қазірдің өзінде биосфераның ең ақылды жаратылысы – адамның монополиясына қарсы тұруға мүмкіндікке жетті. Ғылыми қоғамдастықтағы ЖИ-ты «тұлға» ретінде тануға бола ма деген пікірталас оның стандартты еместігімен ғана емес, сонымен бірге адамның өзінің бірегейлік деңгейі туралы ойлануға мәжбүр ететіндігімен де қызықты. Осылайша, қазір мұндай пікірталастар қалай аяқталатынын елестету қиын.

Құқықтық қызмет саласында ЖИ-тың қолданылуына осы салада пайдаланылатын көптеген құжаттардың бастапқы мазмұны, реттелген және біркелкі құрылымның болмауы кедергі келтіреді. Сондықтан, көп жағдайда, құжаттар бастапқы түрінде ЖИ жүйелері арқылы өңдеуге жарамайды, ал ЖИ-тың қолданылуы адамның тікелей қатысуынсыз жүрмейді. Осы жерде айта кететін жайт, болашақта құқықтық саланы цифрландырудың өсуімен және ЖИ-тың интеллектуалдық деңгейінің дамуымен бұл жағдай өзгеруі мүмкін.

Құқық қорғау қызметі саласында тұлғаны графикалық сәйкестендіру үшін ЖИ-ты қолданудан үлкен үміт күтілуіне қарамастан, тұлғаны бет-әлпет бойынша тану технологиясы қате нәтижелерге әкелетіні және оны дамытуды қажет ететіні анықталды. Қылмыстың алдын алуын және полиция қызметкерлерін тиімдірек қолдану үшін ЖИ-ты енгізу және пайдалану әрекеті, белгілі болғандай, қылмыстылық деңгейінің нақты жағдайына сәйкес келмейтін біржақты нәтижелерге әкелуі мүмкін. Әлбетте, соңғы жағдайда мәселе ЖИ-тың өзінде емес, адамдар жасаған кіріс деректерінің саны мен сапасында.

Көптеген сұрақтар ЖИ жүйелерін пайдалану арқылы алынған нәтижелердің сенімділігі, тексерілу және түсіндіру деңгейімен туындайды. Мәселе кейбір қазіргі заманғы ЖИ-тердің бағдарламалық кодының не жабық, не өте көлемді және күрделі болуымен немесе өзін-өзі өзгертуді және өзін-өзі модернизациялауды қамтамасыз ететіндігінде немесе жоғарыда аталғандардың барлығының бірге орын алуымен байланысты. Бұл тіпті ЖИ саласындағы сарапшылар үшін ЖИ жүйесінің алгоритмі белгілі бір нәтижені қалай және неліктен бергенін нақты түсіндіру қиынға соғады.

⁹Жеке деректерді орталықтандырылған жинау, қоғамдық және жеке өмірдің кейбір салаларын кеңінен қадағалау және с.с.

Қорытынды

Өткізілген жұмыс нәтижесінде заңгерлер қауымдастығы ЖИ технологиялары пайдаланылатын жағдайларға дәстүрлі құқықтық тұжырымдамалар мен тәсілдерді¹⁰ қолдану процесінде кейбір қиындықтарды бастан кешіруде деген қорытынды жасауға болады. Сондықтан кейбір зерттеушілердің жаңа құқықтық доктриналардың академиялық дамуы немесе бұрыннан барларын қайта қарау қажеттілігі туралы үндеулері кейде негізсіз емес сияқты. Қалай болғанда да, цифрлық технологиялардың серпінді дамуы қолданыстағы құқықтық шындыққа айтарлықтай әсер етіп, заңгерлер қауымдастығын ЖИ-ты құқықтық реттеу саласындағы жаңа тәсілдерді іздеуге және дамытуға итермелейді. Мәселе адам құқықтары саласындағы халықаралық қағидаттар аясында тиісті құқықтық актілер мен басқа да нұсқаулар қаншалықты дер кезінде қабылданатынында болып отыр. Сондай-ақ, зерделеу нәтижесінде, ЖИ дамуының қазіргі деңгейі адамның интеллектуалдық мүмкіндіктерімен салыстырғанда әлі де қарапайым деп айтуға болады. Сондықтан, қазіргі уақытта құқықтық қызмет саласында ЖИ технологияларын қолдану шектеулі және мұндай пайдалану адамның бақылауынсыз жүрмейді. Бірақ ЖИ-тың «күші» – бұл технологияның елеулі эволюциялық әлеуеті бар екендігінде. Осының нәтижесінде, болашақта ЖИ дамудың қандай деңгейлеріне қол жеткізетінін болжау өте қиын. Бірақ бір нәрсе даусыз – ЖИ мүмкіндіктері адам интеллектісінің мүмкіндіктеріне тек жақындай береді.

**Ж.Р. Темирбеков, PhD, teaching профессор Департамента публичного права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Нур-Султан, Казахстан):
Право и искусственный интеллект: некоторые исследования.**

Актуальность статьи связана с необходимостью исследования проблем и вопросов в сфере правового регулирования систем искусственного интеллекта. *Цель* исследования – выполнить обзор нескольких научных статей, посвященных общим вопросам и проблемам правового регулирования систем искусственного интеллекта. В процессе подготовки статьи применялись такие *методы исследования* как сравнительный метод, дедуктивный и индуктивный методы, методы анализа и синтеза, и некоторые другие. В результате обзора можно сделать *вывод*, что с развитием технологий искусственного интеллекта их влияние на основные права человека будет только усиливаться. Кроме того, в юридическом сообществе обсуждаются вопросы о возможном признании роботов на базе искусственного интеллекта носителями моральных и юридических прав. Вышесказанное связано с прогнозом, что в будущем, достижения технологий искусственного интеллекта сравняются или даже превзойдут интеллектуальные способности человека, что может послужить причиной появления нового вида – разумных роботов. Это приведет к тому, что человечеству необходимо будет приспособливаться жить с новым разумным видом существ в симбиозе. Однако неизвестно, каким может быть итог такого сосуществования для человеческой расы. Кроме прочего, отмечается необходимость усиления нормативного регулирования, акселерации правовых академических исследований, мониторинга негативных последствий в сфере использования и применения систем искусственного интеллекта. Что касается применения искусственного интеллекта в сферах юридической деятельности, то на сегодняшний день, данная технология

¹⁰Мысалы, құқық субъектілігі теориясы, заңды жауапкершілік, авторлық құқық, патенттік құқық, деликтік құқық салаларында.

успешно применяются лишь в юридических задачах, которые связаны с механическими или повторяющимися действиями. Задачи, связанные с абстрагированием и концептуализацией, где необходимо познание и мышление, для искусственного интеллекта все еще трудновыполнимы. Как выяснилось, отдельные попытки применения искусственного интеллекта для «умной» профилактики преступности не всегда приводят к желаемому результату. В сфере юридической ответственности – можно утверждать на примере беспилотных автомобилей, что с распространением технологий искусственного интеллекта ответственность от пользователей будет смещаться «вверх» к производителям.

Ключевые слова: искусственный интеллект и право, искусственный интеллект, право, распознавание лиц, беспилотные автомобили, основные права человека, правосубъектность, алгоритмы, программный код, машинное обучение.

Zh.R. Temirbekov, PhD, Teaching Professor of the Department of Public Law at M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan, Kazakhstan): Law and artificial intelligence: some research.

The *relevance* of the article is associated with the need to study problems and issues in the field of legal regulation of artificial intelligence systems. The *purpose of the study* is to review several modern scientific articles devoted to general issues and problems of legal regulation of artificial intelligence systems. In the process of preparing the article, such research *methods* were used as the comparative method, deductive and inductive methods, methods of analysis and synthesis, and some others. As a *result* of the review, it can be concluded that the development of artificial intelligence technologies has already reached the level of influence on fundamental human rights. In addition, the legal community is discussing the possibility of recognizing robots based on artificial intelligence as the owner of moral and legal rights. The foregoing is connected with the forecast that in the future, the achievements of artificial intelligence technologies will equal or even surpass the intellectual abilities of a person, which may cause the emergence of a new species – sensible robots. This will lead to the fact that humanity will need to adapt to live with a new sensible species of beings in symbiosis. However, it is not known what the outcome of such coexistence could be for the human race. Among other things the need to strengthen regulatory regulation, accelerate legal academic research, monitor negative consequences in the use and application of artificial intelligence systems is noted. As for the use of artificial intelligence in the fields of legal activity, today, this technology is successfully applied only in legal tasks that are associated with mechanical or repetitive actions. The tasks associated with abstraction and conceptualization, where cognition and thinking are necessary, are still difficult for artificial intelligence to accomplish. As it turns out, some of the current attempts to use artificial intelligence for smart crime prevention do not always lead to the desired result. In the area of legal responsibility, it can be argued, using the example of unmanned vehicles, that with the proliferation of artificial intelligence technologies, responsibility from users will shift “up” to manufacturers.

Keywords: artificial intelligence and law, artificial intelligence, law, face recognition, self-driving cars, basic human rights, legal personality, algorithms, program code, machine learning.

Әдебиеттер тізімі:

1. Темирбеков Ж.Р. Искусственный интеллект и право: краткий обзор // Право и государство. 2021. № 3 (92). – С. 142-156.

2. Федорченко С.Н. Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы // Право и государство. 2020. № 3-4 (88-89). – С. 161-174.

3. Dempsey J.X. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. USA, Berkeley: Berkeley Center for Law & Technology. 2020. URL: https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2020/08/Artificial-Intelligence-An-Introduction-to-the-Legal-Policy-and-Ethical-Issues_JXD.pdf.

4. Gordon J.-S. AI and law: ethical, legal, and socio-political implications // AI & Soc. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01194-0>.

5. Karnouskos S. Symbiosis with artificial intelligence via the prism of law, robots, and society // Artificial Intelligence and Law. 2022. № 30. – Pp. 93-115. URL: <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09289-1>.

6. Rodrigues R. Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities // Journal of Responsible Technology. 2020. Vol. 4. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005>.

7. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. № 4. – Pp. 1305-1337. URL: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2981&context=gsulr>.

References (transliterated):

1. Temirbekov Zh.R. Iskusstvennyi intellekt i pravo: kratkii obzor // Pravo i gosudarstvo. 2021. № 3 (92). – S. 142-156.

2. Fedorchenko S.N. Tsifrovyye tekhnologii v politicheskom protsesse: novyye vyzovy i perspektivy // Pravo i gosudarstvo. 2020. № 3-4 (88-89). – S. 161-174.

3. Dempsey J.X. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. USA, Berkeley: Berkeley Center for Law & Technology. 2020. URL: https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2020/08/Artificial-Intelligence-An-Introduction-to-the-Legal-Policy-and-Ethical-Issues_JXD.pdf.

4. Gordon J.-S. AI and law: ethical, legal, and socio-political implications // AI & Soc. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01194-0>.

5. Karnouskos S. Symbiosis with artificial intelligence via the prism of law, robots, and society // Artificial Intelligence and Law. 2022. № 30. – Pp. 93-115 URL: <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09289-1>.

6. Rowena Rodrigues. Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities // Journal of Responsible Technology. 2020. Vol. 4. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005>.

7. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. № 4 – Pp. 1305-1337. URL: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2981&context=gsulr>.

Для цитирования и библиографии: Темірбеков Ж.Р. Құқық пен жасанды интеллект арақатынасы: кейбір зерттеулер // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 83-99. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_83

Материал поступил в редакцию 07.06.2022.

BOOK REVIEW: THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION. EXPLORATION OF NEW HORIZONS / ED. BY MAROCHKIN S., BEZBORODOV YU. LONDON: ROUTLEDGE TAYLOR & FRANCIS, 2022. – 262 P.

ABYLAIULY A.,
PhD, assistant professor,
International Law Programme
Director at M.S. Narikbayev
KAZGUU University
(Nur-Sultan, Kazakhstan),
e-mail: a_abylaiuly@kazguu.kz

The article reviews a monograph under the name «Shanghai Cooperation Organization. Exploring new horizons», written by an international team of authors edited by Doctor of Law, Professor Marochkin S.Yu. and Doctor of Law, Professor Bezborodov Yu.S. This international team consists of 32 scientists: 2 researchers from India (A. Bava, K. Dvivedi), 7 scientists from Kazakhstan (Zh. Busurmanov, Zh. Iskakova, Zh. Kulzhabayeva, A. Oynarova, A. Ospanova, M. Sarsembayev, A. Khamzin), 3 analysts from China (K. Meng, G. Nan, K. Tianbao), 2 experts from Kyrgyzstan (A. Orozbekova, K. Ramankulov), 16 scientists from Russia (A. Abashidze, O. Arkhipova, Yu. Bezborodov, O. Bogatyreva, A. Chukreev, E. Gladun, M. Lagutina, T. Luzina, S. Marochkin, K. Lyabakh, E. Mikhailenko, O. Porshneva, S. Razinkov, A. Solntsev, O. Vinnichenko, L. Zaitseva), 2 researchers-representatives of Uzbekistan (A. Mukhamedzhanov, M. Rakhimov). This book is devoted to historical, legal, economic and political issues of the functioning of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Justification by the authors of the monograph of the possibility of combining

the potentials of the SCO and the EAEU gives it the status of a special book. Published by the famous London publishing house, it is largely addressed to the Western reader: that is why the authors sought to show the possibility of combining certain Eastern and Western political views, which distinguishes the book from the general series of similar books. The content of the book, in particular, is revealed through the analysis of the development of the Eurasian space through regional cooperation, which can be carried out by searching for new ways. The authors scrupulously investigate the roots and foundations of the SCO. The analytical study of the formation and institutional development of the SCO, the international legal framework and aspects of interaction between the SCO member states contributes to the disclosure of the contents of the book. The book pays considerable attention to the issues of cooperation in the field of security of the SCO. The SCO member states consider the settlement of border conflicts and countering extremism to be important tasks of their organization, which is clearly reflected in the pages of the peer-reviewed monograph. One of the interesting facets of the study is the desire to bring together Western and Asian legal values in the perspective of the SCO activities. The authors of the monograph offer rational ideas for the rapproche-

ment of the positions of China and India in order to establish closer business and friendly relations between them. The SCO is a unique international organization in its own way, which, as it further develops and improves, could contribute to deepening trade and economic cooperation between countries in the Asian and Eurasian space, could more professionally resist terrorism in this space.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, security, counteraction to extremism, humanitarian cooperation, human rights, mutual trade, SCO platform, fight against terrorism, legislation, mutual action.

Many books have been written about the SCO.¹ But this book differs primarily in that it is written by the authors of the countries that are part of the SCO: this palette of views makes the book more saturated, interesting, and meaningful.

The book consists of three parts.

The first chapter is devoted to the fundamentals of the functioning of the SCO. In particular, the issues of institutional development of the SCO in the historical and legal context, as well as cooperation in the field of security and countering extremism were considered.

The authors note that, on the one hand, «the entry of India and Pakistan threatens to exacerbate existing contradictions and transfer the conflict between these two states to the SCO platform»; on the other hand, it presents «the potential for turning the SCO into a platform for resolving these conflicts». The combination of such a challenge and potential, of course, is an advantage for the SCO in ensuring regional security.

The authors also note that the SCO is «ineffective in relation to Afghanistan and economic cooperation», and believe that the reason for this is «the dependence of Central Asian countries on Chinese credit». However, I think that the authors should have explored the question of what role the SCO should play in ensuring security in Afghanistan and how the dependence of the Central Asian countries affects the effective functioning of the SCO and regional security.

Of particular note is the vision of the authors, according to which the membership in the SCO of states with undeveloped democratic institutions affects lawmaking; in particular, the law-making activity of the SCO is characterized as declarative and demonstrative. But despite this, the authors believe that the SCO remains an effective platform for cooperation between the states of Eurasia.

Further, the authors note that in the second period of the development of the SCO (since 2015), the member states interpret the strategic development of the organization in different ways. Thus, if China and the countries of Central Asia proceed from the fact that the SCO should form a common position on security issues, then Russia interprets

¹Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. – 246 с.; Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития / Сост.: А.Ф. Клименко. М.: Институт Дальнего Востока, 2008. – 400 с.; Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Правовое и экономическое исследование: монография / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2017. – 332 с.; Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. – 344 с.; Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы / Отв. ред.- составитель Ю.В. Кулинцев. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. – 176 с.

strategic development according to the «NATO» model (p. 47). In this regard, Russia promoted the merger of the SCO and the CSTO, but this vision did not receive support from China and the Central Asian states. In connection with this, the authors believe that the SCO will develop within the framework of consensus and forum formats. Nevertheless, it would be useful for researchers to get the authors' perspective on the possible positive and negative aspects of both of the above models of the SCO development.

According to the authors, there are also different approaches to interpreting the concept of countering extremism. This, in turn, manifests itself in various violations of human rights and freedoms. However, the authors do not detail what human rights violations they are talking about, and do not disclose the relationship between the protection of human rights and the fight against extremism. The authors also note that the provision exacerbates the imperfection of national legislation in terms of defining the concepts of «terrorism», «extremism» and «violent extremism». In this regard, the authors recommend finalizing the key provisions of the SCO concept, including through the development of a new convention on countering extremism.

The part of this book is called «Building a Basis: Roots and Grounds» which «offers an overview and characteristics of the initial foundations in building the Organization, although these foundations are also considered by the authors from the point of view of development and possible prospects» (p. 5).

The second chapter is devoted to the issues of convergence of Western and Asian legal values in the perspective of the SCO, humanitarian cooperation, convergence of labor legislation, and interaction between the SCO and the EAEU.

The authors note that «Western civilization dominates the developing countries of the SCO region. Asian countries usually perceive this as political pressure and a desire to subjugate». However, such a conclusion would be more justified if it were supplemented with alternative statistical data and the results of sociological research. As a response step of «Western civilization», the authors propose to adopt the «Eurasian Declaration of Human and Peoples' Rights within the framework of the SCO in order to reflect their specificity». At the same time, it would be relevant to determine the conceptual difference in approaches to fundamental human rights inherent in the SCO countries, in the light of the fact that all SCO member states are parties to the ICCPR (except China, which has signed the ICCPR but not ratified). Moreover, this skepticism is confirmed in subsection 7 of section 2, where the authors note that the SCO countries are characterized by «civilizational diversity and the absence of common unifying values» and the SCO «has failed to develop its own identity and create common values».

One should agree with the opinion of the authors, according to which «not all announced projects in the humanitarian sphere have reached the stage of implementation» and «coordination between countries remains insufficiently developed, and governance structures are either absent or too weak». In addition, plans to create a unified Shanghai Higher Education Area have also not materialized. In this regard, we should also agree that ratification of the most important ILO conventions, improvement of living conditions, improvement of working conditions, expansion of labor rights and guarantees could become recommended measures.

Finally, the third chapter is devoted to the prospects and new horizons of the SCO. The authors rightly noted the low volume of trade between some SCO member countries, and not all countries are able to expand mutual trade. In this regard, according to the authors, such an objective reason leads to the fact that cooperation in the economic sphere «in the near future will continue to be carried out on a bilateral basis, and the

SCO has a long way to go to implement multilateral cooperation». We should agree that building new approaches to providing an efficient logistics infrastructure in the interests of all SCO member states is an important issue.

On the SCO's agenda is the question of the possibilities of convergence of the labor legislation of the member states of this international organization: this would allow the exchange of labor, would positively contribute to the solution of labor migration issues. The authors raised the question of the possibilities of implementing international legal forms of interaction between the SCO and the EAEU. Today, with geopolitical complications, the importance of economic cooperation within the SCO is increasing. The SCO's transport and logistics assistance to the states of the Central Asian region would be another means of strengthening economic cooperation within the SCO. All this implies the improvement of the legal mechanism of SCO energy cooperation. Environmental protection is a challenge for the SCO: it seems that the early introduction of electric and hydrogen vehicles on the roads of the SCO member states could significantly ensure the cleanliness of the environment.

Of particular note and support is the position that the SCO should be reformed by moving from focusing exclusively on security to an agenda that will focus on economic development and trade.

The SCO's organizational and legal mechanism and the ability of 2 large SCO member states, Russia and China, make it possible to optimally regulate the relationship between India and Pakistan: «The predominance of this or that vector in many ways will depend on the tactics adopted by the leading actors in the Organization (China and Russia), as well as on the behavior of other members» (p. 20).

In continuation of the analysis of this situation, it should be said that the potential of the SCO has shown that Russia and China can, within the framework of this international organization, settle the difficult relations between India and Pakistan that have entered as members of SCO: «The accession of India and Pakistan as full members gave the SCO “a pronounced transcontinental character and strengthened its position in the international arena”. 19 territorial and other differences between India with both China and Pakistan (Abbasi, 2015; Mohd and Zulafqa, 2020) should not create barriers to dialogue within the SCO. The experience of Russia and China being in the SCO is becoming an example of how it is possible and necessary to regulate existing differences, which allows to enter a strategic partnership. Russia and China saw the future of the SCO differently: China advocated the regional development of the Organization; Russia supported a more global vision. This meant that Russia considered it necessary to expand the SCO membership. The CA states have shown interest in both regionalization and globalization» (p. 30).

We draw the reader's attention to what Iran represents for the SCO and the SCO member countries of Central Asia: Iran is «a key player in the global energy sector, and a bridge for the landlocked CA states is interesting and useful for the SCO». «Therefore, the task is to obtain the status of an SCO member by Iran, which is still in the status of an observer state» (p. 32). But now from September 2021 Iran is a permanent member of the SCO.

Multilateral energy cooperation is of great importance for States: this would provide tangible assistance to the state, which, for various reasons, was left without electricity. This is what was meant when the authors of this book analyzed this issue: «Although member states have signed several multilateral or bilateral agreements on energy cooperation and development, a comprehensive legal mechanism for energy cooperation is

far from being instituted. Given the absence of such an effective legal mechanism safeguarding energy cooperation and the divergent energy interests among SCO members, energy cooperation within the framework of the SCO would continue to be carried out bilaterally soon and there is a long way for the SCO to realize multilateral energy cooperation» (p. 177).

Careful reading of the monograph allows the reader to take a critical look at the SCO from the inside and to know its potential. The book is addressed to researchers and practitioners – lawyers, economists, political scientists, sociologists, all those who are interested in issues of regional integration and the SCO.

А. Абылайұлы, PhD, assistant professor, М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университетінің халықаралық құқық бағдарламаның директоры (Нұр-Сұлтан, Қазақстан): Кітапқа шолу: Шанхай ынтымақтастық ұйымы. Жаңа көкжиектерді зерттеу / жауапты редакторлар Марочкин С., Безбородов Ю. Лондон: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 бет.

Мақалада халықаралық авторлар ұжымының з.ғ.д., профессор Марочкин С.Ю. және з.ғ.д., профессор Безбородов Ю.С. редакциясымен жазған монографиясы «Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы. Жаңа көкжиектерді зерттеу» атымен рецензияланады. Бұл халықаралық ұжымның құрамына 32 ғалым кіреді: Үндістаннан 2 зерттеуші (А. Бава, К. Дживеди), Қазақстаннан 7 ғалым (Ж. Бұсырманов, Ж. Ысқақова, Ж. Құлжабаева, А. Ойнарова, А. Оспанова, М. Сәрсембаев, А. Хамзин), Қытайдан 3 аналитик (К. Менг, Г. Нан, К. Тяньбао), Қырғызстаннан 2 сарапшы (А. Орозобекова, К. Раманқұлов), Ресейден 16 ғалым (А. Абашидзе, О. Архипова, Ю. Безбородов, О. Богатырева, А. Чукреев, Е. Гладун, М. Лагутина, Т. Лузина, С. Марочкин, К. Лябах, Е. Михайленко, О. Поршнева, С. Разинков, А. Солнцев, О. Винниченко, Л. Зайцева), Өзбекстанның 2 зерттеуші-өкілі (А. Мұхамеджанов, М. Рахимов). Бұл кітап Шанхай ынтымақтастық ұйымы қызметінің тарихи, құқықтық, экономикалық және саяси мәселелеріне арналған. ШЫҰ мен ЕАЭО әлеуетін біріктіру мүмкіндігінің негіздемесі оған ерекше кітап мәртебесін береді. Лондонның әйгілі баспасы шығарған, ол батыстық оқырманға көп көңіл бөледі: сондықтан авторлар шығыс және батыс саяси көзқарастарының бір-біріне қосылу мүмкіндігін көрсетуге тырысты, бұл кітапты ұқсас кітаптардың жалпы қатарынан ерекшелейді. Кітаптың мазмұны аймақтық ынтымақтастық арқылы Еуразиялық кеңістіктің дамуын талдау мен жаңа жолдарды іздеумен, атап айтқанда, жүзеге асырылуы арқасында ашылады. Авторлар ШЫҰ-ның құрылуы мен негізін мұқият зерттеген. Кітаптың мазмұнын ашуға ШЫҰ-ның қалыптасуы мен институционалдық дамуын, халықаралық құқықтық базаны және ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің өзара іс-қимыл аспектілерін аналитикалық зерттеу ықпал етеді. Кітапта ШЫҰ қауіпсіздігі саласындағы ынтымақтастық мәселелеріне көп көңіл бөлінеді. ШЫҰ-ға мүше мемлекеттер шекаралық қақтығыстарды реттеу мен экстремизмге қарсы іс-қимылды өз ұйымдарының маңызды міндеттері деп санайды, бұл рецензияланған монография беттерінде өзінің нақты көрінісін тапты. Зерттеудің қызықты қырларының бірі ШЫҰ қызметінің перспективасындағы батыс және азиялық құқықтық құндылықтарды жақындастыруға ұмтылыс болып табылады. Монография авторлары олардың арасында тығыз іскерлік және достық қарым-қатынас орнату мақсатында Қытай мен Үндістанның ұстанымдарын жақындастырудың ұтымды идеяларын ұсынады. ШЫҰ өзінің одан әрі дамуы мен жетілуіне қарай Азия, Еуразия кеңістігіндегі елдер арасындағы сауда-экономикалық ынтымақтастықты тереңдетуге жәрдемдесетін,

осы кеңістіктегі терроризмге неғұрлым кәсіби түрде қарсы тұра алатын бірегей халықаралық ұйым.

Оқырманға монография ШЫҰ-ға ішкі жағынан сыни көзқараспен қарауға және оның әлеуетін білуге мүмкіндік береді. Кітап ғылыми қызметкерлер мен заңгерлерге, экономистерге, саясаттанушыларға, әлеуметтанушыларға, өңірлік интеграция және ШЫҰ мәселелеріне қызығушылық танытқандарға арналады.

Тірек сөздер: Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы, қауіпсіздік, экстремизмге қарсы іс-қимыл, гуманитарлық ынтымақтастық, адам құқықтары, өзара сауда, ШЫҰ платформасы, терроризмге қарсы күрес, заңнама, өзара іс-қимыл.

А. Абылайұлы, PhD, assistant professor, директор программы международного права Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (Нур-Султан, Казахстан): Рецензия на книгу: Шанхайская организация сотрудничества. Исследование новых горизонтов / отв. ред. Марочкин С., Безбородов Ю. Лондон: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 с.

Рецензируется монография под названием «Шанхайская организация сотрудничества. Исследуя новые горизонты», написанная международным коллективом авторов под редакцией д.ю.н., профессора Марочкина С.Ю. и д.ю.н., профессора Безбородова Ю.С.. В состав этого международного коллектива входят 32 ученых: 2 исследователя из Индии (А. Бава, К. Дживеди), 7 ученых из Казахстана (Ж. Бурсурманов, Ж. Искакова, Ж. Кулжабаева, А. Ойнарова, А. Оспанова, М. Сарсембаев, А. Хамзин), 3 аналитика из Китая (К. Менг, Г. Нан, К. Тяньбао), 2 эксперта из Кыргызстана (А. Орозобекова, К. Раманкулов), 16 ученых от России (А. Абашидзе, О. Архипова, Ю. Безбородов, О. Богатырева, А. Чукреев, Е. Гладун, М. Лагутина, Т. Лузина, С. Марочкин, К. Лябах, Е. Михайленко, О. Поршнева, С. Разинков, А. Солнцев, О. Винниченко, Л. Зайцева), 2 исследователя – представителя Узбекистана (А. Мухамеджанов, М. Рахимов). Книга посвящена историческим, правовым, экономическим и политическим вопросам функционирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Обоснование авторами возможности объединения потенциалов ШОС и ЕАЭС придает ей статус особенной книги. Изданная известным лондонским издательством, она в значительной мере обращена к западному читателю: поэтому авторы стремились показать возможность соединения тех или иных восточных и западных политических взглядов, что выделяет книгу из общего ряда подобных книг. Содержание книги раскрывается, в частности, благодаря анализу развития евразийского пространства через региональное сотрудничество, которое может быть осуществлено поиском новых путей. Авторы достаточно скрупулезно исследуют корни и основания ШОС. Раскрытию содержания книги содействует аналитическая проработка формирования и институционального развития ШОС, международно-правовых основ и аспектов взаимодействия государств-членов ШОС. В книге уделяется значительное внимание вопросам сотрудничества в области безопасности ШОС. Государства-члены ШОС считают важными задачами своей организации урегулирование пограничных конфликтов и противодействие экстремизму, что нашло свое четкое отражение на страницах рецензируемой монографии. Одной из интересных граней исследования является стремление сблизить западные и азиатские правовые ценности в перспективе деятельности ШОС. Авторы монографии предлагают рациональные идеи сближения позиций Китая и Индии в целях установления более тесных деловых и дружественных отношений между ними. ШОС по-своему – уникальная международная организация, которая по мере своего даль-

нейшего развития и совершенствования могла бы содействовать углублению торгово-экономического сотрудничества между странами на азиатском, евразийском пространстве, могла бы более профессионально противостоять терроризму на данном пространстве.

Внимательное чтение монографии позволяет читателю критически взглянуть на ШОС изнутри и лучше познать ее потенциал. Книга адресуется научным работникам и практикам – юристам, экономистам, политологам, социологам, всем тем, кто интересуется вопросами региональной интеграции и ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, безопасность, противодействие экстремизму, гуманитарное сотрудничество, права человека, взаимная торговля, платформа ШОС, борьба с терроризмом, законодательство, взаимодействие.

Список литературы:

1. The Shanghai Cooperation Organization. Exploring new horizons. Monograph / Edited by Marochkin S., Bezborodov Yu. London: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 p.
2. Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. – 246 с.
3. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития / Сост.: А.Ф. Клименко. М.: Институт Дальнего Востока, 2008. – 400 с.
4. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Правовое и экономическое исследование: монография / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2017. – 332 с.
5. Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019. – 344 с.
6. Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы / Отв. ред.-составитель Ю.В. Кулинцев. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. – 176 с.

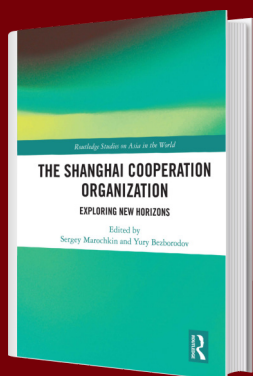
References (transliterated):

1. The Shanghai Cooperation Organization. Exploring new horizons. Monograph / Edited by Marochkin S., Bezborodov Yu. London: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 p.
2. Shangkhaitskaya organizatsiya sotrudnichestva: vzaimodeystviye vo imya razvitiya. M.: Institut Dal'negu Vostoka RAN, 2006. – 246 s.
3. Shangkhaitskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya / Sost.: A.F. Klimenko. M.: Institut Dal'negu Vostoka, 2008. – 400 s.
4. Globalizatsiya i integratsionnyye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. Pravovoye i ekonomicheskoye issledovaniye: monografiya / Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. Red. T.Ya. Khabriyeva. M.: INFRA-M, 2017. – 332 s.
5. Perspektivy mnogostoronnego sotrudnichestva SHOS s mezhdunarodnymi strukturami v interesakh razvitiya strategii Organizatsii. M.: Institut Dal'negu Vostoka RAN, 2019. – 344 s.

6. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v interesakh obespecheniya bezopasnosti geopoliticheskogo prostranstva SHOS: problemy i perspektivy / Otv. red.- sostavitel' Yu.V. Kulintsev. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2021. – 176 s.

Для цитирования и библиографии: Abylaiuly A. Book review: The Shanghai Cooperation Organization. Exploration of new horizons / ed. by Marochkin S., Bezborodov Yu. London: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 p. // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 100-107. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_100

Материал поступил в редакцию 11.06.2022.

НОВЫЕ КНИГИ

The Shanghai Cooperation Organization. Exploration of new horizons. Ed. by Marochkin S., Bezborodov Yu. London: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 p.

ISBN: 978-0-367-77280-2 (hbk)

ISBN: 978-0-367-77281-9 (pbk)

ISBN: 978-1-003-17061-7 (ebk)

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is one of the most rapidly developing centres of the multipolar world, covering an enormous landmass including China, India, Russia and its southern Eurasian neighbours. With both its eight member states, and a growing group of observer states, the SCO's activities have expanded beyond its initial focus on security and stability to broader cooperation with the UN and other groupings such as the G20, BRICS, NATO and ASEAN. Bringing together large and disparate nation-states with often rival geo-strategic agendas means that it faces substantial structural challenges but also has great potential. The contributors to this volume, representing a range of the states within the SCO, evaluate the possibilities for the Organization, and the challenges it faces in achieving them through a prism of legal regulation. They evaluate the bloc's prospects for economic, humanitarian, legal, trade, labour, migration, and environmental cooperation, as well as its more traditional concerns with security and defence. The authors, analyzing the quality of cooperation between states within the SCO, note the controversial character of this process: it demonstrates both efficiency and declarative and decorative nature of the SCO. A valuable read for scholars and policy-makers with a focus on Eurasian cooperation, and processes of regionalism and universalism in international relationships.

МАЗМҰНЫ

• *А.Б. Дидикин*. Моральдық принциптер мен құқықтық жүріс-тұрыс: Ричард Хэардың лингвистикалық тұжырымдамасын талдау. 14-15 б. • *С.В. Саяпин*. Орталық Азиядағы халықаралық құқық: теория және практика. 47-48 б. • *Э.Ю. Викторова*. XIX-XX ғасырларда АҚШ-та құқық нормаларын түсіндіру теориясының даму тарихы. 68-69 б. • *С. Ингелькофер*. Германия Федеративтік Республикасының Ауылшаруашылығы туралы заңында биоәртүрлілікті қорғау. 80 б. • *Ж.Р. Темірбеков*. Құқық пен жасанды интеллект арақатынасы: кейбір зерттеулер. 83-97 б. • *А. Абылайұлы*. Кітапқа шолу: Шанхай ынтымақтастық ұйымы. Жаңа көкжиектерді зерттеу / жауапты редакторлар Марочкин С., Безбородов Ю. Лондон: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 бет. 104-105 б.

CONTENTS

• *A.B. Didikin*. Moral Principles and Legal Behavior: An Analysis of Richard Hare's Linguistic Conception. P. 15-16. • *S. Sayapin*. International Law in Central Asia: Theory and Practice. P. 48. • *E.Yu. Viktorova*. Development of the Interpretation of Legal Rules Theories in the USA in the 19th and 20th Century. P. 69. • *S. Ingelkofer*. Protection of Biodiversity in the Agricultural Act of the Federal Republic of Germany. P. 73-79. • *Zh.R. Temirbekov*. Law and artificial intelligence: some research. P. 98. • *A. Abylaiuly*. Book review: The Shanghai Cooperation Organization. Exploration of new horizons / ed. by Marochkin S., Bezborodov Yu. London: Routledge Taylor & Francis, 2022. – 262 p. P. 100-104.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

- Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания.

- Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, введение, основные положения, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы.

- Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

- Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

- Сноски в статье – постраничные, со сквозной нумерацией. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной изученной автором научной литературы по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в пристатейную библиографию. Номера УДК, ГРНТИ, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания (сноски) оформляются в соответствии с ГОСТами. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

- В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

- В редакцию представляются: электронная версия статьи, фото автора (желательно – художественный, не документальный портрет). Последняя страница присылается также и в сканированном варианте.

- Поступившие в редакцию статьи проходят процедуру проверки на плагиат (по системе Turnitin) и двойного "слепого" онлайн рецензирования в редколлегии без направления полных рецензий авторам статей. Редколлегия вправе отклонять статьи, которые по ее мнению не соответствуют требованиям журнала. За ошибки, неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). В случае переработки статьи или доработки по просьбе редакции журнала, датой поступления считается дата получения редакцией окончательного варианта. Если статья отклонена, редакция сохраняет за собой право не вести дискуссию по мотивам отклонения. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

- Соискатели, магистранты, аспиранты и докторанты, если статья не была специально им заказана, представляют статью для рассмотрения в редакцию с рецензией научного руководителя или доктора юридических наук. Затем поступившие статьи проходят двойное "слепое" рецензирование на общих основаниях.

- Отгиски статей не выдаются, гонорар авторам не выплачивается. Плата за публикацию с авторов и читателей не взимается. Автор опубликованной статьи получает электронную версию журнала. Все статьи размещаются в открытом доступе на сайте журнала и в РИНЦ.

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <http://km.kazguu.kz/pages/informacija-dlja-avtorov>).

Адрес и контактные данные редакции:

010000, г. Нур-Султан, шоссе Корғалжын, 8, Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева,
тел. 8 (7172) 70 30 07, 8 (7172) 70 17 55,

www.km.kazguu.kz. e-mail: pravoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

ҚҰРЫЛТАЙШЫ:
M.S. NARIKBAEV ATYNDAGI KAZGUU
UNIVERSITETI

УЧРЕДИТЕЛЬ:
УНИВЕРСИТЕТ КАЗГЮУ ИМЕНИ
М.С. НАРИКБАЕВА

CHAIRMAN:
M. NARIKBAEV KAZGUU
UNIVERSITY

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.09.2006 жылы №7742-Ж күелігі берілген.

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.09.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

The state registration №7742-ZH was given on 25.09.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

Журнал РФКД халықаралық ғылыми өлшем жүйесіне енген.

Журнал включен в международную наукометрическую систему РИНЦ.

The journal is included in international RSCI (Russian Science Citation Index) system.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

С. Ф. Ударцев (бас редактор);
Д.М. Каматова (жауапты хатшы, ағылшын тіліндегі мәтіннің редакторы);
Н.М. Акпеисова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
А.Ә. Биебаева (қазақ тіліндегі мәтіннің редакторы).

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

С. Ф. Ударцев (главный редактор);
Д.М. Каматова (ответственный секретарь, редактор текста на английском языке);
Н.М. Акпеисова (компьютерная верстка и дизайн);
А.А. Биебаева (редактор текста на казахском языке).

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

S. F. Udartsev (Editor-in-chief);
D.M. Kamatova (Executive secretary, text editor of the English version);
N.M. Akpeissova (Technical and design manager);
A.A. Biebayeva (Text editor of the Kazakh version).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Нұр-Сұлтан қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU
Universiteti,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.kazguu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Нур-Султан,
Кургальджинское шоссе, 8,
Университет КАЗГЮУ
имени М.С. Нарикбаева,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.kazguu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Nur-Sultan,
8 Korgalzhyn highway
M. Narikbaev KAZGUU University,
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.kazguu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, М.С. Нарикбаев атындағы КАЗГЮУ Университетінің репозиториянда орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева и являются общедоступными.

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (РИНЦ), IPRbooks, and in M. Narikbaev KAZGUU University's repository.

ISSN 2307-5201.

Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалуы міндетті.

ISSN 2307-5201.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

ISSN 2307-5201.

In case of citing materials reference to the journal "Law and State" is required.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Қолжазба қайтарылмайды.

Рукописи редакцией не возвращаются.

Manuscripts will not be returned.

Журналдың мұқабасын ресімдеу барысында М.С. Нарикбаев атындағы КАЗГЮУ Университетінің Н.А. Шайкенов атындағы Атриумы фотосуретінің фрагменті пайдаланылды (фотосурет: Каматова Д.М.).

При оформлении первой страницы обложки журнала использован фрагмент фотографии Атриума имени Н.А. Шайкенова Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева (фото Каматовой Д.М.).

In the design of the first page of the journal cover a fragment of a photo of N.A. Shaikhenov Atrium at M. Narikbaev KAZGUU University (photo by D.M. Kamatova) was used.

Жарияланған: 30.06.2022

Издан: 30.06.2022

Published: 30.06.2022

© M.S. Narikbaev atyndagi KAZGUU
Universiteti, 2022

© «Құқық және мемлекет» журналы, 2022.

© Университет КАЗГЮУ
имени М.С. Нарикбаева, 2022

© Журнал «Право и государство», 2022.

© M. Narikbaev KAZGUU
University, 2022

© Journal «Law and state», 2022.

БАКАЛАВРИАТ

- Менеджмент ★
FIBAA, IQAA
- Экономика ★
FIBAA, IQAA
- Финансы ★
FIBAA, CIMA, ACCA, IQAA
- Учет и аудит ★
FIBAA, CIMA, IQAA
- Туризм ★
FIBAA, IQAA
- Переводческое дело ★
IQAA
- Психология ★
FIBAA, IQAA
- Юриспруденция
FIBAA, IQAA
- Международное право ★
FIBAA, IQAA
- Правоохранительная деятельность
FIBAA, IQAA
- Журналистика: аналитика и расследования

МАГИСТРАТУРА

- Юриспруденция
FIBAA, IQAA
- Международное право ★
FIBAA, IQAA
- Экономика
FIBAA, IQAA
- Переводческое дело
IQAA
- Финансы ★
FIBAA, CIMA, ACCA, IQAA

ДОКТОРАНТУРА

- Юриспруденция
FIBAA, IQAA
- Международное право ★
FIBAA, IQAA

★ обучение на английском языке

БИЗНЕС ШКОЛА

MBA

DBA

Executive
DBA

Mini-
MBA

Преимущества

Университет КАЗГЮУ лидер образования по подготовке гуманитарно-юридических кадров в Казахстане, выпустивший **свыше 35 тысяч высококвалифицированных специалистов.**

Более 70 крупнейших стратегических вузов партнеров в России, США, Германии, Италии, Великобритании, Польше, Японии, Южной Корее и др.

Корпоративный Фонд «Эндаумент КАЗГЮУ» с 2016 года привлек **более 290 млн. тенге** для финансирования социальных и инфраструктурных программ и проектов университета.

Военная кафедра на базе Университета готовит лейтенантов запаса по следующим специальностям: «Учебная и социально-правовая работа», «Организация специальной пропаганды», «Организация идеологической работы», «Юрисконсультская работа».

Аккредитационные агентства

FIBAA ГЕРМАНИЯ

Фонд международной аккредитации программ в области бизнес-администрирования.

CIMA ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Международная ассоциация специалистов по управленческому учету Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

ACCA ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Ассоциации Дипломированных Сертифицированных Бухгалтеров.

IQAA КАЗАХСТАН

Независимое агентство по обеспечению качества в образовании, входит в Европейскую ассоциацию обеспечения качества высшего образования (ENQA) и включено в Европейский Реестр обеспечения качества высшего образования (EQAR).

© Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева
Республика Казахстан, 010000, город Нур-Султан,
район Есиль, шоссе Коргалжын, 8
+7 (7172) 70 30 30, info@kazguu.kz

